

Б. и М.-Т. ДАНИЕЛЬССОН

**МОРУРОА,
ЛЮБОВЬ
МОЯ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Б.и М.-Т. ДАНИЕЛЬССОН

МОРУРОА, ЛЮБОВЬ МОЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

*Bengt och Marie-Thérèse
Danielsson*

MORUROA, MON AMOUR

Trevi, Stockholm, 1976

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Перевод со шведского

Л. ЖДАНОВА

Ответственные редакторы

Г. И. АНОХИН, Ю. В. БОРИСОВ

Д $\frac{0506000000-071}{013(02)-83}$ КБ-7-58-83

© Bengt och Marie-Thérèse Danielsson, 1976.

© Перевод, предисловие, послесловие и примечания:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Остров Таити... Его звучное имя с детства ассоциируется в нашем сознании с могучим рокотом волн Тихого океана, с буйной тропической растительностью, с темпераментными танцами местных жителей. Этот «прелестный край», как называл Таити руководитель первой русской антарктической экспедиции Ф. Ф. Белингаузен, природа забросила далеко от посторонних глаз. Полинезию от Парижа отделяют 15 713 км, от США — 7000 км, от Австралии — 6000 км.

Французская Полинезия расположена в центральной части Тихого океана. В ее состав входят острова Общества (главный из них Таити), Туамоту, Гамбье, Тубуаи, Маркизские острова. Около 150. Настоящая «островная» империя! Ее общая площадь — 4200 кв. км. Население (по данным на 29 апреля 1977 г.) всего 137 382 человека.

Книга Бенгта и Мари-Терезы Даниельссон кратко рассказывает об истории колонизации французами Полинезии, которая по своим грабительским целям, методам и формам немногим отличается от классических, традиционных колониальных захватов капиталистических держав, создавших под лицемерным флагом «европейской цивилизации» современные рабовладельческие империи, существовавшие многие десятилетия и рухнувшие под ударами национально-освободительного движения угнетенных народов только во второй половине XX в.

«Океан французов. Не правда ли, простая формула»¹ — такими словами начинает свою вышедшую несколько лет назад в Париже книгу контр-адмирал де Броссар, рассказывающий о французских владениях в Океании. «Простая формула!» Но за ее мнимой «простотой» скрываются хищнические, эксплуататорские дела. Это прежде всего установление протектората французского монархического режима в 40-х годах прошлого века над островами Гамбье, Таити, Маркизскими. Несколько десятилетий спустя Третья Республика довела до ее логического завершения «цивилизаторскую миссию» Луи-Филиппа I, короля Франции. В 1880 г. французский губернатор добился «согласия» островного короля Помарэ V, чтобы тот отрекся от престола; Таити, Муреа, Надветренные острова (входят в состав архипелага Общества), Туамоту, Раиваваэ стали французскими колониальными владениями. К ним вскоре французы присоединили остров Гамбье. К концу прошлого века штык, подкуп, обман завершили формирование французской Полинезии. Французские колонизаторы вышли победителями из многолетней борьбы с не менее изощренными и опытными колонизаторами Англии и США.

¹ *Contre-Amiral (R) de Brossard. Océan des français. Tahiti — Nouvelle Calédonie. P., 1970, с. 9.*

Во Французской Полинезии был установлен колониальный режим. Во главе всей системы управления стоял назначенный в Париже губернатор, обладавший широкими полномочиями. Он командовал вооруженными силами и полицией на всей территории французских владений в Океании, имел право вводить военное положение, назначал, смещал и перемещал чиновников, за исключением тех, которых назначали центральные власти. Только губернатор мог публиковать и тем самым вводить в действие законодательные и другие акты правительства и министерств, парламента Франции, принимать собственные постановления в пределах своей компетенции, составлять и исполнять местный бюджет. Губернатору был подчинен генеральный прокурор Французской Полинезии, он руководил всей системой правосудия.

И так было вплоть до окончания второй мировой войны, да и в первые послевоенные годы. Губернатор, как правило, подбиравшийся из среды кастовых военных, концентрировал всю полноту власти в своих руках. Он подчинялся только правительству Франции. Правда, на Таити, например, существовала Законодательная ассамблея, в состав которой входили высшие колониальные служащие и отдельные представители местной племенной знати. Но это был чисто консультативный орган, рекомендации которого не имели обязательной силы и поэтому ни в коей мере не ограничивали свободу действий губернатора. Весь же аппарат управления комплектовался почти полностью из французских чиновников, и лишь в «низах» правили племенные аристократы, подобранные и оплачиваемые французской администрацией.

«Защиплизованные до смерти» — так сказал о жителях Маркизских островов Бенгт Даниельссон. Суровые, но справедливые слова! В этом районе в конце XVIII в. жило около 100 тысяч человек, а в 1902 г. — 3500. Коренное население катастрофически быстрыми темпами вымирало и в других частях Полинезии, особенно на Таити. «Нет никаких сведений о том, что на Таити свирепствовала оспа или чума. Значит, главной причиной убыли населения явилось кровавое насаждение миссионерской религии, которое сыграло здесь роль самой опустошительной эпидемии»², — писал известный русский путешественник О. Е. Коцебу.

История французских владений в Океании до второй мировой войны не затрагивается супругами Даниельссон в их книге. Авторы интересуют главным образом внутривластные проблемы французской Полинезии в послевоенный период и особенно в 60-е и 70-е годы. Но эти проблемы своими глубинными корнями уходят в то тяжелое военное время, когда полинезийцам пришлось определить свое место во всемирном конфликте. Временное правительство Таити 2 сентября 1940 г. сообщило генералу де Голлю: «...в этот день население французских колоний в Океании единодушно с большим подъемом решило присоединиться к вам, чтобы вместе с нашими английскими союзниками продолжать борьбу Свободной Франции против немецкого гитлеризма и итальянского фашизма»³. И отряд

---

² О. Е. Коцебу. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М., 1981, с. 100.

³ Шарль де Голль. Военные мемуары. Призыв 1940—1942 годы. М., 1957, с. 359.

полинезийских добровольцев, Тихоокеанский батальон, состоявший наполовину из таитян, сражался при Бир-Хакейме и Аламейне, в Италии. Его ветераны в мирное время приняли активное участие в национально-освободительном движении на Таити.

Две крупные и взаимосвязанные проблемы постоянно находятся в центре внимания авторов: движение за автономию и независимость Полинезии и борьба против французских ядерных испытаний на атоллах Моруроа (Муруроа) и Фангатауфа. При этом Б. и М.-Т. Даниельссон приводят много новых фактов, интересных личных наблюдений, как правило связанных с важными событиями полинезийской истории на протяжении нескольких последних десятилетий.

Особенности экономического развития Полинезии, состава ее населения, географическая отдаленность от мировых центров национально-освободительной борьбы, политические и культурные традиции — все эти факторы в своей совокупности привели к тому, что данный район земного шара, даже в бурной второй половине XX в., не знал массовых народных движений. Можно упомянуть лишь демонстрацию, состоявшуюся на Таити в июне 1947 г. Демонстранты требовали, в частности, более широкого участия полинезийцев в местном административном аппарате, в котором безраздельно господствовали французские чиновники из метрополии.

Островная экономика не способствовала формированию ведущего революционного класса современности — рабочего класса. Даже в наши дни, во второй половине 70-х годов, в Полинезии на сферу туризма и услуг приходилось 50%, а на сельское хозяйство и обрабатывающую промышленность только 20% валового продукта. В деревне преобладает парцеллярное землевладение. В свое время таитяне упорно сопротивлялись иностранным захватчикам и в борьбе с ними добились сохранения общинной собственности на землю, запрещения продажи ее чужеземцам. Разумеется, колониальные власти нашли не один путь для обхода традиционных земельных правил и норм. Но и в современных условиях более 2/3 земель в Полинезии используется ее коренным населением на базе неделимого общинного владения.

В связи с развитием туризма и строительством многочисленных сооружений для французских атомных испытаний тысячи крестьян ушли на заработки из своих деревень. Их земли пустовали, не обрабатывались, но и не продавались. В итоге, например, на Маркизских островах использовалось 6,5%, а на Таити — 14% пригодных для обработки площадей. Изжившие себя формы земельной собственности сдерживали и сдерживают развитие производительных сил в сельском хозяйстве на современной технической основе.

Сооружение туристских комплексов привлекло рабочие руки с многих островов Полинезии (в 1979 г. ее посетило более 100 тысяч туристов, главным образом из США, Западной Европы, но в основном из Франции и Канады). Однако основным потребителем рабочей силы стали французские ядерные объекты. В связи с этим, как пишут Даниельссоны, в 1964—1968 гг. на Таити «впервые в истории острова возник общественный класс пролетариев».

Одна из особенностей внутривнутриполитической жизни Полинезии состоит в том, что она не знала организованного, устойчивого и массового антиколониального движения. За автономию (лозунг независимости многим полинезийцам представлялся пределом револю-

ционного «безумия») выступали либерально-демократические буржуазные круги, не имевшие связей с трудовым населением. Поэтому, в отличие от других колониальных владений Франции, Полинезия после второй мировой войны не знала массовых народных волнений и не создавала сменявшим друг друга французским правительствам таких трудностей, как, например, Африка. Острова Океании были скорее объектами тех перемен, которые произошли во французской колониальной империи, чем их стимулом или активной побудительной силой.

По Конституции 1946 г. владения Франции в Океании вошли в состав ее заморских территорий, рассматриваемых в качестве неотъемлемой составной части Французской Республики, продолжения ее государственной территории. Правда, это не означало для полинезийцев равенства в правах с гражданами метрополии, не распространяло на них ее законодательство. Законодательную власть в заморских территориях по-прежнему осуществляли парламент и правительство Франции.

Созданный в соответствии с Конституцией 1946 г. Французский Союз создавал только видимость участия колониальных народов в управлении собственными делами. Общее руководство Союзом оставалось в компетенции Совета министров Франции. Он решал вопрос о применении того или иного закона в заморских территориях, через своего полномочного представителя — губернатора руководил на месте всем государственным аппаратом, направлял административный контроль, осуществлял военно-полицейские функции. Впервые вводимый выборный орган — Территориальная ассамблея, избиравшаяся по мажоритарной системе фактически без участия основной массы местного населения, могла рассматривать (да и то под контролем губернатора) второстепенные вопросы. Она не имела права заниматься политической деятельностью, обсуждать и решать военные, дипломатические, административно-управленческие вопросы. Даже местный бюджет готовился колониальной администрацией, и если Ассамблея его отклоняла, он вводился в действие простым распоряжением министра по делам заморских территорий. Во всех случаях новое представительное учреждение могло только высказывать пожелания, не имевшие обязательной силы.

Несмотря на свою ограниченность, Конституция 1946 г., несомненно, явилась шагом вперед по сравнению с прежними колониальными порядками. Достаточно сказать, что она отменила принудительный труд в колониях, ввела кодекс законов о труде, предоставила местным жителям французских владений право занимать административные должности.

Бенгт и Мари-Тереза Даниельссон с большой симпатией рассказывают о ветеране второй мировой войны, активном участнике борьбы за автономию и независимость Полинезии Пуванаа а Оопа Тетуапуа. Он создал партию «Демократическое объединение населения Таити» (РДПТ), которая на выборах 1951 г. добилась избрания Пуванаа в Национальное собрание.

Под влиянием гигантских и необратимых перемен в мире, подъема национально-освободительной борьбы, энергично поддерживаемой всем международным коммунистическим и рабочим движением, французский парламент принял 23 июня 1956 г. «закон-рамку», главная цель которого состояла «в привлечении населения к более тесному

управлению своими делами»⁴. Однако эта благая идея в значительной мере была лишена реального содержания правительственными декретами, принятыми на протяжении двух последующих лет.

Во всех заморских территориях было введено всеобщее избирательное право. Создавались правительственные советы, избираемые территориальными ассамблеями, но работающие под председательством губернатора, именуемого и в новых условиях главой территории. Формально он не имел полномочий принимать решения по вопросам, входящим в компетенцию правительственного совета (развитие и регламентация местного производства и торговли, организация базаров и ярмарок, вопросы здравоохранения и начального образования, создания, изменения и упразднения административных округов и т. д.). Но если губернатор считает, как говорилось в одном из декретов 1957 г., что решение совета «выходит за пределы его полномочий или может нанести ущерб национальной обороне, публичному порядку, поддержанию безопасности или публичным свободам, он доводит это до сведения министра по делам заморских территорий. Этот последний может аннулировать постановление декретом, принятым после заслушивания мнения государственного совета»⁵.

С присущими им наблюдательностью и тонким юмором супруги Даниельссон рассказывают о выборах 11 декабря 1957 г. Территориальной ассамблеи и Правительственного совета, в составе которых представители РДПТ получили большинство мест. Пуванаа был назначен заместителем премьер-министра и министром внутренних дел. Приняв на веру бесчисленные декларации об «истинной автономии» французских владений, на которые не скупилась в Париже, пуванисты решили ввести в Полинезии подоходный налог, рассчитывая за счет крупных французских и китайских торговцев пополнить местный бюджет. Однако дело оказалось трудным. Таитянские торгово-промышленные круги организовали демонстрацию протеста перед зданием парламента.

Противники реформы не ограничились словесной перепалкой и уличной демонстрацией. Они мобилизовали своих представителей в Территориальной ассамблее — депутатов от голлистской партии «Таитянский демократический союз», в свою очередь получивших поддержку губернатора. В итоге пуванисты, потерявшие чувство реальности, потерпели поражение, и вопрос о подоходном налоге был снят.

Эти события, всколыхнувшие Полинезию, совпали по времени с приходом к власти генерала де Голля и установлением Пятой Республики во Франции. Ее новая Конституция по-прежнему рассматривала заморские департаменты и территории как составные части Французской Республики. Конституционный референдум состоялся 28 сентября 1958 г. Пуванаа призвал своих сторонников голосовать против принятия новой Конституции, что практически открывало путь к независимости Полинезии, но в то же время означало отказ от программы «Демократического объединения населения Таити», требовавшей лишь автономии в составе Французского Союза. В итоге РДПТ раскололась, и ее умеренное крыло создало новую партию во главе с издателем Жаном-Батистом Сераном-Же-

⁴ Л. М. Энтин. Крушение империи. М., 1965, с. 82.

⁵ «Journal officiel», 11. IV. 1957, № 86, с. 3873.

рюсалеми. 64% населения Французской Полинезии одобрило голлистскую Конституцию.

В Париже решили воспользоваться благоприятной ситуацией. Всего через десять дней после референдума губернатор объявил о решении де Голля, уволившего всех членов Правительственного совета от РДПТ. Вскоре по нелепому обвинению в попытке поджечь Папезте привлекли к суду Пуванаа. Приговор был неоправданно суровым: восемь лет тюремного заключения и пятнадцать лет ссылки. Пуванаа отбывал наказание в Марселе, в мрачной тюрьме Бометт. Его освободили в ноябре 1968 г. За несколько лет до этого, в ноябре 1963 г., РДПТ и партия Серана-Жерюсалеми «Таитянская партия независимости» были распущены. Серанисты не смогли оправиться от этого удара. А пуванисты, опираясь, как и прежде, на сельское население, создали в 1966 г. «Патриотическую партию», выступавшую под лозунгом автономии Полинезии, требовавшую освобождения Пуванаа и возвращения его на родину.

В 60-е годы французская Океания по-прежнему не знала масовых народных выступлений под лозунгами автономии и тем более независимости, но эти идеи не сходили с повестки дня общественной жизни, оказывали свое воздействие на ход избирательных кампаний. В октябре 1966 г. сенатор Альфред Порои, активно поддерживаемый де Голлем и губернатором, мэр Папезте с 1942 г., не был переизбран на эту должность. Вскоре, в марте 1967 г., на очередных выборах в Национальное собрание потерпел поражение голлистский кандидат, и депутатом стал Фрэнсис Сэнфорд, школьный учитель. В парламенте он примыкал последовательно к независимым республиканцам, а затем к центристской группировке «Прогресс и современная демократия», а потом к фракции так называемых реформаторов. Но эта отнюдь не левая политическая «палитра» не помешала Сэнфорду дважды требовать референдума по вопросу о внутренней автономии в Полинезии. Когда в декабре 1967 г. во французский парламент был внесен проект закона, разрешавшего населению Коморских островов избирать свое правительство во главе с премьер-министром, Сэнфорд предложил обсудить вопрос о системе управления во всех заморских территориях Франции. Но все попытки полинезийского депутата привлечь внимание парламентских кругов и общественности метрополии к внутренним делам далекой Океании не увенчались успехом.

Бурные майско-июньские события 1958 г. во Франции вынудили ее правящие круги проявить гибкость и сдержанность не только во внутренних делах, но и во взаимоотношениях с заморскими территориями. Пуванаа был амнистирован и вернулся на Таити. В сентябре 1971 г. 76-летнего ветерана избрали в Сенат, забаллотировав Альфреда Порои. Сэнфорд в Национальном собрании и Пуванаа в Сенате внесли проекты резолюций об автономии Полинезии. Но и на этот раз они не добились успеха.

В период президентства В. Жискара д'Эстена, в июне 1977 г., французский парламент принял новый статус Полинезии, предусматривавший, в частности, что вице-председателем Правительственного совета должен являться лидер партии, располагающей большинством в Территориальной ассамблее. Он получил право лично вести заседания, на которых обсуждались внутренние полинезийские дела. Компетенция совета была несколько расширена. В его ведение перешли вопросы использования местных ресурсов, в том числе и

ископаемых, преподавания в школах национального языка и др.

Однако верховный комиссар территории, назначаемый в Париже, сохранил за собой пост председателя Правительственного совета, хотя и без права отмены его решений. Центральные французские власти, как и в «добрые» колониальные времена, не выпустили из своих рук руководство вооруженными силами, внешними сношениями, юстицией, такими важными средствами массовой информации, как радио и телевидение. В Полинезии по-прежнему существовала мажоритарная система голосования. В итоге автономисты добились известных перемен. Вместе с тем проблема достижения подлинной независимости осталась нерешенной.

Но в правящих кругах Франции считали, что предел уступок достигнут. Это ясно дал понять Жак Ширак, мэр Парижа, лидер голлистской партии, в недалеком будущем один из кандидатов на президентских выборах 1981 г., потерпевший поражение в первом туре голосования. Находясь на Таити, он 21 июля 1978 г., на встрече с верховным комиссаром территории Полем Кусераном, депутатами Национального собрания Фрэнсисом Сэнфордом и Гастоном Флоссом, мэрами-автономистами, восхвалял новый статус Полинезии и заявил, что ее «независимость привела бы полинезийцев к необходимости согласиться со снижением их жизненного уровня»⁶. Это была откровенная угроза «экономических санкций» против непокорных островитян.

Политическая борьба в Полинезии продолжается. В ней в современных условиях участвуют три основных направления. Сторонники независимости выражают интересы местных мелкобуржуазных кругов и крестьянства. Голлисты, представляющие французское население и смешанную по своему происхождению буржуазию, не идут дальше требований расширения полномочий Правительственного совета при сохранении в целом нынешнего статуса французской Океании. К их позиции близки и так называемые независимые, социальная база которых — горожане, профсоюзы.

Политические и экономические проблемы Полинезии все еще ждут своего решения. После избрания в мае 1981 г. Франсуа Миттерана президентом Французской Республики была создана специальная комиссия из представителей метрополии и местного полинезийского населения с целью изучить возможности для новых реформ административной системы Полинезии.

В книге Бенгта и Мари-Терезы Даниельссон большое место занимают личность генерала де Голля и его политика. Дело не в том, что де Голль дважды — в 1956 и 1966 гг. — посещал Полинезию, хотя и это обстоятельство имеет значение. Главное состоит в том, что основатель Пятой Республики своим единоличным решением превратил атоллы Полинезии в полигоны для испытаний национального ядерного оружия. А это основная проблема, волнующая авторов и заставившая их взяться за перо. Однако оценки деятельности де Голля в книге противоречивы.

Историческое место де Голля определяется прежде всего тем, что он обосновал и претворил в жизнь принципы независимой, самостоятельной внешней политики Франции, отвечающей ее национальным интересам. «Мы всегда считали, что сила политики Франции в ее са-

⁶ L'Année politique, économique, sociale et diplomatique en France. 1978. P., 1979, с. 108.

мостоятельности. Независимая Франция может внести значительный вклад в укрепление международного мира. Советский Союз открыт для дружбы и сотрудничества с Францией»⁷,— говорил Л. И. Брежнев.

Де Голль был верным представителем своего класса. Но это не помешало ему определять главные направления внешней политики страны глубже, точнее, прозорливее, чем это делал какой-либо другой из ведущих французских государственных деятелей. Обладая острым чувством политического реализма, де Голль сумел правильно оценить расстановку сил в современном мире и избрать для внешней политики Пятой Республики такие дороги в международной жизни, которые по многим — и при этом наиболее актуальным — проблемам международных отношений совпадали с национальными интересами французского народа, вели к укреплению мира и безопасности в Европе и на всем земном шаре.

Одна из основных идей концепции де Голля состояла в том, что независимая внешняя политика обязательно должна опираться на самостоятельную военную политику, определяющуюся в Париже, а не в Вашингтоне, Бонне или Лондоне. Этот тезис принципиального значения де Голль обосновал в ряде своих выступлений. «Нужно, чтобы оборона Франции была французской. Эта необходимость не всегда была признана на протяжении последних лет. Я это знаю. Необходимо ее восстановить. Если такой стране, как Франция, приходится вести войну, то это должна быть ее война. Нужно, чтобы ее усилие было ее усилием. Если бы было иначе, то наша страна вступила бы в противоречие со всем тем, что она представляет собой со времени своего возникновения, со своей ролью, со своим самоуважением, со своей душой»⁸,— говорил де Голль 3 ноября 1959 г. Эти же идеи он через несколько недель, 23 ноября, повторил, выступая с речью в Страсбурге.

Голлистская концепция исходила из того, что Франция должна иметь собственную «ударную силу» — национальное ядерное оружие. «Доступ Франции к атомной мощи одновременно с независимостью в области национальной обороны является отныне для нее основной и беспрецедентной гарантией ее собственной безопасности»⁹,— подчеркивал де Голль на своей пресс-конференции 28 октября 1966 г.

Естественно, возникал вопрос: против кого будут направлены ядерные вооружения Пятой Республики. Взгляды ее первого президента отличались ясностью и определенностью. Он отбросил главную, принципиальную посылку стратегов Североатлантического блока, согласно которой опасность для Западной Европы и США могла прийти только с востока, со стороны Советского Союза, социалистического сотрудничества. «Направленная оборона или оборона по всем азимутам» — так называлась статья генерала Айере, начальника генерального штаба французских вооруженных сил, опубликованная в журнале «Дефанс националь» в декабре 1967 г. Вскоре, 27 января 1968 г., ее основные идеи были официально одобрены генералом де Голлем, провозгласившим стратегию обороны «по всем азимутам», т. е. про-

⁷ Советско-французские отношения 1965—1976 гг. Документы и материалы. Москва — Париж, 1976, с. 215.

⁸ Charles de Gaulle. Extraits choisis par l'Institut Charles de Gaulle, Pour l'avenir. P., 1973, с. 213.

⁹ Там же, с. 224.

тив любого потенциального противника, откуда бы он ни появился, основой военной доктрины Франции.

Таким образом, важнейшие проблемы самостоятельной ядерной «ударной силы» и независимой национальной обороны были объединены де Голлем в единое целое, как две стороны одной медали. Такая позиция не могла понравиться американской администрации. Де Голль отдавал себе в этом отчет. «Вполне объяснимо, что французское предприятие не удовлетворяет некоторые американские круги. В политике и стратегии, как и в экономике, монополия вполне естественно предоставляется тому, кто обладает лучшей из возможных систем»¹⁰, — иронически заметил он 14 января 1963 г.

И французская дипломатия нанесла по монопольному положению США в сферах внешней политики и военной стратегии капиталистического мира тяжелые удары. Они следовали один за другим на протяжении нескольких лет. Получив после прекращения войны в Алжире и завоевания этой страной независимости «полную свободу в своей внешней политике»¹¹, в 1964 г., де Голль «вторгся» в американскую вотчину: он нанес официальные визиты в Мексику и в десять других латиноамериканских стран. «Лучше бы он не совал нос в наши дела, а то он рискует тем, что его отрежут», — с вульгарной грубоватостью «рубахи-парня» комментировал эту поездку бывший президент Соединенных Штатов Гарри Трумэн.

Де Голль продолжал занимать независимую позицию и по многим другим важным вопросам международной жизни, вызывая гнев в Вашингтоне. 1 сентября 1966 г. в своей речи в Пномпене он подверг резкой критике американскую политику в Индокитае и потребовал полного вывода оттуда вооруженных сил США. В июле 1967 г. Франция осудила агрессию Израиля против арабских стран, ввела эмбарго на поставки израильской армии самолетов «Мираж» и запасных частей к ним. 24 июля 1967 г., выступая в Монреале, французский президент закончил свою речь лозунгами: «Да здравствует свободный Квебек!», «Да здравствует французская Канада!» — спровоцировав волну возмущения в англосаксонском мире.

Руководители американской администрации настороженно наблюдали за развитием сотрудничества между Францией и СССР, другими социалистическими странами. В июне 1966 г. в итоге визита де Голля в СССР были подписаны советско-французские документы, сыгравшие большую роль в укреплении мира и безопасности в Европе. Идти «от разрядки к согласию и сотрудничеству» с Советским Союзом, устанавливая все более сердечные и широкие связи между двумя странами, ткать сеть культурных, торговых, промышленных, технологических и в конечном счете политических соглашений с Москвой, а также с Прагой, Варшавой, Будапештом, Софией, Бухарестом, Белградом — таковы провозглашенные цели и избранные средства. «Ключом и символом этого дела являлся несомненно визит французского президента в СССР»¹², — писал историк, социолог и журналист Пьер Виансон-Понте.

---

¹⁰ Jean-Baptiste Duroselle. La France et les États-Unis des origines à nos jours. P., 1976, s. 236.

¹¹ Там же, с. 231.

¹² Pierre Vianson-Ponté. Histoire de la République Gaullienne. Tome II. Le temps des orphelins. P., 1971, с. 216.

Одновременно де Голль претворял в жизнь и концепцию независимой национальной обороны. Уже в марте 1959 г. французское правительство сообщило союзникам, что в случае войны оно выведет свои морские силы в Средиземном море из-под командования Североатлантического союза. Через несколько месяцев французы запретили американским военным властям строить на территории Франции пусковые установки для ракет и размещать склады атомного оружия. Французские правящие круги выступили против включения национальной противовоздушной обороны в общую структуру НАТО. В июне 1963 г. французский флот в Северной Атлантике вновь вернул себе «независимость». С этого времени под контролем военной организации Североатлантического союза не находились больше ни один французский военный корабль, ни одно французское портовое сооружение.

Но это были лишь предвестники бури. Сама буря разразилась в 1966 году — «великом году голлистской дипломатии»¹³. Франция вышла из военной организации НАТО. К 1 апреля 1967 г. ее территория должна была быть свободной от атлантических штабных учреждений, от всех американских и канадских военных баз.

Вот на таком необычном и сложном внешнеполитическом фоне проходили испытания французского ядерного оружия, которые и привлекли к себе пристальное внимание Бенгта и Мари-Терезы Даниельсон. И этот важный вопрос имеет свою собственную историю.

Еще в период существования Четвертой Республики во Франции было решено разработать экспериментальную атомную бомбу. Этот проект в то время не был осуществлен. Придя к власти, де Голль немедленно вернулся к ядерной проблеме. О своем намерении создать национальное ядерное оружие он информировал Джона Фостера Даллеса еще в июле 1958 г. Однако в Париже не рассчитывали на получение американской технологии. В Вашингтоне тесно сотрудничали по вопросам атомного оружия со своим ближайшим союзником — Англией, но не хотели дальнейшего расширения «ядерного клуба». Поэтому в 1967 г. американская администрация отказала Франции в поставке ей крупных электронно-счетных машин, необходимых для научных исследований.

Французам пришлось обходиться собственными силами. Но де Голль постоянно держал подготовительные работы под своим контролем. Он неоднократно посещал лаборатории и базы по созданию ядерной «ударной силы» в Сакле, Пьералате, Кадаране, Салоне.

13 февраля 1960 г. французы взорвали в Сахаре свою первую атомную бомбу. 23 января 1963 г. военный министр Пьер Месмер сообщил о начале серийного производства. 16 декабря 1964 г. Национальное собрание приняло программу развития как стратегического, так и тактического ядерного оружия.

С 1960 по 1966 г. французские испытательные взрывы производились в Сахаре в атмосфере. Центрами испытаний были Регган и Иң-Экер. В результате активной борьбы африканской общественности сахарские полигоны в мае 1967 г. закрыли. Но задолго до этого в течение нескольких лет французские вооруженные силы создавали Тихоокеанский экспериментальный центр на атолле Моруроа, входящем в состав архипелага Туамоту. Они произвели здесь первый ядерный взрыв 2 июля 1966 г.

¹³ Там же, с. 212.

Под нарастающим напором мирового общественного мнения французское правительство в 1975 г. отказалось от ядерных испытаний в атмосфере и приступило к подземным взрывам на атолле Фангатауфа, расположенном примерно в тысяче километров от Таити. Затем подземные испытания перенесли на Моруроа, постепенно погружающемся в океан. Всего Франция произвела от 80 до 90 подземных испытаний своего ядерного оружия. На Фангатауфе французы в августе 1968 г. взорвали свою первую водородную бомбу.

В книге Даниельсоны, используя большой фактический материал, раскрывают опасность ядерных испытаний для людей и природы. Они, например, рассказывают о том, что три бомбы были последовательно взорваны на баржах, стоявших на якоре в лагуне Моруроа. В результате рыба была заражена радиацией. Контрольные проверки степени зараженности властями проводятся редко. Так, в третьем квартале 1970 г. на трех островах архипелага Тубуаи взяли всего по одной пробе пяти видов овощей и рыб, нескольких кусков мяса. Во втором и третьем кварталах этого же года на одном из Маркизских островов и на Таити состоялось по одной пробе. Не установлен систематический контроль именно за теми продуктами, которые население постоянно употребляет в пищу — улитки, моллюски, тунцы.

Разум и душа авторов переполнены тревогой за будущее Полинезии. Именно поэтому они активно поддерживают борьбу ее населения за полное запрещение французских ядерных испытаний, начавшуюся со времени строительства Тихоокеанского экспериментального центра в 1963 г. В защиту полинезийцев от угрозы смертоносной радиации неоднократно выступали Коммунистическая партия Франции и другие ее демократические силы.

23 июня 1973 г. пять тысяч таитян собралось на митинг у мэрии Папее. Здесь же находилась французская делегация, в состав которой входили известный общественный деятель и журналист Жан-Жак Серван-Шрейбер, генерал Жак Пари де Боллардьер — председатель ассоциации «Французы против бомбы» и др. Митинг, как обычно, начался с молитвы. А затем демонстранты прошли через весь город до губернаторского дворца, неся транспаранты с лозунгами: «Нет всем ядерным испытаниям», «Мы хотим автономии».

В 70-х годах против французских ядерных испытаний в Полинезии выступили правительства и общественные силы Австралии, Новой Зеландии и других островных государств. В мае 1973 г. австралийское и новозеландское правительства обратились в Международный суд в Гааге, требуя, чтобы Франция прекратила распространение радиоактивных веществ над территориями других стран. Однако французские правящие круги отказались признать компетенцию гаагского суда в «вопросах обороны».

Общественные организации Австралии и Новой Зеландии бойкотировали французские товары, авиационные и морские линии. Почтовые служащие отказались обрабатывать корреспонденцию и поддерживать телефонную связь с Францией. Дело не обошлось и без преступных крайностей. Были обнаружены бомбы в помещениях французских консульств и фирм в Сиднее и Окленде.

На Генеральной Ассамблее ООН в ноябре 1972 г. тринадцать тихоокеанских стран внесли проект резолюции, требующей немедленного прекращения французских ядерных испытаний в Полинезии. За нее проголосовали делегации 105 государств, против — представители Франции, КНР, Португалии и Албании.

После прихода к власти во Франции в мае 1981 г. нового президента республики Франсуа Миттерана и избрания нового состава Национального собрания премьер-министр Пьер Моруа в своем выступлении в Высшем институте национальной обороны изложил основы современной французской военной политики. Он поддержал голлистскую доктрину, заявив, что «генерал де Голль смог осуществлять независимую оборонную политику, которая привела к выходу Франции из военной организации НАТО именно потому, что он решил дать стране ядерное оружие».

Пьер Моруа подчеркнул, что «французская стратегия остается стратегией сдерживания». Ее материальная основа — океанские стратегические силы, атомные подводные лодки. Нейтронное оружие могло бы, по словам премьер-министра Франции, усилить «потенциал сдерживания. Этой возможностью следует воспользоваться. Вот почему правительство приняло решение продолжать исследования в этой области».

В выступлении П. Моруа подчеркивалось, что французская политика не является нейтралистской. «Франция намерена сохранить верность своим союзникам, в первых рядах которых находятся США. Правительство прекрасно понимает, каким решающим вкладом в равновесие сил являются американские силы сдерживания». Вместе с тем Пьер Моруа заявил, что Франция сохранит самостоятельность в принятии решений в военной области.

Выступая в прениях по национальному бюджету на 1982 г., министр обороны Шарль Эрню говорил: «Мы должны добиться, чтобы Франция была в состоянии полностью обеспечить свою собственную безопасность». Французские военные расходы возросли в 1982 г. на 17,6% по сравнению с 1981 г. (со 104 млрд. фр. до 123 млрд.). Предусмотрено строительство двух новых стратегических атомных подводных лодок, которые должны вступить в строй к 1985 г.

Испытания французского ядерного оружия были временно приостановлены в мае 1981 г., но уже через несколько месяцев они возобновились. В августе министерство обороны Франции официально сообщило о новом подземном ядерном взрыве на атолле Моруроа. В течение многих лет СССР и другие страны социалистического содружества ведут неустанную борьбу за полное и всеобщее разоружение, важнейшей составной частью которого является запрещение испытаний и уничтожение ядерного оружия. По инициативе советской дипломатии в 1963 г. подписан многосторонний договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах. Были близки к успешному завершению англо-советско-американские переговоры в Женеве о полном запрещении испытаний ядерного оружия, замороженные в последнее время по вине администрации Рейгана.

В борьбе против угрозы истребительной атомной войны советская дипломатия активно использует Организацию Объединенных Наций. На XXXVI сессии ее Генеральной Ассамблеи приняты важнейшие советские предложения, имеющие огромное международное значение. Одобрена Декларация, объявляющая тягчайшим преступлением против человечества применение первым ядерного оружия, т. е. развязывание ядерной войны. Сессия высказалась за немедленное начало переговоров о прекращении производства ядерного оружия и о постепенном сокращении его запасов вплоть до полной их ликвидации, а в качестве первого шага — обсуждение вопроса об этапах ядерного разоружения. Генеральная Ассамблея приняла так-

же решение, предлагающее возобновить переговоры о всеобщем и полном запрещении испытаний ядерного оружия, заблокированные США и их союзниками. Вместе с Советским Союзом решительно выступает в защиту мира, за запрещение всех видов оружия массового уничтожения людей социалистическое содружество. В Политической декларации государств — участников Варшавского Договора, опубликованной 7 января 1983 г., говорится, что «любые расчёты, развязав ядерную войну, одержать в ней победу, — безрассудны. В ядерной войне, если бы она разразилась, не может быть победителей. Она неизбежно приведет к гибели целых народов, к колоссальным разрушениям и катастрофическим последствиям для цивилизации и самой жизни на земле»¹⁴.

Участники Совещания призвали в кратчайший срок разработать Договор о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия; ускорить выработку Международной конвенции о запрещении и ликвидации химического оружия, подготовить Конвенцию о запрещении нейтронного оружия; начать переговоры о запрещении размещения в космосе любого оружия; окончательно согласовать Международную конвенцию о запрещении радиологического оружия; решить вопрос о гарантиях безопасности неядерных государств; не размещать ядерное оружие в тех странах, где его нет в настоящее время, а там, где оно уже имеется, больше его не наращивать; существенно снизить современные уровни обычных вооружений и вооруженных сил как в глобальном масштабе, так и в отдельных районах земного шара.

В Политической декларации подчеркивается историческое значение принятого Советским Союзом в одностороннем порядке обязательства не применять первым ядерного оружия. Советское заявление «было встречено с одобрением и надеждой во всем мире. Если нашему примеру последуют другие ядерные державы, это станет действительно весомым вкладом в дело предотвращения ядерной войны»¹⁵, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов.

Жизненные интересы человечества, забота о нынешнем и грядущих поколениях требуют запрещения и ликвидации средств массового уничтожения людей. За решение этих исторических задач решительно и последовательно выступают Советский Союз и все социалистическое содружество, сотни миллионов борцов за мир на всех континентах земного шара.

Ю. В. Борисов

---

¹⁴ «Правда», 7. I, 1983.

¹⁵ Ю. В. Андропов. Шестьдесят лет СССР. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1982 г. М. 1982, с. 22.

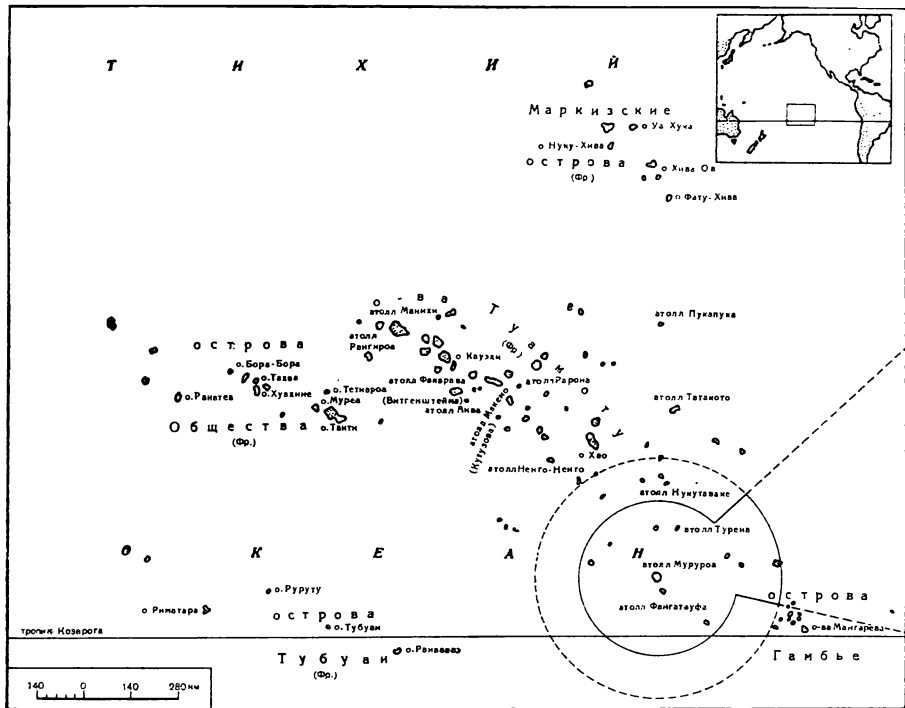

1. СЛОВНО ВОЛНЫ ЦУНАМИ

Из всех стихийных бедствий самое страшное для нас, жителей Океании, то, которое японцы называют вошедшим и в другие языки словом «цунами». Это морские волны сейсмического происхождения, вызванные подводными землетрясениями или вулканическими извержениями на дне моря, нередко где-нибудь в другой части Тихого океана. Волны многометровой высоты перемещаются со скоростью самолета, сохраняя и за тысячи миль от мест возникновения такую силу, что захлестывают все острова на своем пути. В отличие от урагана, которому предшествуют низкое давление, штиль, а затем шквалы, цунами ничем не обнаруживает себя заранее. Мужчины и женщины, поглощенные повседневными делами, дряхлые старики и старухи, углубившиеся в беседу в тени панданусов, ребятишки, резвящиеся в естественном бассейне лагуны,— все они вдруг исчезают в неодолимом и всеокрушающем водяном каскаде.

Стремительная и всеобъемлющая военная оккупация, которой подверглась в последнем десятилетии Французская Полинезия в результате единоличного решения генерала де Голля направить 10 тысяч технических специалистов, солдат и легионеров, а также половину военно-морских сил Франции для проведения ядерных взрывов на наших мирных солнечных островах, создала человеческую трагедию, вполне сравнимую с опустошениями, которые вызывает цунами. К тому же эта оккупация произошла в тот момент, когда островитяне только начали приходить в себя после не менее жестокого удара, обрушившегося на их культуру в конце XVIII и начале XIX века в результате первых волн европейского нашествия.

Полинезийские народы были способны противостоять иноземному вторжению в меньшей степени, чем какой-либо иной народ. Полная беззащитность этих людей обуславливалась даже не столько тем, что европейским

Французская Полинезия (авторское пояснение к карте см. на с. 280) ¹.

мушкетам и пушкам они могли противопоставить лишь пращу да деревянное копьё, сколько присущим им простосердечием и дружелюбием. Обитающие дальше на запад меланезийские народы были не лучше вооружены, но, как правило, держались так враждебно и неприязненно, что капитаны европейских судов предпочитали не связываться с ними. А у полинезийцев исстари были в чести такие качества, как щедрость и радушие. Особенно прочна была эта традиция на Таити, в чем с великой радостью убедился открывший его в 1767 году англичанин Уоллис. А потому все последующие английские, французские и испанские мореплаватели бросали якорь у Таити и всякий раз находили на нем изобилие всего, в чем так остро нуждались после многомесячного плавания: питьевой воды, свиней, овощей — и женщин. Особенно высоко ценили они пренебрежение таитянок одеждой и нормами европейской морали, и вскоре Таити приобрел славу настоящего земного рая. Еще одна веская причина, почему капитаны дальнего плавания предпочитали этот восхитительный край, — наличие хороших гаваней, чем редко могли похвастать другие острова в обширной океанской области, известной в наши дни под названием Французской Полинезии.

После последнего визита капитана Кука на Таити в 1777 году и до середины XIX века сюда заходили преимущественно американские и английские китобой. Обычно эти суда не один год плавали в Тихом океане, чтобы набрать полный груз китового жира. И было просто необходимо время от времени пускать измотанную нелегкой работой, уставшую от моря и ослабленную цингой команду на «подножный корм». В награду за свое радушие таитяне получали главным образом болезни, спиртные напитки и огнестрельное оружие. Живя более тысячи лет в полном уединении посреди самого большого океана в мире, они были избавлены от множества наших недугов, а потому не обладали ни иммунитетом, ни лекарствами, ни познаниями для борьбы с заболеваниями. В итоге даже такие сравнительно легкие в европейском представлении болезни, как коклюш, корь, грипп и ветряная оспа, неоднократно выливались здесь в страшные эпидемии, уносившие тысячи человеческих жизней. Не менее смертоносными были еще две импортированные болезни — сифилис и туберкулез.

Одновременно таитяне впервые познакомились со спиртными напитками и огнестрельным оружием; к сожалению, они считали эти блага желанным возмещением за причиненные им страдания. С помощью остававшихся на берегу моряков они быстро научились пользоваться мушкетами и самостоятельно изготавливать водку и пиво. Кстати, в числе их наиболее популярных наставников были шведы Андерс Линд и Петер Хегерстен. Оба находились в услужении у Помарэ — одного из многочисленных местных корольков, малопривлекательного человека с наполеоновскими замашками, и помогли ему стать властелином всего острова. Одно лишь слегка омрачило радость Помарэ после того, как он победоносно завершил последний поход: очень уж мало подданных ему досталось. Каких-нибудь 15 тысяч из 150 тысяч живших на Таити ко времени его открытия тридцать лет назад.

В числе погибших были почти все вожди и жрецы — хранители культурных традиций. Другими словами, уцелевшие остались без руководителей, когда они в них более всего нуждались. Как раз в эту критическую пору, а именно в 1797 году, прибыла готовая заполнить вакуум группа европейцев совсем иного рода. Речь идет о восемнадцати английских миссионерах, многие из которых захватили с собой жен и детей. Эти проповедники были фанатически преданы своей вере, и за каких-нибудь двадцать лет все обитатели Таити, Муреа, Подветренных островов, Тубуаи, а также островов Туамоту были обращены в христианскую веру и одеты. Ибо миссионеры пребывали в своеобразном, а впрочем достаточно распространенном, убеждении, что полинезийцам, чтобы быть добрыми христианами, мало признавать истинную веру; они обязаны сверх того одеваться, есть и во всех прочих отношениях жить на английский мелкобуржуазный лад. Понятно, что заставить новообращенных в быту следовать возвышенным принципам Евангелия было трудновато. Прежде всего потому, что полинезийцы, как это ни прискорбно, полагали, что главное — регулярно посещать церковь и бормотать положенные молитвы, а как они ведут себя вне церкви, большой роли не играет. И вправе ли мы, европейцы, корить их за это, если после двух тысячелетий проповедования остаемся еще худшими христианами, чем они?

В двадцатых и тридцатых годах прошлого столетия английские миссионеры не раз призывали свое правительство аннексировать Таити и прочие острова Восточной Полинезии. Ответ каждый раз был отрицательным. Вступать во владение какими-то рифами и вулканическими вершинами считалось невыгодной сделкой. Куда больше прибыли сулили капиталовложения в Индии, на Дальнем Востоке, в Африке. Французское правительство вполне разделяло мнение, что эти острова не представляют равным счетом никакой экономической ценности. Правда, некоторые из них могли служить другим целям. Англичане сочли Австралию подходящей «свалкой» для своих преступников. В конце 30-х годов прошлого столетия Франция решила последовать примеру Англии. Адмирал Дю Пти-Туар, хорошо знавший Океанию, горячо рекомендовал для этой цели уединенные Маркизские острова, где не было европейцев, которые могли бы возроптать, и многосведущему адмиралу поручили аннексировать десять гористых островков на другом конце земного шара. В мае 1842 года он выполнил это задание, не встретив никаких препятствий, поскольку суть пышных церемоний с поднятием флага осталась совершенно непонятной для жителей Маркизов. Заодно адмирал аннексировал и Таити.

Когда французский премьер-министр Гизо спустя полгода узнал о самовольном поступке адмирала, он, естественно, пришел в негодование. Однако вся французская пресса дружно превозносила отважный и подлинно патриотический подвиг Дю Пти-Туара, который, как говорилось в одной из передовиц, «в последнюю минуту вырвал очаровательный, но беззащитный Таити из когтей коварного британского льва, только и знающего, что браконьерствовать в чужих владениях». Разумеется, это привело к тому, что англичане подняли свой голос в защиту таитян, а вернее, своих миссионеров. Тем более что последним теперь угрожали французские католические миссионеры, каковые под охраной французского флота поспешили утвердиться на Маркизах и на островах Гамбье. Пришлось Гизо под давлением общественности с великой неохотой не только наградить адмирала Дю Пти-Туара, но и отправить армию чиновников в новые заморские владения.

Когда таитяне с некоторым опозданием сообразили,

что французы намерены остаться, они взялись за оружие. Оружие... Остроги и длинные ножи, да несколько старинных мушкетов — вот и все, чем они располагали. А потому островитяне мудро прибегли к классической партизанской тактике: скрывались в горах в сердце острова и по ночам совершали набеги на французские гарнизоны. Лишь после трех лет «прочесывания» французским отрядам удалось подавить последний очаг сопротивления. Внучка Помарэ без энтузиазма согласилась и дальше править своим государством, которое на бумаге величалось протекторатом, а на деле с той самой поры управляется французским губернатором.

Вот так и получилось, что Таити, без какого-либо предварительного умысла и без веских оснований, стал в 1842 году французским владением. Часто сменявшие друг друга незадачливые губернаторы быстро убедились, что остров и впрямь, как об этом твердил Гизо, не представлял собой никакой ценности. В отличие от практически всех колоний в Африке, Азии и Америке здесь не было ни золота, ни серебра, ни иных благородных металлов, ни драгоценных камней. Слов нет, благодаря вечно парниковому климату (круглый год около 30 градусов) и обилию дождей все семена и саженцы отменно приживались на таитянской почве, да только почвы было очень мало. Во-первых, сам остров невелик — всего 1000 квадратных километров, а во-вторых, девять десятых этой площади занимают разрушенные эрозией, труднодоступные вулканические вершины, две из которых достигают в высоту более 2 тысяч метров. Так что на прибыльные плантации сахарного тростника, хлопчатника или бобов какао, как в других тропических колониях, здесь рассчитывать не приходилось. Тем более что таитяне не горели желанием променять свое свободное существование на мрачный труд подневольных тружеников.

Таким образом, у французов, задумавших поселиться в колониях, были самые веские причины обходить Таити. Единственными, кто совершал далекое путешествие на этот остров вокруг мыса Горн или мыса Доброй Надежды, были незадачливые рекруты, коим предстояло служить в гарнизоне Папэте или на борту военного корабля в базирующейся там же эскадре. Срок службы составлял тогда три года, и многие солдаты и матросы обзаводились возлюбленными-таитянками, женились на

них и даже оставались на острове, если жены настаивали. Как правило, они жили за счет таитянской родни, но некоторые открывали трактир или бакалейную лавку. Их подраставшие дети обычно вступали в брак с местными, так что каждое новое поколение по языку и быту становилось все более полинезийским. Примеру французов следовали многие отставшие от своих кораблей моряки, преимущественно американцы и скандинавы. Таким образом, на Таити происходила своего рода колонизация изнутри. Аналогичный процесс, хотя и в неизмеримо меньшем масштабе, наблюдался на соседних островах, куда постепенно распространялось французское владычество.

Вследствие всех этих смешений рас мы видим теперь на островах людей со всевозможными оттенками кожи, представляющих к тому же и самые разные грани двух культур. Так, на одном «полюсе» можно встретить какого-нибудь Дюпона, Смита или Андерссона, который говорит только по-полинезийски и живет на полинезийский лад, хотя внешность у него может быть вовсе не полинезийская. А на другом расовом и культурном полюсе вы увидите чистокровного на первый взгляд островитянина по имени Тетуа или Тери, который говорит только по-французски и ведет чисто европейский образ жизни. Лица, ухитрившиеся сочетать черты полинезийской и французской культур, называют себя, ничуть не стыдясь этого слова, метисами (по-французски — «деми»), изрядно озадачивая тем всех приезжих, поскольку критерием для такого наименования служат не расовые, а культурные признаки. Метисы часто занимают должности учителей, мелких чиновников и полицейских — другими словами, работают там, где принадлежность к двум культурам помогает им осуществлять столь важный контакт между французской и полинезийской этническими группами.

Гораздо легче выделить и обозначить две оставшиеся группы, которые сложились в основном уже в нашем столетии: предпринимателей французского происхождения и китайцев. Поскольку Французская Полинезия производила очень мало экспортных товаров, притом в крайне скромных количествах (в хороший год от силы 25 тысяч тонн копры, 200 тонн ванили и 500 тонн перламутра), неудивительно, что число французов, селившихся на

Гаити с целью заняться экспортом, росло очень медленно. Почти все они начинали в качестве скупщиков какой-нибудь парижской колониальной компании и открывали собственное дело только после основательного изучения капризов местного рынка. Даже если прибавить сюда предпринимателей, которые делали упор на импорт немногочисленных пользующихся спросом в колониях промышленных и продовольственных товаров, эта категория в разгар колониальной эпохи (1939 год) составляла не более 400 человек.

За то же время во Французской Полинезии обосновалось примерно в десять раз больше китайцев. В основном лавочники, ремесленники, уличные торговцы, трактирщики, крестьяне и кули, которые бежали от голода и гражданских войн в Китае в 10-х и 20-х годах нашего столетия. Поле деятельности для них на островах было свободно, и они открывали лавочки, мастерские, ресторанчики, разводили овощи. Наиболее ловкие и напористые сумели даже поколебать французскую монополию и утвердиться в оптовой торговле.

Одновременно Париж, разумеется, продолжал регулярно посылать чиновников на трехгодичную службу. Вплоть до второй мировой войны эти чиновники из всех обитателей колонии вели самый приятный образ жизни. Во-первых, они получали отличное жалованье (и оно повышалось по мере удаления от отечества); во-вторых, у них было очень мало дел — но все же достаточно, чтобы привязать их к удобным конторам и уютным жилищам в Папеезе. Разве что губернатор со своими ближайшими сотрудниками раз в год посещал на военном корабле ближайшие острова, где произносил патриотические речи на прекрасном и мелодичном, тем не менее мало понятном для островитян французском языке, за что те вознаграждали его песнями, танцами и роскошным угощением. Остальное время губернатор, как и прочие чиновники, проводил в Папеезе, составляя блестящие доклады (которые в Париже никто не читал), посещая званые обеды, воздавая должное абсенту и играя в домино. А также обсуждая повышения по службе, ставки заработной платы и французскую политику. Личный контакт чиновников с полинезийским населением сводился к общению с молодыми и миловидными, но далеко не невинными девушками.

Казалось бы, служащих администрации должны связывать прочные нити с соотечественниками — французскими предпринимателями, постоянно проживающими на Таити и, как правило, женатыми на француженках.

На самом деле эти две группы вовсе не соприкасались и открыто не выносили друг друга. Причину понять нетрудно. Деловые люди не только думали, но и сердито говорили вслух, что бюрократы из правительственных канцелярий издают слишком много дурацких указов и постановлений. В свою очередь, чиновники не менее рьяно твердили, что все граждане обязаны соблюдать французский правопорядок. Китайские дельцы, конечно, полностью разделяли мнение своих французских коллег, однако предпочитали тактично обходить мешающие им постановления с помощью умело подобранных подарков власть имущим.

Разрыв между теорией и практикой наблюдался также в области народного представительства. В 20-х и 30-х годах XX века закон в подлинно демократическом духе предписывал колонии избирать представителя для защиты своих интересов в парламенте Парижа. Однако сей благородный принцип применялся так, что большинству населения, то есть полинезийцам, было мало радости от парламентской системы. Ибо выбирать они могли только между парижскими юристами, которые никогда не посещали Французскую Полинезию и если даже делали для нее что-то, то исключительно в плане защиты интересов предпринимателей-французов. Вы спросите: почему же полинезийцы не выдвигали своих кандидатов? Ответ: они были совершенно убеждены, что справляться со столь ответственными обязанностями может только человек, говорящий по-французски и получивший юридическое образование. Более того, полинезийцы почитали себя столь же не подготовленными для участия в местном Консультативном совете, вследствие чего он девяносто лет состоял из французских чиновников и предпринимателей, назначаемых губернатором. Впрочем, потеря для полинезийца была невелика, ибо десять членов совета могли, как явствует из названия, только «консультировать» губернатора, и, если тому консультация оказывалась не по вкусу, он назначал более покладистых советчиков.

Однако важнее всего то, что утвердившаяся система, при которой практически все французы и китайцы были сосредоточены в Папеэте, была только на пользу полинезийцам, населявшим прочие части Таити и остальные четыре архипелага, входящие в колонию. Даже если какое-нибудь из юридически совершенных постановлений, кои чиновники повседневно стряпали в своих канцеляриях, случайно доходило до далеких селений и островов, никакой беды от этого не было, потому что даже те, кто немного читал по-французски, все равно не могли в них разобраться. В итоге управление по-прежнему зиждилось на исконном обычном праве. Единственное существенное изменение заключалось в том, что во главе общин, как правило, теперь стояли не вожди из старых династий, а священники — полинезийцы в пределах доминировавших на Таити протестантских приходов и французы в католических приходах, которые все еще сохраняли ведущие позиции на Маркизах, островах Гамбье и в восточной части архипелага Туамоту. Что до новых вождей, избираемых народом, то они фактически были всего лишь мальчишками на побегушках у священников.

Отсутствие в селениях чужеземного контроля и местное натуральное хозяйство обеспечивали полинезийцам также экономическую независимость. Земля по-прежнему оставалась в общинном владении, и всякие поползновения делить или продавать ее решительно отвергались. В итоге каждая семья располагала достаточным количеством земли, чтобы полностью обеспечить себя плодами хлебного дерева, бататами, ямсом и таро. Свиней и кур держали на подножном корму. Море кишело рыбой, ловить которую отлично умели все мужчины и мальчишки. Более честолюбивые индивиды, стремившиеся повысить свой жизненный уровень, могли собирать кокосовые орехи для получения жопры, выращивать ваниль или цырять за жемчужницами. Вырученные деньги шли почти целиком на покупку совершенно ненужных предметов. Как мало зависели полинезийцы от мировой конъюнктуры, лучше всего видно из того, что мировой экономический кризис 30-х годов, обернувшийся тяжелой трагедией для многих семейств в Европе и Америке, для островитян оказался благом. За те три-четыре года, когда у них не было денег на консервы, муку, рис, спиртные напитки и табак и приходилось довольствоваться нехит-

рой пищей предков, общее состояние здоровья полинезийцев заметно улучшалось...

Своеобразная колониальная система Французской Полинезии, главным достоинством которой было ее полное бездействие, просуществовала вплоть до 1940 года, когда до островов Океании докатились первые волны, вызванные военными действиями в Европе, и четко разграниченные группы населения, названные выше, наконец пришли в более тесное соприкосновение.

2. ВОЛНЫ ИЗ ЕВРОПЫ

Падение Франции летом 1940 года вызвало неожиданный конфликт, не имевший прецедентов. Чиновники колониальной администрации видели в Петэне нового законного руководителя французского государства и лояльно подчинялись всем указаниям из Виши. В Австралии, Новой Зеландии и — в известной мере — в США де Голль был героем, а Петэн — злодеем в только что начавшейся великой военной драме. Именно в эти страны преимущественно экспортировали копру, ваниль и перламутр из Французской Полинезии, и оттуда колония получала практически все импортируемые промышленные и продовольственные товары. А потому французские и китайские предприниматели в Папеэте, в чьих руках была сосредоточена вся внутренняя и внешняя торговля, с трогательным единодушием пришли к выводу, что подлинный представитель Франции — де Голль и что колония должна быть заодно со «Свободной Францией» и ее могущественными союзниками.

Полинезийцы, естественно, никогда не слышали ни о Петэнах, ни о де Голлях. Исключение составлял десяток таитян, которые сражались добровольцами в рядах французской армии в годы первой мировой войны и считали Петэна великим героем. Однако, услышав, что только де Голль может спасти их от страшной участи — лишиться консервов, хлеба, спиртных напитков, табака и одежды, они сразу стали рьяными голлистами. Наскоро организованный комитет, куда вошли семнадцать французских предпринимателей и полинезийский ветеран Пуванана а Оопа², получивший наибольшее число наград в первой мировой войне, попытался убедить губернатора

отречься от верности Петэну. Губернатор ответил решительным отказом. Тогда члены комитета самочинно устроили референдум на Таити и на соседнем острове Муреа. На этих двух островах жило около 30 тысяч человек — лишь половина населения колонии, однако расстояние до других островов было так велико, а средства сообщения так плохи, что на опрос всех избирателей ушел бы не один месяц. Да и какой смысл в опросе, говорили члены комитета, коль скоро обитатели далеких островов Гамбье, Тубуаи, Туамоту и Маркизского архипелага не располагают радиоприемниками, а потому не в состоянии верно оценить ситуацию.

Поскольку дело не терпело отлагательств, комитет не успел даже отпечатать бюллетени для избранных избирателей на Таити и Муреа. С конвертами в те критические времена также было плохо. И мозговой трест комитета довольствовался тем, что роздал всем старейшинам обыкновенные тетради с поделенными на две колонки страницами. Через несколько дней, а именно 2 сентября 1940 года, все мужчины, женщины и даже часть детей аккуратно написали свои имена в указанной старейшиной колонке. Итоги этого доморощенного референдума были таковы: 5564 голоса за де Голля и 18 за Петэна! Китайцев к голосованию не привлекали, чему они были только рады, поскольку никто еще толком не знал, чем кончится война. Перед лицом столь убедительной победы местных голлистов, собравших в процентном отношении больше голосов, чем когда-либо собирал у себя враг демократии номер один — Гитлер, губернатор неохотно передал им бразды правления. Зато ему и прочим чиновникам колониальной администрации было дозволено без помех возвратиться в петэновскую Францию через США. Хуже пришлось 18 французам, которые храбро вписали свои имена не в ту колонку. Их сослали на опаленный солнцем коралловый островок площадью около двух гектаров у входа в гавань Папэте, до той поры служивший карантинным пунктом.

Патриотические чувства принимали и более благородные формы. Сотни простых полинезийских рыбаков, земледельцев и сельскохозяйственных рабочих устремились в Папэте и засыпали начальника французского гарнизона просьбами, чтобы он отправил их в Европу — помогать де Голлю освобождать «отечество», которого они в

жизни не видели. Вскоре на военную службу поступило столько новобранцев, что не осталось больше ни мундиров, ни винтовок, и французским поселенцам не надо было мучиться угрызениями совести за свою нерасторопность в этом деле. Коли на то пошло, подчеркивали они, их присутствие на Таити куда важнее. Кто будет управлять колонией, произносить патриотические речи и заниматься торговлей, если они тоже уедут? В доказательство своего патриотизма и своей активности они создали временное правительство и милицию, каковая, не тратя времени на всякие формальности, принялась сажать в кутузку всех подозрительных. Даже члены временного правительства не избежали этой участи. Единственным утешением для них было то, что инициаторы путча вскоре сами оказались за решеткой. В итоге почти все французские поселенцы побывали и в правительственном дворце, и в городской тюрьме, оставаясь в то же время горячими приверженцами де Голля. Ибо главным в борьбе за власть было выяснить, кто же лучший голлист.

Когда у де Голля через несколько лет дошли руки до столь маловажного дела, как склоки поселенцев на Таити, он незамедлительно положил им конец, назначив губернатором корсиканца Орселли — прошедшего огонь и воду полковника ВВС. Будучи хитроумным тактиком, новый губернатор нагрузил милицию и солдат таким количеством парадов и маневров, что у них не осталось ни времени, ни сил для других занятий. Решение экономических проблем он предоставил французским и китайским предпринимателям. Только один человек был недоволен новым порядком, а именно полинезийский ветеран первой мировой войны Пуванаа а Оопа, имевший в Папеете небольшую столярную мастерскую. Перед всеми, кто готов был его слушать — а таких становилось все больше, — он резко критиковал неспособность (или нежелание) губернатора пресечь кипучую деятельность черного рынка. Еще ни один коренной житель не позволял себе такой дерзости. Поселенцы приписывали это тому, что Пуванаа не настоящий полинезец, поскольку отцом его был отставший от своего корабля датский матрос. Голубоглазый Пуванаа а Оопа и впрямь выглядел лишь наполовину таитянином, но мать вырастила его на своем родном острове Хуахине, так что сердцем, душой и помыслами он был стопроцентный полинезец.

Полковник Орселли решил в назидание другим заточить Пуванаа в смаживающую на средневековый каземат тюрьму, не сомневаясь, что тем самым быстро заставит его образумиться. (Под каким предлогом состоялся арест, по сей день неизвестно.) Однако, выйдя на свободу, Пуванаа повел себя еще более строптиво, а потому его поместили в еще более страшный застенок — сумасшедший дом. Когда и это не помогло, его отправили на родной остров, Хуахине, расположенный приблизительно в ста морских милях к северо-западу от Таити, в сопровождении французского жандарма, коему предписали не спускать с него глаз. Тем не менее Пуванаа и Оопа вскоре перебрался на лодке на другой остров, где не было никаких жандармов, а оттуда приплыл на шхуне обратно в Папеэте. К этому времени война уже подходила к концу, и полковника Орселли сменил на посту губернатора гражданский чиновник, который считал верхом глупости стремиться к тому, чтобы любой ценой сделать Пуванаа мучеником и народным героем.

3. ПОЛИНЕЗИЮ — ПОЛИНЕЗИЙЦАМ!

Пока на островах под патриотическими лозунгами преследовали людей, триста полинезийцев, которым удалось вступить в отряды «Свободной Франции», сражались с отвагой, граничившей с безрассудством, сперва в Северной Африке, затем в Италии и, наконец, во Франции. Когда в мае 1945 года наступил славный день победы, каждый третий из них был мертв и погребен в чужой земле. Уцелевшим пришлось ждать еще год, прежде чем власти отыскали старую ржавую посудину, машины которой были еще в состоянии дотащить ее до далекого Таити. Естественно, на родине этих подлинных героев приветствовали речами, криками «ура» и цветами.

Все это было им приятно, однако они — подумать только! — в отличие от тех, кто поколением раньше воевал за Францию на фронтах первой мировой войны, отнюдь не довольствовались красивыми церемониями. Им бы по разработанному сценарию смиренхонько вернуться к своим хижинам, банановым плантациям и рыболовным снастям, они же задумались: неужели это вся

награда за то, что они рисковали жизнью во имя демократии и мира? Почему бы, скажем, тем, кто оставался на Таити и наслаждался жизнью, немного не потесниться и не освободить местечко для участников войны? Увы, куда бы они ни обращались, всюду за конторками и прилавками сидели французы и китайцы, которые недоуменно качали головой. Некоторые более активные ветераны с горечью заявляли, что во Франции и чувство благодарности выражалось более щедро, и само общество устроено куда более демократически. Однако де Голля никто не порицал по той простой причине, что в январе 1946 года он оставил пост премьер-министра.

Единственным человеком на Таити, кто с первой минуты активно поддерживал ветеранов войны, был Пуванана; кстати, его сыну Марселю досталось больше всех наград и ран. Уже несколько лет вокруг Пуванана группировались пять-шесть молодых соотечественников, причем кое-кто из них намного превосходил его самого и знаниями, и опытом. Наиболее ретивым и смекалистым был 26-летний типографский работник с чудовищным полинезийским именем Жан-Батист Серан-Жерюзалеми. Ни Жан-Батист, ни кто-либо другой не знал толком, откуда был родом его давно умерший предок, да никого это особенно и не занимало. По местным понятиям, Серан, как его называли для краткости, был метисом, принадлежащим одновременно к миру французской и полинезийской культуры. Отсюда умение, коего был совершенно лишен Пуванана: Серан мог правильно толковать все маловразумительные тексты и постановления, в которых Пуванана частенько запутывался. Не менее важно и то, что он был искусным организатором и вскоре учредил комитет действия, объединивший наиболее видных представителей ветеранов.

Однако самую большую услугу оказал Пуванана не его соратник, а второй после губернатора высокопоставленный чиновник, генеральный секретарь колонии; разумеется, услуга эта была невольной. Всю войну он играл роль, так сказать, вице-губернатора, и в мае 1947 года его поощрили переводом в другую, более крупную колонию. Но сперва ему полагался заслуженный отпуск во Франции, куда он и отправился — почему-то через Америку. Супруга генерального секретаря гордо объясняла всем желающим, что он хочет купить роскошную

американскую автомашину и дорогую шубу. Слух об этих экстравагантных планах быстро разошелся по жадному до сплетен Папее, и, конечно же, все вознегодовали. Генеральный секретарь одновременно возглавлял департамент, ведающий контролем над валютой, и первоочередной задачей этого департамента было пресекать спекуляцию долларами на черном рынке. Возникал правомерный вопрос: откуда у него доллары, необходимые для столь дорогих покупок? Уж не наложил ли он на них лапу в нарушение действующих постановлений? Или, может быть, попросту купил их на черном рынке? Делегация пуванистов и ветеранов потребовала объяснений у губернатора; тот ответил уклончиво. Однако после большого митинга в Папее, где Пуванаа был главным оратором, губернатор сдался и приказал генеральному секретарю возвращаться на родину другим путем.

Случилось так, что всего через несколько недель на Таити из Парижа прибыл Лассаль-Сере, инспектор из министерства колоний. Нелепый инцидент привел его в не меньшее негодование, чем пуванистов и ветеранов, однако по совсем другой причине. Лассаль-Сере считал, что губернатор чересчур уступчиво и мягко вел себя в отношении Пуванаа. Если не проучить хорошенько этих таитянских дебоширов, так скоро от правопорядка ничего не останется. Инспектору не понадобилось долго ждать повода показать, как именно следует действовать. В конце июня 1947 года пассажирский пароход из Марселя доставил трех новых чиновников, командированных на рядовые должности в таитянской администрации, которые ветераны по праву желали бы занять сами. На пристани собралась на митинг огромная толпа. Выслушав речи Пуванаа, Серана и нескольких ветеранов, две тысячи человек образовали сплошную стену, не давая пассажирам сойти на берег.

От имени губернатора Лассаль-Сере объявил чрезвычайное положение (!) и приказал среди ночи арестовать всех выступавших на митинге ораторов по обвинению в «заговоре против безопасности государства», за что они могли быть приговорены к двадцати годам каторги. Сбор улики затянулся; тем временем «заговорщики» страдали от жары и грязи в старой каменной тюрьме, где температура редко опускалась ниже 30 градусов. Не дождавшись, когда судьи наконец доведут до конца

свое разбирательство, Лассаль-Сере неосмотрительно проследовал в другую колонию. Без него судьи собрались с духом и организовали процесс, который кончился тем, что измученных пятимесячным заключением «изменников» оправдали за неимением улик.

Неуключая и неудачная попытка Лассаль-Сере «восстановить законный порядок» привела к тому, что все оппозиционные группы единодушно признали Пуванаа своим лидером. И когда в 1949 году умер родившийся на острове французский юрист, представлявший Таити и Национальном собрании, на новых выборах с огромным преимуществом победил Пуванаа (10 тысяч голосов против 5 тысяч), хотя соперником его был известный священник, получивший благословение протестантской церкви. Серан решил, что наступило время организовать политическую партию по европейскому образцу, и в начале 1950 года по его инициативе в Папеэте собрались представители всех крупных островов и учредили первую местную партию, получившую название «Демократическое объединение населения Таити», сокращенно РДПТ. Никого не смущало употребление слова «таитьен» вместо «полинезьян», ибо в обыденной речи это синонимы.

Впервые за сто лет колониального господства у полинезийского народа появился подлинный выразитель его интересов. Не только потому, что он говорил на языке своего народа; самое главное, он так же мыслил и чувствовал. Где бы ни появлялся Пуванаа, его окружали взрослые и дети, чтобы послушать своего лидера, попросить совета и помощи в своих бедах, шла ли речь о нечестном лавочнике, о семейных неурядицах, о запутанных наследственных правах, о том, кому быть пастором, почему падают цены на копру, как назвать новорожденного, какие танцы включить в программу очередного праздника. За те несколько лет в начале века, что Пуванаа ходил в школу, он научился читать и писать по-таитянски, а французский знал так слабо, что вряд ли мог прочитать журнал или книгу на этом языке. Зато, как все полинезийцы его поколения, он прилежно изучил Библию и всякий раз, когда к нему обращались за советом, тотчас вспоминал подходящий к случаю текст. Особенно любил он притчи Иисуса, которые излагал и толковал с поразительной проникательностью. Хотя ему было всего 55 лет, он производил впечатление почтенного мудреца,

и большинство полинезийцев называли его «метуа» — отец».

На прямой вопрос Пуванаа, в чем заключается его программа, он, как правило, отвечал: «Полинезию полинезийцам». Известно, точно того же хотел де Голль для Франции и французов.

На очередных всеобщих выборах в Национальное собрание в 1951 году Пуванаа собрал больше 70 процентов голосов! Первые выборы в Территориальную ассамблею — новый местный мини-парламент — принесли РДПТ 18 мандатов из 25. Однако Пуванаа скоро убедился, что депутату заморской территории не приходится рассчитывать на внимание Парижа. Колониальная политика французского правительства была направлена прежде всего на то, чтобы сплотить разваливающуюся империю. Оно не останавливалось перед применением военной силы, чтобы удержать за собой стремящуюся к независимости колонию, как это произошло, например, с Индокитаем. Конечно, были в Национальном собрании и другие депутаты, представители африканских колоний, требовавшие коренных реформ, но число их не достигало и полутора десятков, многие же члены парламента, представляющие французские избирательные округа, были озабочены в основном такими прозаическими вещами, как школы, дороги, электричество, водопровод и ассигнования для своих собственных избирателей. Надеяться на то, что полинезийская Территориальная ассамблея сможет осуществить сколько-нибудь серьезные реформы, и вовсе не приходилось. Ибо она не обладала полномочиями решать *политические* проблемы, а едва ли не каждое требование устранить тот или иной изъян оказывалось политическим. Да и в дозволенных пределах, включающих прежде всего некоторые финансовые вопросы, свобода действий народных избранников сильно ограничивалась одним досадным обстоятельством: необходимые средства выделялись правительством в Париже, а оно поощряло только послушных.

4. ЗАБЫТАЯ РЕЧЬ ДЕ ГОЛЛЯ

Пуванаа пуще прежнего сокрушался, что политическая карьера де Голля, по всей видимости, пришла к концу. Ибо Пуванаа, как и другие жители Таити (исключая

18 стойких петэновцев, которых выпустили на свободу), видел в нем великого и благородного борца за свободу и независимость колониальных народов. Хотя возможность возвращения де Голля к власти во Франции представлялась в высшей степени сомнительной, депутаты Территориальной ассамблеи единодушно постановили пригласить его посетить Полинезию, считая своим долгом хоть таким способом поддержать старого друга. Де Голль с радостью принял приглашение. Время его не лимитировало, так что он сел в Марселе на пароход и через месяц с лишним, 30 августа 1956 года, прибыл на Таити. По полинезийскому обычаю, его встретили на пристани цветами, песнями и танцами.

Де Голля не сопровождали ни журналисты, ни радиорепортеры. И на Таити в ту пору не было ни газет, ни иностранных корреспондентов. Так что визит освещался французской прессой очень кратко. (Одновременно та же пресса опубликовала результаты опроса общественности, из коего следовало, что только два процента французов допускали возможность возвращения де Голля к власти.) Куда удивительнее то, что сам де Голль в своих воспоминаниях ни словом не упоминает, что он делал и говорил на Таити во время этого визита, и из пяти речей в авторизованный сборник его выступлений вошла только одна. Впоследствии мы, не очень внимательно слушавшие де Голля в 1956 году, особенно заинтересовались речью, произнесенной им в день приезда в одном из парков Папэте; ее текст сохранился у нас благодаря тому, что голлисты потом раздавали желающим бесплатные экземпляры.

Первым делом де Голль с благодарностью и волнением вспомнил трагическое лето 1940 года: «Хотя Франция тогда находилась на самом дне пропасти, вы не утратили надежды. Вас, обитающих посреди огромного океана на другом конце земного шара, и меня, выброшенного на английский берег, словно после кораблекрушения, объединяла одна мысль и воля к борьбе. Мы думали о Франции — покоренной, оскорбленной, униженной Франции, и мы были готовы сражаться за ее освобождение, победу и величие. И каким замечательным утешением было для меня получить в начале сентября 1940 года телеграмму, в которой господа Анн, Лагард и Мартен сообщали, что вы 5564 голосами против 18 решили присо-

единиться к „Свободной Франции“! Вот доказательство того, что вас и меня, Францию и Таити связывают неразрывные узы».

Далее оратор обратил свой взор в грядущее и поведал о «новых тенденциях в ходе мировых событий». Три из них непосредственно касались Французской Полинезии.

«Прежде всего мы наблюдаем стремление всех народов и национальностей сохранить самобытность и самим распоряжаться своими судьбами. Но в то же время каждому новому государству не менее важно входить в более крупный экономический, культурный и политический блок, чтобы избежать материального и духовного убожества и не стать ареной военных действий империалистических держав, оспаривающих мировое господство».

Эти хитрые формулировки были одинаково по душе как сторонникам Пуванана — ветеранам войны, так и французам — предпринимателям и поселенцам. (Возможно, и китайцам тоже, хотя они, по своему обыкновению, не участвовали в этих празднествах и митингах.) И публика отозвалась бурными аплодисментами.

«Еще одна тенденция нового, послевоенного мира, — продолжал де Голль, — постоянно растущая всемирная сеть воздушных и морских сообщений, которые необходимы для общения людей, для обмена идеями и для торговли».

Пристрастие генерала к цветистым оборотам помешало слушателям толком понять эту фразу, но все продолжали аплодировать по инерции. Позже многие ведущие предприниматели любезно объяснили нам, не столь сведущим, о чем, собственно, шла речь. Де Голль был согласен с ними, что необходимо развивать на острове туристическую отрасль. Только следуя примеру Гавайских островов, прилежно строя аэродромы, гостиницы и рестораны, можно было обеспечить работу и доходы растущему населению.

«Третья тенденция — все возрастающая зависимость человечества от атомной энергии, этого нового энергетического источника, который может способствовать нашему благу и одновременно грозить нам полным уничтожением».

Однако де Голль поспешил добавить, что нет никаких причин падать духом, «ибо в подверженном атомной уг-

розе завтрашнем мире Таити, надежно защищенный необозримыми океанскими просторами, может стать убежищем и центром возрождения для нашей цивилизации».

В 1956 году во всей Французской Полинезии вряд ли нашелся бы хоть один человек, всерьез опасавшийся ужасных последствий, коими грозило злоупотребление атомной энергией. Правда, в Тихом океане было проведено американцами не одно ядерное испытание, в том числе злополучный взрыв водородной бомбы 1 марта 1954 года, когда команда одной японской рыболовной шхуны была поражена лучевой болезнью. Однако для нас, обитателей Французской Полинезии, микронезийские острова казались такими же далекими и неизвестными, как Монголия для рядового шведа. Лишь несколько десятков европейцев, выписывавших иностранные издания, были информированы лучше. Своих газет на Таити, как уже говорилось, не издавалось. Правда, французская радиостанция передавала кое-какие зарубежные новости, но программы на таитянском языке, который понимают на всех островах, включали только короткие сообщения об очередных правительственных кризисах во Франции, о ценах на копру и о прибытии и отбытии шхун; остальное время занимала чарующая полинезийская музыка. Лекции о расщеплении атома и опасности облучения в программу не входили.

А потому никто из полинезийских слушателей де Голля не мог по-настоящему понять, какой страшной опасности они счастливо избежали и какая благородная роль им предназначена в случае атомной войны. Зато все оценили отеческий тон и покровительственные жесты статного генерала и после этого визита более, чем когда-либо, прониклись убеждением, что он любит их, как собственных детей.

5. РЕФОРМА И РЕВОЛЮЦИЯ

Процесс деколонизации, который де Голль в своей речи назвал неизбежным и естественным явлением послевоенной поры, начал сказываться на Таити лишь через полгода после его визита. Сам генерал все еще блуждал в политических дебрях вдали от манящих вершин

власти, так что инициативу взяли на себя два члена Социалистической партии в новом коалиционном правительстве — министр по делам заморских территорий Гастон Дефер и министр юстиции Франсуа Миттеран. Лишь после долгой и ожесточенной борьбы с тактикой провокаций со стороны голлистских депутатов удалось им провести свой законопроект через Национальное собрание. 22 июля 1957 года закон о реформе вступил в силу во Французской Океании, которая отныне должна была именоваться Французской Полинезией, и не колонией, а территорией.

Однако главное изменение заключалось в том, что колония получила новый исполнительный орган — Правительственный совет из семи министров, избираемых Территориальной ассамблеей и ответственных перед ней. С одной немаловажной оговоркой. Роль премьер-министра исполнял губернатор, сохранивший свою прежнюю всеобъемлющую административную власть и подчиненный непосредственно Парижу, не избираемый Ассамблеей и не ответственный перед ней. Он утверждал повестку заседаний Правительственного совета; не пожелает обсуждать не устраивающий его вопрос — и не будет. Правда, законодательные полномочия Территориальной ассамблеи были несколько расширены, и число ее членов возросло с 25 до 30. Но все политические вопросы по-прежнему оставались табу, и, если народные избранники преступали границы дозволенного, Ассамблея могла быть распущена декретом правительства в Париже. Вот почему реформа, которую во Франции превозносили как смелую и великодушную, была воспринята Пуванаа и РДПТ как сомнительная полумера. Тем не менее они были рады первому шагу, искренне надеясь, что дальнейшее развитие в том же направлении поможет им вскоре осуществить мечту: «Полинезия — полинезийцам!»

Однако французские предприниматели и плантаторы считали, что народные избранники получили чрезмерные полномочия, и бурно протестовали против «скороспелых реформ, доверяющих власть сборищу невежественных фанатиков». Несмотря на все старания своих противников, развернувших энергичную пропагандистскую кампанию, РДПТ победила на выборах в Территориальную ассамблею 11 декабря 1957 года, завоевав 17 из 30 мандатов. Первым в списке кандидатов РДПТ значился Пу-

ванаа, и, когда ассамблея выбирала новых членов Правительственного совета, Пуванаа, как и следовало ожидать, оставил за собой важнейшие посты заместителя премьер-министра и министра внутренних дел.

Пуванаа сразу же сделал то, чего больше всего боялись его противники: наложил запрет на покупку земель и распорядился пересмотреть целый ряд прежних сделок этого рода, не скрывая свое намерение объявить недействительными те из них, которые были заключены обманным путем или со спекулятивными целями. Одновременно фракция РДПТ в Территориальной ассамблее, избравшая своим председателем Серана, выдвинула в начале февраля 1958 года еще более революционный законопроект. Речь шла — подумать только! — о введении всеобщего подоходного налога. До той поры все налоги были косвенными и взимались в виде пошлины на привозные товары. РДПТ считала такой порядок в высшей степени несправедливым, так как расплачиваться приходилось в основном беднякам. Предлагаемые ставки налога были весьма умеренными. Лица с годовым доходом меньше 100 тысяч таитянских франков (около тысячи долларов), другими словами большинство полинезийцев, освобождались от налога. Затем налоговая ставка прогрессировала, достигая 20 процентов при годовом доходе от двух миллионов и выше. Женатым налогоплательщикам предусматривалась значительная скидка.

Число предпринимателей, на которых мог распространяться проектируемый подоходный налог, не превышало шестисот. Половину составляли китайцы; они, по своему обыкновению, помалкивали. Зато яростно и громко протестовали триста французских оптовиков. Правда, пока они ограничивались защитой собственных интересов, надежды на успех были весьма малы. Требовался изворотливый ходатай с хорошими связями в правительственных кругах в Париже, и выбор пал на некоего Рив-Анри, который негласно выполнял «особые поручения» различных правых группировок. До этого он несколько лет подряд был голлистским депутатом в Национальном собрании, затем его уличили в крупных финансовых аферах.

Выбор оказался удачным; прибыв на Таити в начале апреля 1958 года, Рив-Анри уже через несколько дней полностью разобрался в ситуации. Подлинная цель пуванистов, заключил он, отнюдь не ограничивается стрем-

лением отомстить своим политическим противникам. Они задумали поскорее наполнить деньгами казну, чтобы сделать колонию экономически независимой от Франции. Как только это состоится, они сразу же провозгласят Полинезийскую Республику. Стало быть, отказ от уплаты налогов — патриотический долг предпринимателей.

Поскольку Серан и прочие представители РДПТ в Территориальной ассамблее упорствовали в своих изменческих умыслах, их противники прибегли к методам, которые принято называть внепарламентскими. Весьма подходящее к случаю название, так как утром 29 апреля 1958 года оппоненты собрались на демонстрацию перед зданием парламента. Главным их аргументом был мощный бульдозер (в ту пору единственный на острове), и они ничуть не скрывали своего намерения воспользоваться им, чтобы сровнять с землей старую шаткую постройку, если «сепаратисты», как они теперь называли пуванистов, не снимут свое предложение. Для расправы с теми пуванистами, кому при этом удастся уцелеть, они сверх того пригнали грузовик с полным кузовом бульжников. Десять французских жандармов и тридцать морских пехотинцев, которых губернатор в последнюю минуту прислал для поддержания порядка, и не подумали вмешаться — вероятно, потому что атака готовилась с полным соблюдением порядка. Зато полицейские силы Папеезе в составе десяти человек (все — полинезийцы) предусмотрительно блокировали крутую лестницу, ведущую на второй этаж, где шло заседание народных избранников.

Полицейские были готовы к бою, когда группа демонстрантов внезапно ринулась на штурм лестницы. Без особого труда, используя выгодную позицию и закон тяготения, полицейские отеснили атакующих, навалившись на них сверху. Вzbешенные неудачей, главари демонстрантов отвели назад незадачливую штурмовую группу, после чего заявили жандармскому капитану, что прибыли для мирных переговоров с лидерами большинства ассамблеи. Капитан явно счел это прекрасной идеей и уговорил полицейских пропустить делегацию оппонентов. Четверо делегатов были приняты председателем Территориальной ассамблеи Сераном и вежливо заявили:

— Если вы снимете свой законопроект, мы тотчас рас-

порядимся, чтобы народ разошелся. Если же будете упорствовать, пеняйте на себя.

На что Серан сказал, чтобы они вышли вон.

«Народные массы» состояли из нескольких сот демонстрантов, в числе которых было очень мало полинезийцев и вовсе не было китайцев. Тем не менее наличных сил хватило, чтобы обрушить град камней на здание ассамблеи. Зазвенели разбитые стекла. Было также брошено несколько самодельных зажигательных снарядов, однако обошлось без пожара. Пуванаа подошел к окну, но осаждающие заглушили его голос дружными криками, усиленными мощными громкоговорителями. Тогда он принялся швырять обратно камни, залетевшие в зал заседаний. Остальные представители РДПТ последовали его примеру; когда кончились камни, пошли в ход пепельницы и ящики. Жандармы и солдаты по-прежнему стояли как вкопанные. И лишь когда тронулся с места бульдозер, они наконец вмешались и заставили водителя дать задний ход.

Неожиданное, хотя и запоздалое, вмешательство войск принудило главарей демонстрации переменить тактику. Они направили бульдозер в противоположную сторону, к резиденции губернатора, расположенной в парке в центре города. Ворота парка были заперты на висячий замок, но водитель бульдозера шутя высадил их, пользуясь тем, что жандармы и морские пехотинцы не успели перегруппировать свои силы. Как и положено при такого рода маневрах, демонстранты ринулись в прорыв и окружили резиденцию, крича «Да здравствует Франция!» и «Долой налог!». Недавно прибывший на остров губернатор Байи, типичный бюрократ, вышел на веранду, испуганно выслушал требования демонстрантов и пообещал «что-нибудь» предпринять—завтра. Справедливо полагая, что битва наполовину выиграна и настаивать сейчас на большем было бы неразумно, демонстранты отступили. Впрочем, ближе к ночи они передумали, собрались у дома Пуванаа, который солдаты забыли взять под охрану, и перебили все стекла.

Разумеется, число сторонников Пуванаа в десять—двадцать раз превышало количество французских демонстрантов. Но они жили кто в сельской местности, кто на других островах, и внезапное нападение на Территориальную ассамблею застало их врасплох, так что они

не успели прийти на выручку. К тому же Пуванаа и прочие лидеры РДПТ просто не могли обратиться за помощью, поскольку полдня просидели в осаде. Однако, вырвавшись на свободу, они тотчас принялись мобилизовать членов своей партии, живших на самом Таити. Ночью в город стали прибывать первые автобусы и грузовики, набитые полинезийцами, которые были вооружены острогами, дубинами, а кое-кто и ружьями. Наутро губернаторская резиденция была взята в кольцо, и ряды сторонников Пуванаа с каждым часом множились. Их противники, предусмотрительно занявшие позицию поодаль, оказались в меньшинстве, но они были вооружены намного лучше.

В этой взрывоопасной ситуации губернатор Байи ограничился тем, что вышел на веранду и зачитал следующее слезливое предупреждение: «В качестве губернатора и верховного представителя власти я сожалею о состоявшихся вчера в Папеезе беспорядках во время не одобренной мной демонстрации. Я представляю Францию и именем отечества призываю всех соблюдать действующий правопорядок».

Увы, к 30 апреля 1958 года с уважением к правопорядку Франции было покончено³. Уже больше месяца «мятеж» в Алжире грозил вылиться в гражданскую войну. Было лишь вопросом времени, когда призовут де Голля, чтобы он еще раз спас страну. В ожидании этого никто не решался ничего предпринимать. Многие высокопоставленные чиновники просто попрятались. К тому же с точки зрения министерства по делам заморских территорий маленькая демонстрация на Таити, не повлекшая за собой человеческих жертв, выглядела пустяковым делом. Тем более что профранцузские элементы, судя по поступившим телеграммам, справились своими силами, и посылать войска не потребовалось.

Быть или не быть гражданской войне на Таити теперь зависело прежде всего от того, что предпримет губернатор Байи. В конце концов он решился на то, что давно надо было сделать: созвал экстренное заседание министров во главе с Пуванаа. Когда губернатор примерно через полчаса снова появился на веранде, напряжение достигло предела.

— Правительственный совет постановил, — заявил он, — в связи с чрезвычайными обстоятельствами обра-

таться к Территориальной ассамблее и просить ее отложить введение нового закона о налоге.

Пуванаа согласился на эту временную уступку исключительно потому, что хотел избежать кровопролития, к которому привела бы дальнейшая конфронтация. Все демонстранты и контрдемонстранты разошлись, основательно сбитые с толку и весьма недовольные.

В тот же день губернатор созвал экстренное заседание Территориальной ассамблеи, чтобы она, согласно желанию Правительственного совета, приняла формальное решение повременить с налоговой реформой. Однако Серан был так недоволен поворотом событий, что призвал всех представителей РДПТ бойкотировать переговоры. Это была роковая ошибка; он мог бы сообразить, что 12 представителей меньшинства поспешат принять проект, предложенный губернатором от имени совета. Добро бы еще это был тот самый текст, который составили Пуванаа и другие министры. Однако пуванисты лишь потом обнаружили, что губернатор воспользовался случаем изменить один важный пункт. Вместо того чтобы отложить применение злополучного закона о налоге, Ассамблея постановила вовсе аннулировать его.

Потребовалось все красноречие Пуванаа, чтобы убедить своих разгневанных сторонников вернуться домой. Но когда их верный друг и защитник де Голль всего две недели спустя стал у кормила тонущего французского корабля, они снова воспрянули духом, не сомневаясь, что с таким кормчим можно не беспокоиться о будущем полинезийского народа.

6. ЧРЕЗВЫЧАЙНО УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Первой мыслью Пуванаа было просить де Голля лично прибыть на Таити и восстановить справедливость. Однако новый глава правительства был слишком занят войной в Алжире, чтобы в ближайшее время совершить повторное плавание в Океанию. Да и нужно ли его совершать? Поговаривали, что де Голль собирается вскоре, еще в этом году, предоставить всем колониям автономию или полную независимость. Слухи принимали все более конкретную форму, и в июле таитянское радио передало, что 28 сентября 1958 года во всем французском Сообществе состоится референдум по этому вопросу.

Задолго до заветного дня было отпечатано воззвание, которое расклеили в городе и повторно зачитывали по радио. Вот как звучало великодушное предложение, более или менее ясно сформулированное самим генералом де Голлем и полное обычных для него вычурных оборотов, призванных замаскировать серьезную угрозу:

Воззвание к здравому смыслу

Мы живем в такое время, когда все должны объединяться в экономические и политические блоки, отказавшись от ограниченного национализма. Главный порок такого национализма заключается в том, что его приверженцы, возможно какое-то время выигрывающие на нем, на самом деле подвергаются смертельной опасности быть поглощенными одной из великих держав, которым чуждо уважение к малым народам. В отличие от них Франция предлагает вам добровольно и при полной автономии войти в крупное объединение, в сообщество, основанное на идее братства.

Вам предоставляется право сделать свободный выбор, свободно голосовать в соответствии с вашими убеждениями.

Если вы скажете ДА, это означает, что вы готовы делить с Францией радости и невзгоды, но вы сами определите, какую степень автономии желаете получить в рамках нового французского Сообщества, основанного на идее братства.

Если вы скажете НЕТ, это означает, что вы предпочитаете обходиться своими силами, и тогда Франция не будет вас удерживать. Мы пожелаем вам в таком случае удачи и предоставим вам жить по-своему, без нашей материальной или моральной помощи, поскольку вы полагаете себя вполне созревшими и способными прокормиться самостоятельно. Другими словами, такое ваше решение будет означать расторжение нынешних уз.

Хотя вам предоставляется право выбора, я не сомневаюсь в вашем решении и жду, что вы все скажете ДА, тем самым снабдив меня строительным материалом, необходимым для того, чтобы мы совместно могли возводить наше новое здание.

*Генерал де Голль,
Председатель Совета министров*

Памятуя хитросплетения губернатора и уличные беспорядки, Пуванаа решил сказать «нет». Но Серан считал, что лучше голосовать за Сообщество, главным образом потому что экономические санкции, о которых говорилось в воззвании, повлекли бы за собой тяжелейшие последствия для такой слаборазвитой маленькой колонии, как Французская Полинезия, единственным источником дохода которой была копра. И ведь автономия, обещанная де Голлем всем, кто последует по намеченному им пути, все равно должна была рано или поздно привести к той самой цели, к которой стремился Пуванаа более короткой и рискованной дорогой. Впервые Серан разошелся во взглядах с Пуванаа и заявил об этом во всеуслышание; естественно, это привело к нежелательному замешательству и расколу среди их сторонников.

Пуванаа знал, да и все знали: стоит ему войти в контакт со всеми избирателями — и он победит с большим преимуществом. Опять возникли практические затруднения, обусловленные тем, что многочисленные острова Французской Полинезии разбросаны на такой огромной площади. Аэродромов в колонии пока не было. На то, чтобы объездить крупнейшие населенные острова, ушел бы не один месяц, к тому же для этого Пуванаа нужно было судно. Он обратился к властям и попросил выделить ему казенную шхуну, но те ответили, что все наличные суда по какому-то роковому совпадению как раз сейчас стоят на ремонте... Частные судовладельцы, понятно, наотрез отказывались дать напрокат свои суда такому опасному революционеру.

Оставался единственный способ снестись с двумя третями избирателей колонии, проживающими вне Таити, — выступить с предвыборной речью по радио. К своему великому негодованию и удивлению, Пуванаа — лидер партии, заместитель председателя Правительственного совета и министр внутренних дел — получил от губернатора отказ, когда обратился к нему с этим делом. Препятствие было чисто формальным: губернатор сослался на бездну мудреных параграфов, в которых, кроме него самого, никто не мог разобраться. Зато «Воззвание к здравому смыслу» генерала де Голля читали по радио ежедневно несколько недель подряд. Привыкшие идти за де Голлем, жители удаленных островов

28 сентября голосовали за Сообщество, тогда как обитатели Таити и Муреа, слушавшие речи Пуванаа, голосовали против, несмотря на откровенное запугивание властей. Вот как вышло, что жители Французской Полинезии, которые на выборах в Национальное собрание отдали 70 процентов голосов Пуванаа, во время важнейшего референдума, видимо вполне демократично, отдали 64,4 процента голосов его противникам.

Правда, еще не все было потеряно. Разве де Голль не обещал всем колониям, одоббившим его предложение, что они сами определяют степень своей автономии в рамках нового французского Сообщества, основанного на идее братства? Партия Пуванаа оставалась самой большой и сильной. Стало быть, когда начнется демократическая перестройка администрации — вопрос времени. И тысячи таитян из сельских местностей, которые устремились во время избирательной кампании в Папеезе — послушать выступления своего метуа и проследить, чтобы он не подвергся постыдным нападениям вроде апрельского, — разошлись по домам, подчиняясь его воле.

Не успели они исчезнуть, как де Голль предпринял шаг, весьма плохо согласующийся с благородными принципами его воззвания, которое все еще украшало заборы и стены домов Папеезе. 8 октября губернатор обнародовал подписанный де Голлем правительственный указ, смещающий всех министров от РДПТ. Ободренные официальной немилостью, обрушившейся на Пуванаа, противники начали собираться на улицах и в кварталах около его дома. Многие были вооружены; снова появились грузовики и бульдозер, сыгравшие столь важную роль во время апрельских беспорядков. На всякий случай несколько сот пувананцев окружили защитным кольцом прочную двухэтажную постройку, в которой жил их метуа.

Было самое время прислать полицейских, чтобы они восстановили порядок и обезоружили шайки антипувананцев. Рано утром 11 октября 1958 года губернатор отдал приказ. С похвальной быстротой и решимостью полсотни полицейских, жандармов и солдат заняли все стратегические позиции в квартале, где жил Пуванаа. Однако вместо того, чтобы арестовать демонстрантов, начальник полиции проследовал к дому осажденного депу-

тата и предложил ему выйти. Дверь открылась, и Пуванаа — в белом костюме, с депутатским значком на лацкане пиджака — спокойно, с достоинством вышел на улицу. Вооруженные солдаты и жандармы немедленно окружили его и затолкали в полицейскую машину. Были задержаны еще тринадцать человек, находившихся в доме Пуванаа, после чего жандармы тщательно обыскали все комнаты. Никого из противников Пуванаа, заполнивших прилегающие улицы, не тронули.

По французскому закону, депутат или сенатор может быть арестован только в том случае, если его поймут с поличным на месте преступления. Так и значилось в первом официальном сообщении, опубликованном через несколько часов. Однако мы и многие другие своими глазами видели, что Пуванаа арестовали, когда он, по предложению начальника полиции, сам вышел из дома, аккуратно одетый, без каких-либо бомб или иного оружия в руках. Один расторопный фотограф ухитрился даже сфотографировать его в момент задержания, так что несостоятельность официальной версии сразу же стала очевидной. А потому губернатор поспешил выпустить дополнительное коммюнике, где говорилось, что в ночь с 10 на 11 октября «подрывные элементы» пытались поджечь весь город, однако попытка не удалась — из четырех бутылок с зажигательной смесью, брошенных в китайскую лавку и в один частный дом, три вообще не загорелись, а четвертая почти тут же погасла сама. Далее в коммюнике утверждалось, что поджигателей подослал Пуванаа. Даже если бы удалось доказать, что это правда, все равно ни о какой «поимке с поличным» не могло быть и речи.

Шли месяцы, а сей юридический казус не находил разрешения. Пуванаа сидел в заточении в казарме; мнимые соучастники содержались в обычной кутузке. Процесс, которому предшествовало множество допросов, начался наконец 19 октября 1959 года. Несмотря на годичное заключение в тесной и душной одиночке, Пуванаа находился в отменной форме и сразу пошел в наступление с такой энергией и таким красноречием, что из обвиняемого превратился в обвинителя. Единственная причина, почему его теперь судят, говорил Пуванаа, заключается в том, что он призывал избирателей во время референдума голосовать против Сообщества.

К правопорядку это не имеет никакого отношения, речь идет об откровенной мести. Пуванаа выдвинул обвинения против де Голля, который нарушил все свои громкие обещания; изображая великого поборника свободы колониальных народов, де Голль в то же время бросил в тюрьму своего политического противника на Таити, чей единственный проступок заключался в том, что он поверил в разговоры о свободе, братстве и праве всех народов на самоопределение.

Официальный обвинитель изо всех сил старался свети дело к доказательству преступного пособничества Пуванаа попыткам сжечь Папэте. Вещественными доказательствами служили четыре карабина, пистолет, полдюжины ножей, два десятка дубин и несколько бутылок с бензином, обнаруженных жандармами при обыске дома Пуванаа во время его ареста. Пуванаа ответил, что он и его приверженцы обзавелись нехитрым оружием исключительно для самообороны, поскольку полиция и не думала защищать их от распоясавшихся врагов. Может быть, жандармы провели подобные обыски в других домах Папэте в злополучные дни между референдумом 28 сентября 1958 года и арестом Пуванаа 11 октября? Нет, признал обвинитель, не провели. А жаль, заметил Пуванаа, ведь тогда они нашли бы значительные запасы куда более современного и эффективного оружия.

Обвинитель вызвал главного свидетеля, метиса, утверждавшего, будто он собственными ушами слышал, как Пуванаа приказал своим сторонникам сжечь город. Однако во время перекрестного допроса свидетель не выдержал и сознался, что его подкупили противники Пуванаа и он дал ложные показания. Единственное, что удалось доказать обвинителю: среди тех, кто бросал бутылки с бензином, были члены РДПТ. Но из этого отнюдь не следовало, что Пуванаа «соучастник», к тому же пойманный «в момент совершения преступления», а именно это требовалось доказать при аресте члена парламента.

Поэтому Пуванаа и его приверженцы с оптимизмом ждали исхода процесса. Тем сильнее поразил и возмутил их непомерно строгий приговор. Как «соучастника в покушении на разрушение строений, посредством провоцирования, содействия и предоставления средств к

осуществлению этого деяния, а также за противозаконное хранение оружия и боеприпасов» Пуванаа приговорили к восьми годам тюремного заключения с последующей ссылкой на 15 лет! Из 13 других обвиняемых 12 получили от полутора до шести лет, а одному дали три года условно.

Пуванаа тут же обжаловал приговор, но с рекордной быстротой — уже через месяц — приговор был утвержден. После чего темной ночью Пуванаа посадили в полицейскую машину и отвезли на северный берег Таити. Там его пересадили на катер, который взял курс на проход в рифе. В море ждало французское судно, накануне вечером вышедшее из Папезте. Пока пассажиры безмятежно спали, Пуванаа заперли в отдельной каюте и не выпускали из нее все пять недель, пока длилось плавание до Марселя, где Пуванаа ожидала мрачная новость: ему предстояло отбывать срок в страшной тюрьме Бометт, предназначенной для самых закоренелых преступников.

Задолго до этого Национальное собрание Франции выразило протест, назвав арест Пуванаа противозаконным, поскольку он не был пойман с поличным. Единственным результатом протеста, который поддержало большинство партий, было издание правительством особого указа, задним числом лишаящего Пуванаа депутатской неприкосновенности. Ибо пока шла война в Алжире, президент Франции был наделен полномочиями, когда того требовала безопасность страны, издавать указы, не консультируясь с парламентом и не считаясь с законами.

Читателю может показаться еще более странным, как это сторонники Пуванаа в Полинезии, составлявшие от двух третей до трех четвертей всего населения, не попытались выручить его в те долгие месяцы, что он сидел в камере в казармах. Главная причина — мощное пополнение местного гарнизона сразу после прихода к власти де Голля. Вооруженные артиллерией и другим современным оружием войска легко могли остановить (и не раз останавливали) пуванистов, пытавшихся проникнуть в Папезте по единственной на острове дороге вдоль побережья. Чтобы лучше контролировать морское сообщение между островами, во Французскую Полинезию был направлен крейсер. И наконец, гражданского губерна-

гора на всякий случай заменили отставным полковником воздушно-десантных войск. Добавим ко всему этому, что остальные руководители РДПТ, избежавшие участи Пуванана, потому что они находились в других местах, когда арестовали их метуа, изо всех сил старались удержать своих сторонников от опрометчивых действий и неустанно советовали им набраться терпения и уповать на будущее.

Тем не менее как только представился случай продемонстрировать свои чувства, полинезийцы не замедлили выразить вотум доверия Пуванана. Это произошло 26 июня 1960 года, когда выбирался кандидат на освободившееся место во французском Национальном собрании. Кандидатом РДПТ был сын Пуванана — Марсель, не обладавший ни знаниями, ни способностями, чтобы исполнять депутатские обязанности, к тому же так и не оправившийся от военных ран и смертельно больной раком. Но Марсель был сын своего отца, и этого оказалось достаточно, чтобы он одержал внушительную победу на выборах. Точно так же невестка Пуванана, тучная добродушная полинезийка, никогда прежде не занимавшаяся политикой, стала для полинезийцев живым символом протеста. За нее дружно проголосовали на дополнительных выборах в Территориальную ассамблею, и она заняла место, принадлежавшее ее свекру.

7. «НИКАКИХ ИСПЫТАНИЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В ОКЕАНИИ»

Ни в чем не повинному Пуванана было 64 года, когда его по приказу Парижа приговорили к восьми годам тюрьмы с последующей ссылкой на 15 лет. Другими словами, он мог выйти на свободу только к 87 годам. Если проживет так долго, что было маловероятно. Таким образом, единственный политический лидер во Французской Полинезии, пользующийся среди местного населения большим авторитетом, чем де Голль, навсегда был убран со сцены. Нет сомнения, что последний именно этого добивался. Но почему это было для него столь важно, что он не остановился даже перед самыми грубыми методами? В дни, когда происходила судебная расправа над Пуванана, представлялось, что единствен-

ное мыслимое объяснение — его пренебрежение сценарием деколонизации, составленным де Голлем. Как известно, генерала охватил такой же гнев, когда Секу Туре совершил аналогичную провинность, да еще имел наглость собрать подавляющее большинство голосов на референдуме.

Однако задним числом нам теперь совершенно ясно, что у де Голля была другая и гораздо более серьезная политическая причина побыстрее отделаться от мешавшего ему соперника. К тому времени ему уже было ясно, что Алжир удержать не удастся, а потому необходимо немедленно найти взамен Сахары другое пустынное место, чтобы продолжать ядерные испытания.

Единственной подходящей для этой цели заморской областью были далекие острова Туамоту во Французской Полинезии. В своей книге «L'aventure atomique française» (Р., 1968, с. 228) генерал Айере, который любил называть себя «отцом французской атомной бомбы», красноречиво повествует о том, как в 1957 году была выбрана Сахара:

«Развернув карту, мы стали изучать одно за другим заморские владения Франции, чтобы определить, годятся ли они для задуманных нами экспериментов. Как и все истинные французы, мы плохо разбирались в географии и предполагали, что подходящих мест будет сколько угодно. На самом деле мы быстро убедились, что их совсем мало. Так, острова Кергелен не подходили, во-первых, из-за их удаленности, а во-вторых, потому что там почти круглый год дуют ветры скоростью от двадцати до тридцати метров в секунду. Уединенный остров Клиппертон в Тихом океане нас не устраивал, потому что там нельзя было построить аэродром. Осталось только два варианта: проводить ядерные испытания либо в Сахаре, либо на островах Туамоту».

Айере добавляет, что предпочел Сахару отчасти потому, что она расположена ближе к Франции и, стало быть, строить базу там дешевле, но главным образом потому, что во Французской Полинезии не было аэродромов.

Полинезийским лидерам следовало заподозрить неладное, когда де Голль, заточив в тюрьму Пуванана, вдруг решил строить большой аэродром на Таити. Вместо этого все жители острова были безмерно счастливы,

что французское правительство наконец-то собралось осуществить проект, на который Территориальная ассамблея десять лет клянчила деньги в надежде, что возникнет цветущая туристская отрасль и колонии будут обеспечены регулярные доходы.

Впервые в истории Таити казенное строительство развернулось быстрыми темпами и без оглядки на миллионные расходы. А ведь надо было засыпать целую лагуну на окраине Папеете, на что пошло полмиллиона кубометров кораллового песка да еще столько же камня и гальки, которые привозили из речной долины за десять километров. Работы были поручены французской фирме, ранее построившей подобный аэродром в Гонконге. Начались они в июне 1959 года, а уже 3 мая 1961 года аэродром был готов к открытию. Одновременно французское правительство заявило о необходимости построить еще один, «запасной», аэродром международного класса на архипелаге Туамоту в качестве «промежуточной станции для транстихоокеанских туристских маршрутов».

Обычно депутаты колонии добывали полезную информацию в парижских министерствах, узнавая вещи, которые иначе остались бы в тайне. Однако нового депутата, Марсея а Оопа, с первых шагов преследовала болезнь, и вскоре он лег в больницу в Париже. Ему становилось все хуже, и в июле 1961 года он скончался; отца на время выпустили из тюрьмы, чтобы он мог провести с сыном последние дни. Марсея сменил его заместитель Джон Теарики⁴, чья биография была сходна с биографией Пуванаа: он тоже был настоящий полинезец по языку и образу мыслей и основательно изучил Библию. Главное различие заключалось в том, что Теарики — необычная черта для полинезийца — интересовался бизнесом и с большим успехом возглавлял сухоходную компанию, организовавшую перевозку товаров и скота, а также пассажиров между Таити и Муреа, родным островом Джона. По своей натуре Теарики был куда сдержаннее и суровее, чем добродушный, любящий дружескую шутку Пуванаа.

Уже во время одного из своих первых посещений Национального собрания осенью 1961 года Теарики услышал странные и даже невероятные вещи. По словам некоторых депутатов, французское господство в Алжире

подходило к концу, а потому де Голль распорядился немедленно перенести атомный полигон из Сахары на архипелаг Туамоту. Новичок в парламенте, Теарики не знал толком, что предпринять, чтобы добиться подтверждения или опровержения этого слуха. Ему пришел на помощь более опытный представитель другой крупной французской тихоокеанской колонии Морис Ленорман из Новой Каледонии. Во время состоявшихся вскоре дебатов по бюджетным вопросам Ленорман, записанный в числе выступающих, воспользовался случаем и задал прямой вопрос государственному министру, ответственному за дела Сахары, заморских департаментов и территорий Луи Жакино⁵. Такой ход вынуждал министра ответить немедленно, тогда как письменный запрос мог не один месяц пролежать без ответа. И министр Жакино, не колеблясь, торжественно объявил Национальному собранию, что «никаких французских ядерных испытаний в Тихом океане проводиться не будет». Куда уж яснее! В один миг рассеялись все опасения Теарики, которые разделяли руководители РДПТ и народные избранники во Французской Полинезии.

Когда мы на Таити в апреле 1962 года вновь услышали о предстоящих вскоре по соседству взрывах ядерных бомб, речь шла не о французских, а об американских испытаниях. Американцы торопились поскорее взорвать серию водородных бомб огромной мощи, прежде чем вступит в силу подготовляемый договор о запрете на все атмосферные испытания подобного рода. Поскольку в Микронезии уже было отмечено много случаев радиоактивного облучения людей, вашингтонское правительство не решилось взрывать бомбы мощностью 20—30 мегатонн в гуще населенных островов. И для испытаний 1962 года оно «одолжило» необитаемый остров Рождества у английского правительства, которое несколькими годами раньше произвело там серию успешных экспериментов, однако затем пришло к выводу, что такой стране, как Англия, безнадежно соревноваться в области ядерного оружия с великими державами.

Депутатам Территориальной ассамблеи, собравшимся в Палеэте на очередную сессию, было совершенно безразлично, чьи бомбы отравляют их острова — французские или американские. Их беспокоила мощность бомб и то, что остров Рождества лежит всего в тысяче

морских миль от Таити. Опасения депутатов усилились, когда 13 апреля 1962 года рейсовый самолет неожиданно доставил двух специалистов французского Комиссариата по атомной энергии (КАЭ), оснащенных всевозможной аппаратурой для измерения радиоактивного излучения.

Территориальная ассамблея незамедлительно и единогласно утвердила проект резолюции, внесенный адвокатом Жералем Коппенратом⁶, одним из самых влиятельных своих членов, представлявшим Французскую Полинезию в парижском Сенате. Резолюция призывала французское правительство:

- 1) обратиться к Соединенным Штатам за дополнительными сведениями о предполагаемых ядерных испытаниях на острове Рождества;

- 2) выступить против любых испытаний, могущих причинить какой-либо вред здоровью жителей окружающих островов, особенно Французской Полинезии;

- 3) просить американские власти, чтобы те допустили на испытания французских наблюдателей.

Однако французское правительство почему-то не спешило с ответом на призыв Ассамблеи. Зато, как только о нем стало известно в Папеэте, прилетевшие специалисты КАЭ пригласили горожан на лекцию. Пришли все лидеры РДПТ во главе с Теарики. Один из специалистов встал и представился как правовед, чем немало удивил собравшихся. После чего он передал слово своему товарищу и до самого конца не произнес больше ни слова, предоставляя нам гадать, зачем его прислали на Таити: то ли затем, чтобы доказать, что американцы не имеют права отравлять острова Французской Полинезии, то ли затем, чтобы доказать, что все желающие могут отравлять любые острова по своему выбору. (Теперь последнее кажется более вероятным.) Зато второй гость, некий Анри Жаме, назвался специалистом по ядерной энергии и немало поразил слушателей, отвергая всякую критику американских ядерных испытаний как научно не обоснованный, чуть ли не злонамеренный акт. Кто-то задал вопрос, не подвергнется ли рыба радиоактивному облучению при взрыве на острове Рождества. Подвергнется, ответил оратор, но наиболее сильно пораженная рыба тут же и погибнет, а уцелевшая будет плыть до Маркизских островов и Таити так долго,

что к тому времени ее спокойно можно будет есть. Не менее категорично высказался лектор по поводу осадков никакого риска, поскольку в этих широтах круглый год дуют юго-восточные ветры. Однако тут его слова потонули в гуле протестующих голосов; вооруженные многолетним опытом слушатели просветили его, в какие именно месяцы дуют северные и северо-западные ветры — другими словами, от острова Рождества в сторону населенных островов Французской Полинезии.

Днем позже другой французский ученый, этнограф Луи Моле, командированный на Таити для полевых исследований государственным научно-исследовательским институтом, выступил с протестом в единственной выходившей тогда на острове ежедневной газете, двухполосной «Нуфель». Больше всего возмущала Моле попытка Жаме преуменьшить опасность радиации ссылкой на малочисленность островного населения. Либо испытания влекут за собой риск радиоактивного облучения, либо нет, писал Моле; если же риск налицо, то нет никакой разницы, пострадает ли один человек или тысяча. Особую силу открытому письму ученого придало помещенное в этой же газете сообщение о том, что первая бомба мощностью 20 мегатонн уже взорвана на острове Рождества.

На другое утро Моле был приглашен к губернатору, который довел до сведения этнографа, что командировавшее его научное учреждение немедленно отзывает его в Париж. Что могло вызвать столь необычную санкцию против французского ученого, критиковавшего исключительно *американские* ядерные испытания? Уж не то ли обстоятельство, что французское правительство, несмотря на все заверения в обратном, собиралось последовать американскому примеру? Многие на Таити с тревогой задавали себе этот вопрос. Тревога охватила и Территориальную ассамблею; многие депутаты вслух недоумевали, почему на острова, начиная с 1959 года, зачастили французские военные суда. В самом ли деле только для «гидрографических исследований», как утверждали власти?

Не прошло и месяца, как местная пресса сообщила еще одну интересную новость. На сей раз речь шла о статье из французской газеты, перепечатанной в таитянском еженедельнике «Деба» под заголовком «Риск от

ядерных испытаний на острове Рождества не поддается учету» (еженедельник выходил на французском языке). Автор статьи объяснял, о каком именно риске идет речь, и советовал читателям:

«Не будьте вегетарианцами. Ограничьте потребление овощей, фруктов и молока. Хорошо известно, что, хотя выделяемый при взрыве стронций-90 равномерно распределяется по земному шару, народы, получающие кальций из растительной пищи (например, жители Индии, Португалии, Турции, Филиппин и Японии), поглощают большие дозы смертоносного вещества.

Будьте также осторожны с рыбой. В некоторых органах рыб концентрируются радиоактивные осадки, попадающие в наши реки и моря.

Пейте как можно меньше дождевой воды. Ядерный взрыв образует десятки радиоактивных элементов с различным периодом распада, и немалая часть этих опасных для жизни веществ концентрируется в дождевой воде. Собранная и хранимая в цистернах дождевая вода часто насыщена радиоактивными элементами.

Если вы живете в зоне, где почва бедна кальцием, овощи, а через них и ваш организм, воспримут несравненно больше стронция-90, чем в тех зонах, где почва богата кальцием».

Спору нет, прекрасные советы. Однако ни один из жителей Французской Полинезии не последовал им. С незапамятных времен островитяне питались главным образом овощами и рыбой. Обитатели коралловых островов, составляющие значительную часть островного населения, пили только дождевую воду, которую научились собирать и подолгу хранить в цементных цистернах. Ни один остров не мог похвастаться богатой кальцием почвой. Будь приведенные выше советы переведены на таитянский язык и получи они широкое распространение, вполне возможно, что они основательно напугали бы многих островитян, которые все еще пребывали в счастливом неведении обо всем, что касалось атомов, радиоактивности и угрозы облучения. А так статью прочитали от силы несколько сот говоривших по-французски жителей Папэте.

В числе самых прилежных газетных читателей оказался школьный учитель Жак Дролле. Несмотря на французское имя, он был уроженцем Таити, как и его

отец и дед. Дролле входил в число 18 депутатов РДПТ в Территориальной ассамблее, и на заседании 21 июня 1961 года он взял слово, чтобы прочесть вслух другую статью, только что обнаруженную им в одном французском еженедельнике. В основе статьи лежало интервью радикального депутата Мартиники Эме Сезера⁷, который заявил, что генерал де Голль предоставил независимость всем африканским колониям лишь по одной причине: дальше противиться он просто не мог. Что же до Французской Полинезии, продолжал Сезер, то де Голль твердо намерен и впредь крепко держать ее в колониальных тисках, так как нуждается в ней для испытания своего ядерного оружия.

С присущим им прямодушием, чтобы не сказать — простодушием, депутаты Территориальной ассамблеи решили обратиться к главе французского правительства и спросить, как же дело обстоит в действительности. Один из них, еще не забывший, сколько раз французы нарушали свои обещания, предложил, чтобы депутат колонии в Национальном собрании и ее представитель в Сенате пришли в Елисейский дворец, легли на красный ковер у входа в кабинет де Голля и не вставали, пока тот не поклянется, что речь идет о газетной утке. К сожалению, парламентарии были слишком хорошо воспитаны, чтобы последовать этому прекрасному предложению.

Все же сенатор Коппенрат предпринял новый шаг согласно установленной процедуре. Он обратился к «серому преосвященству» де Голля, Жаку Фоккару⁸, чей кабинет помещался по соседству с генеральским, в том же дворце.

Фоккар не только принял сенатора Коппенрата, но и дополнительно подтвердил свои успокоительные заверения в письме, которое было зачитано в Территориальной ассамблее 28 июля 1962 года:

Париж, 11 июля 1962 года

Господин сенатор и дорогой друг!

Настоящим подтверждаю то, что было сказано во время нашей беседы касательно данных, опубликованных еженедельником „Минют“ 1 июня.

Указанный еженедельник пользуется сомнительными источниками. Так, высказывания, приписанные генералу

де Голлю, от начала до конца вымышлены и не опираются ни на какие факты. Господин Сезер даже не был на аудиенции у президента Республики.

С глубоким уважением Жак Фоккар

Тридцать послушных депутатов Территориальной ассамблеи не без оснований заключили, что услышали голос хозяина, и не стали особенно цепляться за то, что де Голль не удосужился ответить на их прямой запрос.

Тем не менее парижская пресса продолжала публиковать лживые слухи. Предприимчивый издатель тайтрянского еженедельника «Деба», Жак Жерве, который самолично писал все статьи, принимал объявления, перепечатывал материал на восковке и размножал свое издание на ротаторе, время от времени воспроизводил наиболее интересные сведения из доставляемых ему самолетом французских газет. Чаще всего повторялось утверждение, будто генерал де Голль интересуется только островами Гамбье, расположенными на юго-востоке Французской Полинезии примерно в 900 морских милях от Таити, и собирается разместить там ракетный полигон.

Месяцем позже, в номере от 20 августа 1962 года, Жерве поместил большую статью с множеством дополнительных данных все из тех же мутных источников. Заголовок гласил: «Тридцать миллиардов за четыре года: Гамбье станут сперва французским, а затем европейским ракетным полигоном».

В статье говорилось следующее:

«Работы начнутся уже в 1963 году. До конца 1964 года на острова придут около трех тысяч французских технических специалистов. Тыловая база с жилищами для персонала будет создана на Таити; где именно, еще неизвестно... Франция израсходует целых 30 миллиардов тайтрянских франков на строительство убежищ и стартовых площадок и на установку аппаратуры на островах Гамбье, а также на размещение и снабжение персонала».

Губернатор был так возмущен безответственными писаниями Жерве, что тотчас выслал его без суда и следствия, пользуясь диктаторскими полномочиями, предоставленными ему особым указом 1932 года. Одна-

ко внезапное прибытие через неделю на Таити французского министра общественных работ, транспорта и туризма Робера Бюропа как будто указывало, что *какие-то* слухи все-таки содержат *крупницу* истины. Депутаты Территориальной ассамблеи учтиво пригласили министра прийти и поведать, что затевается, пообещали даже угощение. Министр ответил, что, к сожалению, не может принять приглашения, так как занят другими, более важными делами. Что же это за дела и почему такая таинственность? Если речь шла лишь о строительстве ракетного полигона на далеких островах Гамбье, население Таити и Территориальная ассамблея не стали бы особенно возражать.

Губернатор выступил с хитроумным объяснением: дескать, 18 ноября во Франции предстоят всеобщие выборы, а до тех пор де Голль и его министры, естественно, избегают высказываться о каких-либо долгосрочных проектах. Такое объяснение не удовлетворило никого во Французской Полинезии. Кое-кто из ближайших приверженцев Пуванана даже открыто порицал РДПТ за чрезмерную покладистость.

8. КРАСНОРЕЧИВОЕ МОЛЧАНИЕ

Так вышло, что в том же году, всего за три недели до всеобщих выборов в Национальное собрание Франции, происходили выборы сенатора от Французской Полинезии. Адвокат Жераль Коппенрат, долго занимавший этот пост, был ярым приверженцем существующего порядка, однако от предшественников его отличала большая порядочность и незаурядный ум; следует также признать, что он сделал не одну искреннюю попытку обуздать процветающую коррупцию и бюрократию. Впрочем, альтруизм всегда был в роду Коппенратов, у начала которого стоял немец; два брата сенатора были католическими священниками. (Один из них впоследствии стал архиепископом.)

Французские сенаторы избираются на девять лет; сенат обновляется путем косвенных выборов на одну треть каждые три года; в коллегия выборщиков входят депутаты Национального собрания, члены Генерального совета и члены муниципальных советов. Во Французской

Полинезии в те годы число выборщиков составляло всего около шестидесяти, и самым влиятельным среди них был мэр Папезте, преуспевающий предприниматель, метис Альфред Порои⁹. Каких-либо идеологических расхождений между Коппенратом и Порои не наблюдалось, ибо они принадлежали к одной и той же голлистской партии «Таитянский демократический союз», программа которой была столь расплывчатой, что порой устраивала всех, а порой не устраивала никого. Руководство партии сходилось в том, что Коппенрат хорошо потрудился и заслуживает переизбрания. Но когда были вскрыты избирательные урны и подсчитаны бюллетени, оказалось, что Порои втайне совершил путч — обеспечил себе большинство, позволяющее ему занять место Коппенрата. Естественно, после этого партия раскололась на две соперничающие фракции.

Раскол не миновал и РДПТ, когда подошел срок новых выборов в Территориальную ассамблею. После того как Теарики, не без оснований претендовавший на роль преемника Пуванаа, в июле 1962 года был избран председателем партии, Серан основал новую партию и сам же ее возглавил. Но в этом случае речь шла не столько о личном конфликте, сколько о противоречиях между более жесткой и более мягкой линиями. В день выборов 14 октября 1962 года избиратели недвусмысленно показали, что предпочитают более жесткую линию Теарики: РДПТ получила 14 мандатов, партия Серана — единственный, в лице своего руководителя. Многие пуванисты, лишенные ясных указаний своего заточенного в тюрьму метуа, голосовали за случайных местных кандидатов, большинство которых после выборов примкнуло к Теарики. В итоге он мог опираться на надежное большинство (21 мандат из 30) в Территориальной ассамблее. Местные голлисты, не очень-то последовательные в своих убеждениях, получили всего восемь мандатов. Последний, тридцатый мандат достался независимому Пито, чья программа содержала один-единственный пункт: немедленная ликвидация Территориальной ассамблеи. Не такой уж нелепый пункт, как это может показаться, ибо многие островитяне начали сознавать, что ассамблея — возмутительная пародия на народный парламент.

Как обычно, новая сессия открылась торжественной

церемонией. По правилам, до выбора председателя и членов комиссий председательствовал старейший депутат Территориальной ассамблеи, причем им оказался тот самый Пито, которому не терпелось упразднить все мандаты, включая свой собственный. Однако Пито любезно согласился повременить с этой устрашающей реформой и в день открытия сессии, 6 ноября, с большим достоинством и любезностью приветствовал губернатора.

В зале, как всегда, царил ужасная духота. Между тем протокол требовал, чтобы каждый депутат был в пиджаке и при галстуке. Посему народные избранники обычно усаживались в креслах поудобнее и дремали. Но на сей раз они сидели прямо и напрягли вниманис, когда губернатор надел очки и достал текст своего выступления. Ибо все были убеждены, что наконец-то получат точную информацию о том, что замыслил де Голль для Полинезии.

Губернатор начал с мрачного отчета о неутешительном состоянии торгового баланса. Экспорт единственных товаров, коими располагала колония,— копры и ванили сократился, заодно сильно упали и цены на них на мировых рынках. Единственная цифра, сильно подскочившая за истекший год,— дефицит торгового баланса. (Некоторые слушатели начали нетерпеливо вертеть в пальцах свои карандаши.) Есть, конечно, ободряющий момент, а именно туризм — благодаря великодушному жесту парижского правительства, построившего аэродром. Правда, пройдет еще не один год, прежде чем эта новая отрасль начнет приносить заметный доход. Ответственные за туризм деятели просто не успевают за развитием возможностей.

Затем губернатор обратился к намеченным им на ближайшее время энергичным мероприятиям. Он собирался поощрять земледелие, стимулировать скотоводство, развивать рыболовство. (Многие слушатели украдкой улыбались, узнавая знакомые фразы; вот уже двадцать лет губернаторы чуть ли не дословно твердили одно и то же.) На сорок шестой минуте губернатор дошел до бюджета, с которым дело тоже обстояло плохо. Причина, разумеется, заключалась в том, что законопроект РДПТ о подоходном налоге окончательно застрял где-то в бюрократических дебрях. Губернатор умолчал об этом, зато не преминул пожаловаться на то, как

трудно увеличить штат чиновников в разных звеньях администрации, что совершенно необходимо для более эффективной работы.

Бюджетный дефицит достигал 100 миллионов таитянских франков. К счастью, колония может рассчитывать на помощь метрополии. (Здесь слушатели в первый раз энергично аплодировали.) Более того, Франция готова компенсировать потери на копре. Губернатор отважно перечислил длинную череду цифр, словно расставил преграды, через которые тут же лихо перескочил. На последней странице своего машинописного текста он сделал рывок к финишу:

«Здесь, в Океании, Франция не собирается уклоняться от ответственности, неизбежно вытекающей из ее исторической задачи и присущего нам, французам, особого чувства дружбы к столь благородному народу. Нет, Франция не бросит Полинезию на произвол судьбы! С непоколебимой решимостью, о которой я настоящим возвещаю во всеуслышание, мы будем и впредь заботиться о том, чтобы трехцветный флаг развевался над этой французской землей, навсегда составляющей неотъемлемую часть нашей республики. Да здравствует Полинезия, французская земля в Океании! Да здравствует Франция!»

После чего губернатор пожал руку Пито и удалился, сопровождаемый свитой.

Лица народных избранников выражали удивление, растерянность, негодование. К чему столь пламенное объяснение в любви к Полинезии, если предмет страсти не давал для этого никакого повода? Депутаты надеялись услышать несколько откровенных слов, либо подтверждающих, либо опровергающих слухи о том, что на их островах будут построены ракетные установки и атомные полигоны. Переводить вот так разговор на другое — это же прямое издевательство.

В приливе боевого настроения представители большинства, то есть РДПТ, открыли дебаты требованием немедленно освободить Пуванаа. Все другие народные вожди в Тунисе, Марокко, Сенегале, Конго, на Мадагаскаре и еще в десятке бывших французских колоний давным-давно получили свободу и с торжеством вернулись домой. Большинство из них успело даже стать во главе правительств в свободных независимых республиках, и сам

де Голль принимал их в таком качестве с почестями в Париже. Один Пуванаа по-прежнему томился в заточении во Франции. Его недавно перевели из тюрьмы в некое подобие санатория, но это мало что изменило, поскольку ему по-прежнему было запрещено принимать гостей и посылать письма на Таити.

На сей раз губернатор реагировал со скоростью и недвусмысленностью, которые возмутили приверженцев Пуванаа не меньше, чем прежнее молчание губернатора. Вот что он написал:

Папэте, 9 ноября 1962 года

Председателю Территориальной ассамблеи.

Настоящим имею честь подтвердить получение Вашего письма № 788/1487 от 8 ноября 1962 года, содержащего резолюцию, одобренную при открытом голосовании большинством ассамблеи, в которой содержится требование дать господину Пуванаа а Оопа возможность вернуться во Французскую Полинезию.

Я вынужден напомнить вам, что статья 45 указа № 46/237 от 25 октября 1946 года относительно учреждения выборной ассамблеи во Французской Океании, повторенная затем во всех последующих указах, не позволяет Территориальной ассамблее обращаться к министру колоний с пожеланиями или резолюциями, касающимися политических вопросов.

Добавлю, что Территориальная ассамблея вдвойне превысила свои полномочия, определенные вышеупомянутыми указами, поскольку они не разрешают ей также заниматься вопросами юридической процедуры и правосудия.

С глубоким уважением А. Грима

В ходе третьей за два месяца избирательной кампании (речь шла о выборах в Национальное собрание Франции) программа Теарики включала один-единственный пункт — призыв к немедленному освобождению Пуванаа. Теарики был снова избран, причем получил еще больше голосов. В это время в Национальное собрание было избрано 233 депутата-голлиста, и поддержка еще полусотни правых депутатов обеспечила им абсолютное большинство. Так что надежды Теарики на то, что к нему прислушаются в Париже, стали еще менее реальными.

9. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК ДЕ ГОЛЛЯ

Когда у депутатов Территориальной ассамблеи появилось время, чтобы повнимательнее изучить представленный губернатором проект бюджета на 1963 год, они убедились, что расходная часть, как обычно, и впрямь намного превосходит доходную — на 100 миллионов таитянских франков. Как возместить этот дефицит? Несколько сметливых депутатов рекомендовали отличный способ свести концы с концами, а именно сократить расходы на 100 миллионов. И даже выдвинули конкретное предложение, на чем сэкономить. Достаточно уволить всех ненужных бюрократов. Установив, что администрация насчитывает свыше 2 тысяч чиновников, причем почти все служат на Таити, они пришли к справедливому выводу, что это чересчур для острова с населением в каких-нибудь 45 тысяч человек. Пито воспользовался случаем напомнить, что его программа как раз и предусматривает такого рода политику экономии, и с похвальной отвагой поставил на голосование резолюцию, предлагающую депутатам явить хороший пример, упразднив Ассамблею. Ко всеобщему удивлению, девять из его коллег проголосовали «за»; правда, этого оказалось мало, чтобы утвердить резолюцию. Но еще смелее было предложение фракции РДПТ: заставить губернатора извлечь из архивов давно забытый налоговый законопроект.

Губернатор, надо думать, тоже ломал себе голову над проблемой финансирования, но предпочитал более классическое решение. Почему бы не направить в Париж делегацию и просить о займе или безвозмездной ссуде в размере 100 миллионов? Из того, как он сформулировал свое предложение, вытекало, что французское правительство подготовлено к такому варианту и не откажет. Губернатор справедливо подчеркнул, что поездка в Париж позволит народным избранникам заодно обсудить другие важные вопросы, такие, как судьба Пуванаа и желаемые реформы в системе управления. Это звучало настолько соблазнительно, что все фракции в Территориальной ассамблее согласились и постановили послать по одному делегату. Естественно, в делегацию вошли также представители колонии в Национальном собрании и в Сенате — Теарики и Порои.

Не впервые группа полинезийских деятелей направля-

лась в Париж с подобным поручением. Как правило, им приходилось там основательно потрудиться, чтобы их выслушали, и не раз случалось так, что вырванные с великим трудом у министров и начальников управлений обещания быстро предавались забвению. Стоило какому-нибудь министру вольно или невольно оставить свой пост, как его преемник аннулировал обязательства предшественника. Однако новую делегацию, приземлившуюся на заснеженном аэродроме Ле Бурже перед самым рождеством 1962 года, приняли совсем иначе. Казалось, все министры и прочие высокие чиновники стремятся превзойти в щедрости Деда Мороза. Делегатам не пришлось по многу часов и дней ждать приема в министерствах. Все двери тотчас распахивались, улыбающиеся чиновники встречали гостей широко раскрытыми объятиями. Видя такое радушие, делегаты поспешили расширить список своих пожеланий. А хозяева в ответ немедленно обещали компенсировать потери на копре, нанять еще больше чиновников, подарить колонии гидроплан, расширить гавань Папэте и так далее и тому подобное.

Кое-кто из полинезийских гостей заподозрил неладное. Не может столь внезапная щедрость быть совершенно бескорыстной. И очень уж она резко контрастировала с нежеланием хозяев обсуждать все, что выходило за пределы экономики. Ясность наступила очень скоро. А именно 3 января 1963 года, когда сам де Голль пожелал их принять.

В назначенный день и час они явились в блистающий роскошью Елисейский дворец, где их тотчас провели в канцелярию президента. Впервые за шесть лет они вновь увидели своего бывшего друга по трудным годам. Для начала руководитель делегации, он же председатель Территориальной ассамблеи, Жак Таураа прочитал принятую перед выездом с Таити резолюцию, требующую более широких полномочий для народных избранников Полинезии.

Де Голль слушал и кивал, однако ограничился такими словами: «Зато я обещаю вам, что Франция не покинет Полинезию». Внимательно выслушав длинный ряд безупречно сформулированных проектов, он благожелательно заверил делегатов, что премьер-министр и министр финансов лично проследят, чтобы все обещания, данные различными департаментами, были в точности

выполнены. После чего поспешил переменить тему и проронил как бы в виде комментария к уже сказанному: «Я даже решил — и в моем лице это решил весь французский народ — учредить военную базу на островах Гамбье. Этот испытательный центр не только поможет Франции продвигаться вперед в области военных исследований, но и обеспечит вашей территории крупные доходы».

Не успели делегаты пикнуть, как де Голль принялся превозносить патриотический дух, который царил на Таити в 1940 году и привел к тому, что колония присоединилась к «Свободной Франции». Не забыл он также героизм и самопожертвование таитянских добровольцев. «Именно поэтому я решил разместить названную военную базу в Полинезии», — заключил он несколько неожиданно.

Новый сенатор Альфред Порои пришел в такой восторг от столь патриотического способа обогатить колонию, что воскликнул: «Благодарю вас, генерал, что вы подумали о Полинезии! Это ясно показывает, с какой любовью Франция относится к нам». Казалось, де Голль сам был режиссером всего этого спектакля и придумал бодрую реплику Порои. Однако в его бочку меда тут же попала ложка дегтя: Жак Таураа, хотя он с трудом изъяснялся по-французски, взял слово, чтобы сообщить де Голлю, что если речь идет о ядерных испытаниях, то они все против проведения таковых во Французской Полинезии. Теарики добавил, что священники протестантской церкви считают применение подобного оружия несовместимым с христианским учением. Слегка раздраженный столь непочтительными возражениями, де Голль ответил: «В таком случае скажите вашим священникам, пусть молятся богу, чтобы американцы и русские перестали производить атомные бомбы, тогда и Франция последует их примеру». И на всякий случай величественным жестом дал понять, что аудиенция окончена.

Задним числом поражаешься, как уступчиво и на этот раз повели себя полинезийские лидеры. Думается, они не протестовали более энергично в присутствии де Голля прежде всего потому, что до них не дошло, что речь идет о многолетних испытаниях мощных бомб поблизости от населенных островов. Помпиду, Жискар д'Эстен и Фоккар, которые занялись делегатами, как только закрылась

раззолоченная дверь, напирала на огромные преимущества в виде денежных ассигнований и создания рабочих мест для населения в связи со строительством ракетного полигона на островах Гамбье.

Лучше всех сориентировался входивший в делегацию Ванизет, единственный чистокровный француз в Территориальной ассамблее. Но и он занял несколько уклончивую позицию, когда по возвращении на Таити беседовал с последним оставшимся на острове журналистом:

«Я могу сообщить некоторые дополнительные данные относительно будущей испытательной базы на островах Гамбье, о проекте, который привлек к себе естественное внимание. База предназначена для запуска ракет и *лишь предположительно* для испытания атомных бомб. Могу и этой связи сразу же успокоить тех, кто высказывал некоторые опасения: если когда-нибудь дойдет до испытания таких бомб, это будет происходить в пустынной области океана, так далеко от всех населенных мест, что никто не подвергнется даже малейшей опасности» («Нувель», 14.I. 1963).

10. НИКАКИХ ПРИЧИН ДЛЯ ТРЕВОГИ

В Территориальной ассамблее, которая как раз в эти дни собралась на сессию в Папеезе, намеки Ванизета на «предположительные» испытания вызвали бурю протестов. 15 января 1963 года Серан предложил резолюцию, требующую, чтобы генерал де Голль немедленно отказался от всех планов подобного рода, пока они еще не начали претворяться в жизнь. Тут Ванизет признался, что «высокопоставленные лица» в Париже предвидели такую реакцию Территориальной ассамблеи и дали ему понять, что строптивость будет наказана лишением обещанной экономической помощи. Как это часто бывает, тактика шантажа встретила отпор. Депутаты единогласно утвердили резолюцию, в которой выражалась «тревога населения по поводу сообщений о том, что на островах Гамбье будут созданы испытательные полигоны», и содержалось требование, чтобы «компетентные специалисты основательно изучили риск для здоровья людей *до того, как будут приняты какие-либо решения*».

Единственный ответ на это справедливое требование

был косвенным и далеко не удовлетворительным. Он последовал в виде длинной речи, произнесенной через месяц губернатором Грима после его визита в Париж. Из первых же строк речи ясно и недвусмысленно следовало: 1) что намечено *незамедлительно* приступить к испытаниям ядерного оружия без всяких предварительных исследований риска для здоровья людей; 2) что испытания будут производиться вовсе не на островах Гамбье, а на коралловом островке Моруроа в архипелаге Туамоту; 3) что ракетный полигон давным-давно решено строить во Французской Гвиане в Южной Америке.

Разумеется, губернатор, следуя высочайшему образцу, тоже остановился на огромных благах, которые принесут ядерные взрывы всему населению Французской Полинезии. Так, армия построит множество аэродромов, предназначенных прежде всего для гражданской авиации. Папеете получит большую современную гавань; правда, некоторые причалы будут заняты военными кораблями, но главное ее предназначение — принимать торговые суда с полным грузом всевозможных замечательных товаров для местных жителей. Для чисто военных целей намечено построить множество казарм, административных и жилых зданий — стало быть, тысячи полинезийцев будут на много лет обеспечены хорошо оплачиваемой работой. Другими словами, перед колонией открывалось светлое будущее.

После хорошо рассчитанной паузы губернатор добавил, что прекрасно отдает себе отчет в критическом настроении некоторых лиц. А потому намерен честно и откровенно рассмотреть по порядку все мыслимые возражения — разумеется, чтобы решительно и основательно опровергнуть их, как это следует из отчета в «Нувель»: «1. Радиоактивные осадки будут крайне незначительными, поскольку Моруроа находится в 1500 километрах от Таити и все взрывы будут производиться при ветрах, дующих на юг, то есть в том направлении, где в океане нет никакой земли. 2. Нет никаких оснований полагать, что в случае международного конфликта атомный полигон подвергнется нападению. Врага интересуют только ракетные установки, почему, кстати, их и делают подвижными. 3. Угроза «морального» ущерба для населения минимальна, поскольку большинство технического персонала и военных — люди семейные. 4. Что до политических

последствий, то столь малое пополнение рядов избирателей не может изменить ситуацию во Французской Полинезии с ее 85 тысячами жителей. 5. Риск инфляции также отпадает. Но на всякий случай администрация уже разрабатывает необходимые меры, чтобы предотвратить ее возникновение. 6. Что касается туризма, то появление военных баз никак не скажется на нем, ибо очарование Таити нерушимо. 7. В качестве дополнительной меры безопасности в скором времени будет создан координационный комитет из представителей военного командования и выборных органов. Задача комитета — следить за тем, чтобы не совершалось ничего такого, что могло бы причинить ущерб населению Французской Полинезии».

Всего через несколько недель после бодрого обращения губернатора к ошастливленному полинезийскому народу к нам на Таити прибыл генерал Тири, глава «группы особого назначения», которой было поручено вооружить Францию атомными бомбами. Среди сверкающих золотыми галунами полковников, майоров и капитанов его свиты был также представитель гражданского сословия Филипп Жискар д'Эстен¹⁰, директор одной из крупнейших французских строительных фирм СОДЕТЕГ. 27 апреля генерал Тири официально подтвердил все данные губернатором Грима заверения и обещания. Новостью были только дополнительные сведения о замечательных успехах французских вооруженных сил в области защиты от радиации. Признав, что было бы глупо отрицать проблему риска, генерал заявил следующее: «С другой стороны, столь же неопровержимым фактом является то, что принятие немногих простых мер устранит всякий риск для населения. Например, если вводить некоторые запреты на короткие сроки, этого будет вполне достаточно, так как радиоактивность осадков быстро снижается и затем исчезает». Следом за генералом один полковник и один представитель КАЭ приняли в том же духе «доказывать», сколь безопасны все намечаемые испытательные взрывы. Многие слушатели задавали себе вопрос, можно ли такими безвредными бомбами вообще убить кого-либо...

К великой досаде генерала Тири, в это самое время обнаружился неприятный факт, сильно подорвавший доверие к его словам. Несколько человек припомнили, что ви-

дели его годом раньше. Без особого труда удалось отыскать коротенькую статейку в «Нувель» от 25 февраля 1962 года, где говорилось, что генерал Тири проследовал через Таити на правительственном самолете, направляясь к тем самым островам, где намечались «безопасные» ядерные взрывы. В тот раз он сказал редактору, что его задача — «организовать аварийную службу на воздушных трассах в этой части Тихого океана, а также изучить возможности строительства нового аэродрома для промежуточных посадок самолетов, совершающих рейсы между Чили и Таити». Вскоре выяснилось, что почти все спутники генерала Тири также ранее посещали острова Туамоту, в том числе в 1959 и 1960 годах в качестве командиров военных кораблей, проводивших маневры у Моруроа...

Новые разоблачения вызвали взрыв негодования в Территориальной ассамблее. Больше всех возмущались систематическим обманом те, кто до сей поры с особым доверием относились к генералу, то есть голлисты. На утреннем заседании 16 мая 1963 года, когда предполагалось обсудить использование обещанных Парижем, но все еще не отпущенных ассигнований, депутаты Территориальной ассамблеи один за другим брали слово, чтобы высказаться против всяких ядерных испытаний в Полинезии. Вот некоторые наиболее типичные аргументы:

«В свете утверждений, будто эти атомные взрывы совершенно безопасны, позволительно спросить, почему правительство не производит их в гавани Марселя или в центре Парижа? Ведь и во Франции хватает бедняков, которые получили бы экономические выгоды от такого предприятия» (*Феликс Тефаатау*, РДПТ).

«Ответ специалиста, находящегося на службе у военных, заранее известен. Поэтому нам следует обращаться за советом к беспристрастным ученым, а не к таким, которые кем-то наняты» (*Жераль Коппенрат*, голлист).

«В случае войны базы в Полинезии подвергнутся атаке. Что сделало правительство, чтобы защитить гражданское население?» (*Тетуану Эху*, голлист).

«Как и все французы в метрополии, мы говорим „нет“ ядерному оружию» (*Эли Сальмон*, голлист).

«Военные будут набирать на окружающих островах людей для работы в Папее, что неизбежно повлечет за собой обширную пролетаризацию. Однако самые боль-

шие трудности возникнут, когда все строительные работы будут завершены и надо будет найти новое занятие для завербованных. В противном случае у нас появятся толпы безработных. Тем временем сельские местности опустеют и производство копры, перламутра, кофе и ванили катастрофически сократится» (*Серан*, Таитянская партия независимости).

«Эта ядерная база позволит поселить в Полинезии тысячи французов из Северной Африки, мечтающих о новом прибежище. Они желают стать нашими господами, обеспечить себе большинство уже на следующих выборах. Мы, уроженцы этой страны, должны остерегаться всех, кто прибывает извне и остается здесь лишь до той поры, пока это служит их корыстным интересам» (*Феликс Тефаатау*, РДПТ).

Теарики, который за истекший год основательно потрудился, изучая в Париже материалы о радиоактивных веществах и радиации, вложил приобретенные им знания в проект резолюции, прочитанный им после перерыва. Он выразил удивление по поводу настойчивых утверждений со стороны командированных генералов, полковников и технических специалистов, будто радиоактивные осадки опасны совсем недолго. Ведь после каждого взрыва образуется, например, большое количество стронция-90 с периодом полураспада 28 лет! «Более того, этот элемент обладает многими свойствами кальция и потому усваивается нашими костями. Миллионная доля грамма стронция-90 дает четыре миллиона распадов в секунду и способна повредить костный мозг, что влечет за собой смертоносную лейкемию. Немудрено, что наши лекторы до сих пор ни словом не упоминали о стронции-90 и о цезии-137 — радиоактивных веществах, которые, растворяясь в морской воде, поражают не только рыб, но, самое главное, планктон, лежащий в основе пищевой цепи в океане. Радиоактивный планктон накапливается в организме множества питающихся им мелких рыб, а их поедают крупные рыбы, заражаясь в свою очередь. Не будем забывать и о том, что морские течения далеко разносят планктон, и этот процесс не изучен специалистами. И наконец, всем нам здесь, в Полинезии, известно, что океанские рыбы совершают дальние миграции. Но нам не известно, сколько именно рыб мигрирует, какими путями и как долго. При таких условиях какими возможно-

стями располагают специалисты, чтобы *защитить* нас? Скорее всего, они вообще не в состоянии что-либо предпринять, иначе мы не услышали бы от них нелепых утверждений, будто зараженные рыбы быстро становятся безопасными — еще до того, как их выловят».

Теарики столь же скептически оценивал доверчивое отношение военных к местной гидрометеослужбе. В частности, было заявлено, будто «метеорологи могут определить силу и направление ветра с такой точностью, которая позволяет направить образующееся при атомном взрыве радиоактивное облако к необитаемой части океана». Теарики возражал, что метеорология отнюдь не точная наука, это видно уже из того, сколько несчастных случаев происходило при ядерных испытаниях. «Например, 1 марта 1954 года американцы взорвали бомбу мощностью несколько мегатонн на атолле Бикини. Радиоактивные частицы распространились вдоль коридора длиной 500 километров и шириной 40 километров. Многие обитатели Маршалловых островов подверглись облучению в 160 километрах от места взрыва, и, наверное, им досталось бы еще хуже, если бы не то счастливое обстоятельство, что они находились в 35 километрах в стороне от оси распространившегося облака. Тем не менее они получили дозу облучения 175 рентген. Поскольку маловероятно, чтобы люди сами потехи ради забрались в запретную зону, я делаю вывод, что в данном случае осадки не придерживались предписанного им пути следования по той простой причине, что в последнюю минуту переменялся ветер. Другими словами, природа не всегда выступает в роли покорного слуги человека».

Проект резолюции, предложенной Теарики, завершался следующим требованием:

«В связи с вышеизложенным фракция РДПТ призывает французское правительство отказаться от планов ядерных испытаний на Моруроа. В том случае, если правительство не согласится, РДПТ требует, чтобы вопрос был решен референдумом во Французской Полинезии. Речь идет не столько о политической проблеме, сколько о здоровье и выживании целого народа. Наша задача как депутатов Территориальной ассамблеи — стоять на страже интересов народа. Мы должны действовать в соответствии с велением долга и единодушно поддержать эту резолюцию. Действуя таким образом, мы покажем, что ста-

вим благо народа выше партийно-политических соображений».

Остальные лидеры явно соглашались с Теарики, однако день подходил к концу, а желающих выступить оказалось много, и поэтому было решено перенести дебаты на следующее заседание. Через два дня губернатор Грима пригласил Теарики в свою канцелярию и повел речь о вопросах обороны. Он не скупился на аргументы, стремясь убедить Теарики, сколь важно обеспечить Францию мощной обороной. Только так можно избежать повторения 1940 года. Для этого, само собой, необходимо обладать атомным оружием. А потому Теарики следует взять обратно свой проект резолюции. Теарики спокойно ответил, что проект никоим образом не касается проблем французской обороны, Территориальная ассамблея вообще не уполномочена ими заниматься. Он и его фракция требуют только, чтобы правительство отказалось от проведения ядерных взрывов во Французской Полинезии. Видя, что его попытки сыграть роль друга и покровителя провалились, губернатор резко изменил тон и пригрозил распустить Территориальную ассамблею, если Теарики будет стоять на своем. Последний ограничился обещанием тотчас известить своих коллег об этой угрозе.

Преимущество беседы с глазу на глаз в том, что после нее не остается следов в виде компрометирующих письменных документов. Но поскольку Теарики не поддался на уговоры Грима, существовал определенный риск, что результат беседы окажется прямо противоположным тому, к которому стремился губернатор. А именно все депутаты, независимо от партийной принадлежности, поддержат стремление Теарики отстоять суверенитет Территориальной ассамблеи.

И губернатору оставалось лишь еще раз открыто дезавуировать Территориальную ассамблею. Что он и проделал в следующем послании:

Панзете, 21 мая 1963 года

Господин председатель!

16 мая 1963 года депутат Джон Теарики представил проект резолюции в связи с созданием испытательного ядерного центра во Французской Полинезии.

Настоящим имею честь обратить Ваше внимание на то, что содержащиеся в данном проекте требования равносильны вмешательству в оборонные вопросы, которые

находятся исключительно в компетенции французского правительства и Национального собрания. В силу этого и в связи с откровенно политическим характером проекта Территориальная ассамблея превысила свои полномочия.

Никоим образом не отрицая права ассамблеи рассматривать и обсуждать вопросы здравоохранения, касающиеся всего населения, я пользуюсь случаем от имени Французской Республики заверить вас, что будут приняты все необходимые защитные меры, чтобы намечаемые испытания не причинили никакого ущерба жителям данных островов.

В то же время мое право и долг предупредить о последствиях, которые могут иметь место, если Вы поставите на обсуждение проект резолюции, выходящий за пределы разрешенной области и к тому же противоречащий не только общей политике правительства, но и подлинным интересам и пользе вашей собственной территории.

С глубоким уважением А. Грима

11. ОТНОСИТЕЛЬНО НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМ

К сожалению, губернатор был прав, подчеркивая, что полномочия Территориальной ассамблеи весьма ограничены. *Чересчур* ограничены, считали народные избранники, если им и в самом деле не дозволяют вмешиваться, когда речь идет о столь жизненно важных или, вернее, смертельно опасных проблемах. Но вместо того, чтобы, как это бывало прежде, смиренно покориться судьбе, они на сей раз единодушно решили, что пора добиться более широких полномочий.

По сравнению с другими французскими колониями и территориями полинезийцы заметно отстали с требованиями реформ. Может быть, потому что острова лежали так далеко, посреди огромного Тихого океана, и до них доходило очень мало вестей о событиях в Африке и Азии. Все же многие депутаты Территориальной ассамблеи начали вслух удивляться, почему Французская Полинезия до сих пор управляется губернатором, получающим указания из Парижа, тогда как другие народы, входившие во французское Сообщество де Голля, уже четвертый год располагают собственным президентом и правительством.

Некоторые депутаты указывали, что нет никаких юридических препятствий, мешающих Французской Полинезии незамедлительно получить большую свободу, автономию и даже полную независимость. Это право гарантировалось новой французской конституцией, разработанной Мишелем Дебре и утвержденной французским парламентом сразу после прихода де Голля к власти в 1958 году. Именно благодаря тому, что конституция предусматривала и признавала стремление всех народов к свободе, пятнадцать африканских колоний уже стали независимыми государствами.

Тем не менее когда полинезийская Территориальная ассамблея в эти знаменательные майские дни 1963 года наконец-то начала осмысливать свои права и возможности, только один депутат смог выдвинуть конкретные предложения. Это был (как и следовало ожидать) все тот же хитроумный и усердный Серан. Он в одиночку составил подробный проект конституции независимой таитянской республики и предусмотрительно разработал не менее подробный проект договора о взаимопомощи с Францией. Большинство его коллег сочло, что он слишком уж торопится. Во взволнованной речи Серан не замедлил предупредить их, что единственная альтернатива — продолжение губернаторского произвола, которым все они сыты по горло: «На так называемых членов Правительственного совета возложена только одна обязанность — все послушно одобрять! Лишь однажды член совета осмелился перечить губернатору, и чем же это кончилось? Он получил отставку. При нынешней системе мы бессильны против этого чиновника, представляющего французское государство. Спросил он нас или членов совета, согласны ли мы на размещение атомного полигона на Моруроа? Нет, ибо речь идет о вопросах обороны. Тогда в чем же заключается наша роль? В том, чтобы автоматически одобрять уже принятые решения? Один человек единолично постановил, что испытания ядерного оружия должны происходить на Моруроа, а мы должны кротко мириться с этим, иначе новые „иммигранты“ зажмут нам рот прикладами».

Коллеги Серана громко приветствовали его аргументацию и предложенное им решение вечной проблемы, вновь ставшей такой актуальной. Вместе с тем они предпочитали подождать, пока не выяснится мнение партий-

ного руководства. Тем более что вскоре, а именно в связи с празднованием 14 июля — Дня взятия Бастилии, когда партийные лидеры обычно прибывали на Таити, должны были состояться ежегодные конгрессы всех партий. Серан предвидел возражения колеблющихся и заранее подготовил проект резолюции «относительно необходимости незамедлительно одобрить новую форму правления во Французской Полинезии». Проект представлял собой вопросник, который должен был принудить партии конкретно и всесторонне определить свое отношение к предложенным Сераном радикальным реформам. Территориальная ассамблея единогласно одобрила этот документ.

12. ЛЕГИОН ПРОБЛЕМ

Неделей позже, 20 июня 1963 года, Территориальная ассамблея собралась в последний раз перед «зимними каникулами», которые должны были продлиться до сентября. На повестке дня оставались только второстепенные вопросы. Ко всеобщему удивлению, депутат от РДПТ, Жак Дролле, попросил слова, чтобы сообщить только что услышанную им «важную новость». Вот как развивались дебаты:

Жак Дролле, РДПТ: Когда в январе этого года наша делегация была во Франции и генерал де Голль объявил нам о предстоящем размещении атомных полигонов во Французской Полинезии, его сотрудники упомянули иностранный легион, и мы на всякий случай сразу же заявили, что ни при каких обстоятельствах не желаем видеть у себя легионеров. Нам обещали учесть наше пожелание. В дальнейшем я при каждой встрече с лицами, имеющими отношение к атомному полигону, твердо выступал против использования легионеров. Несмотря на это, на днях я услышал, что сюда командируют двести человек из саперных подразделений иностранного легиона.

Посему нам теперь следует официально обратиться с протестом к губернатору и к правительству в Париже. Есть полная возможность здесь, на месте, найти и обучить всю необходимую рабочую силу, и французское правительство располагает достаточным количеством военнообязанных, чтобы не привлекать легионеров.

Рудольф Бэмбридж, голлист: Господин Жак Дролле

выдвинул предложение, которое я охотно поддерживаю. Более того, я хотел бы поставить под ним свою подпись. Когда во время моего визита во Францию в декабре зашла речь об атомных полигонах, у меня состоялись аналогичные беседы с теми же лицами, с какими беседовал Жак Дролле. В апреле я снова обсуждал эту серьезную угрозу для нашего народа с различными лицами. Мы не желаем видеть здесь никаких легионеров и не очень-то полагаемся на разговоры о том, будто бы этот легион теперь изменился к лучшему...

Жак Дролле, РДПТ: Территориальная ассамблея должна единогласно протестовать против того, чтобы на нас напускали иностранный легион. Это придаст протесту больше веса.

Серан, Таитянская партия независимости: Полностью согласен с Жаком Дролле. Я слышал об этих планах и еще раньше, как вы, возможно, помните, говорил, что я думаю по этому поводу.

Жераль Коппенрат, голлист: Лично я поддерживаю точку зрения Жака Дролле. В самом деле, эта угроза висит над нами уже несколько лет. Иностранный легион испытывает трудности с вербовкой, вот и подумали, что приманка в виде службы в таком приятном месте, как Таити, облегчит эту задачу. За все то время, что я сенатор, я неизменно, когда приезжал во Францию, старался разъяснить властям, что легионеры для нас отнюдь не желанные гости. Мне казалось, что мои усилия увенчались успехом. К сожалению, похоже, что я ошибался. Могу добавить, что местная колониальная администрация отдавала себе отчет в этой опасности и неизменно выступала против упомянутых планов. Полагаю, вам теперь ясно, что я полностью разделяю мнение Жака Дролле.

Александр Ле Гаик, голлист: Я тоже поддерживаю предложение Жака Дролле.

Феликс Тефаатау, РДПТ: Присоединяюсь к этим словам и требую, сверх того, чтобы резолюция не была выдержана в излишне «дипломатических» тонах. Не могу не напомнить вам то, что говорил на одном из предыдущих заседаний: при правительстве, где главенствуют военные, все может случиться. Сегодня риск становится очевидным. Нетрудно представить себе возможные последствия строительства множества казарм на

наших островах. Как только мы начнем «агитировать», нам заткнут глотку. В этом смысл всей затеи. Я выступал за отказ от Сообщества во время референдума 1958 года, а потому не чувствую себя ответственным за происходящее. Я решительно возражал против всех планов размещения атомных полигонов на островах Гамбье, и я столь же категорически против планов напустить на нас легионеров.

Серан, Таитянская партия независимости: В связи с выступлением Феликса Тефаатау хочу только сказать, что хотя я сам в ряде случаев голосовал «за», это вовсе не для того, чтобы парижское правительство, не спрашивая нас, размещало атомные полигоны в Полинезии или присылало легионеров со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Жак Дролле, РДПТ: Хотелось бы услышать, что думают члены совета по поводу планов присылки легионеров.

Жан Тумахаи, РДПТ, член Правительственного совета: Мы окольными путями узнали о том, что сюда придут два батальона легионеров. Спросили губернатора, верно ли это, и он подтвердил, добавив, что саперные подразделения только на 40 процентов состоят из легионеров.

Жак Дролле, РДПТ: А хоть бы и 0,02 процента, все равно это было бы слишком много. Это издевательство над нами — утверждать, будто для саперных работ необходимо привлекать иностранный легион. Неужели во французской армии нет других специалистов? Неужели совсем нет гражданских техников?

Желающих добавить что-либо не нашлось, и был объявлен перерыв, чтобы председатели партий могли составить общую резолюцию. Через полчаса заседание возобновилось, и Жак Дролле зачитал следующий проект:

«В связи с официальным сообщением о том, что два саперных батальона иностранного легиона будут размещены во Французской Полинезии, Территориальная ассамблея выражает свое удивление тем, что к ней не обращались за предварительной консультацией, и решительно возражает против таких планов. Территориаль-

ная ассамблея допускает, что легионеры — хорошие солдаты, однако они давно известны своей жестокостью, а это делает нежелательным их присутствие на наших островах с их миролюбивым и добрым населением. Посему Территориальная ассамблея требует: если и впрямь нельзя обойтись без саперных подразделений, в них не должно быть легионеров».

Депутаты единодушно одобрили резолюцию открытым голосованием.

Естественно, ее постигла та же судьба, что и многие прежние резолюции, с той маленькой разницей, что губернатор на сей раз был куда больше возмущен вмешательством депутатов в дела, которые их не касались. Вероятно, его гнев был вызван тем, что он получил выговор от военного министра. Ибо с некоторых пор этот пост занимал во Франции Пьер Месмер¹¹. Вот как губернатор отчитал дерзких мальчишек из Территориальной ассамблеи:

Господин председатель!

20 июня 1963 года ваша ассамблея в принятой в этот день резолюции решительно высказалась против использования во Французской Полинезии подразделений иностранного легиона.

Начну с указания на то, что Территориальная ассамблея вновь превысила свои законные полномочия. Как я уже доводил до Вашего сведения, все вопросы обороны решаются французским правительством.

Далее, я обязан отметить некоторые слова и выражения, высказанные во время дебатов и вошедшие в резолюцию. Недопустимо, чтобы депутаты Территориальной ассамблеи, введенные в заблуждение дешевыми романами, позволяли себе оскорблять честь иностранного легиона. Поношения, которым подвергается эта избранная войсковая часть, глубоко уязвляют всю армию и всех ветеранов, от имени которых я энергично осуждаю такие нападки.

Вот почему я предлагаю, чтобы Вы зачитали это письмо перед Территориальной ассамблеей и приняли во внимание мое пожелание, чтобы авторы оскорбительных высказываний искренне отказались от них. Я также надеюсь, что в будущем Вы не станете начинать дебаты, не продумав и не подготовив основательно рассматри-

ваемые вопросы, чтобы быть в состоянии решать их объективно.

С глубоким уважением А. Грима

Депутаты послушались совета губернатора в том смысле, что еще раз основательно поразмыслили над проблемой. И проявили предельную объективность, заменив «давно известные своей жестокостью» словами «ожесточенные войной элементы». По существу же вопроса не отступили ни на дюйм и снова одобрили резолюцию, говорящую о том, что они ни при каких обстоятельствах не соглашаются на размещение легионеров на островах.

13. ТАИТЯНСКАЯ ГАРДЕНИЯ

Члены Территориальной ассамблеи трудились напрасно. Приблизительно в то время, когда они принимали свои резолюции, рейсовые самолеты доставили на Таити первых легионеров. Поскольку самолеты совершали промежуточную посадку в Лос-Анджелесе, а правительство США не давало разрешения на подобные транзитные переброски (скорее всего, разрешения и не запрашивали), легионеров наскоро облачили в гражданскую одежду, которую некогда было подгонять, и мешковатые костюмы сразу выдавали их по прибытии на место.

Одновременно новый аэродром вблизи Папезте принял настоящее гражданское лицо в элегантном костюме, а именно французского министра заморских территорий Луи Жакино, который всего восемью месяцами раньше клялся в Национальном собрании, что Франция никогда не будет испытывать ядерное оружие в Океании. Территориальная ассамблея не замедлила пригласить его для обсуждения «актуальных проблем». Жакино передал, что, к сожалению, будет очень занят, в лучшем случае выступит с речью, но об участии в дебатах говорить не придется. Возмущенные депутаты решили: пусть явится хоть на этих условиях. Тогда ему придется выслушать председателя ассамблеи, долгом которого было приветствовать высокопоставленного гостя.

Председатель ассамблеи Жак Таураа неплохо справился с французским текстом, поскольку подготовленная

группой большинства приветственная речь отличалась краткостью и деловитостью. Суть ее составляли два вопроса.

Первый вопрос: «Шестого июня мы единогласно приняли резолюцию, призывающую к коренной реформе системы управления колонией. Как относится французское правительство к этому призыву?» Второй вопрос: «Мы просили, чтобы правительство в Париже не размещало без нашего согласия атомных полигонов во Французской Полинезии, и нам обещали считаться с нашим пожеланием. Можете ли вы гарантировать, что обещание будет выполнено?»

Министр Жакино с решительным видом поднялся на трибуну и принялся монотонным голосом приводить множество цифр, показывающих, какие большие деньги заработает население Французской Полинезии... на атомных полигонах! Так что хотя ответ на последний вопрос оказался косвенным, он был достаточно ясным. Восхваление великих благ, ожидающих в будущем весь полинезийский народ, затянулось, и слушатели Жакино уже начали терять надежду на то, что он успеет ответить на первый вопрос — о конституционной реформе. И в самом деле, Жакино закончил свое выступление словами, которые трудно было считать толковым ответом:

«Все более тесно объединяемые нашей солидарностью и общими интересами, воодушевляемые незабываемым актом присоединения Французской Полинезии к „Свободной Франции“, явившимся вашим ответом на исторический призыв великого героя, который впоследствии вернул отечеству его былую славу и мощь, мы вместе продолжаем идти по этому пути, ведущему к новым победам и достижениям, к той свободе, к тому равенству и братству, которые отличают наше французское Сообщество и таким образом обеспечивают ему влияние во всем мире».

Как понимать эти пышные патриотические тирады? Многие не сомневались, что Жакино тем самым отверг призыв Территориальной ассамблеи пересмотреть конституцию. Другие же ссылались на четкие положения французской конституции, гарантирующие всем заморским областям автономию и даже независимость, если они того пожелают.

А Теарики и Серан спокойно продолжали дорабаты-

вать свой подробный проект новой конституции, призванной заменить устаревшую колониальную систему правления, недостатки которой так отчетливо проявились в действиях де Голля, губернатора и, наконец, министра по делам заморских территорий Жакино. Главный вопрос заключался в том, настаивать ли на полной независимости или ограничиться автономией. Решили посоветоваться с партийными руководителями, а те, в свою очередь, не хотели ничего решать без консультации с Пуванана. Но как связаться с ним, заточенным в «пансионате» во Франции без права переписки? Тюремный устав допускал лишь одно исключение: близким родственникам дозволялось в особо важных случаях посещать заключенного. Никто из родных не виделся с Пуванана со времени его ареста в 1958 году; теперь, пять лет спустя, они могли рассчитывать на свидание.

РДПТ постановила оплатить поездку в Париж племяннику и невестке Пуванана, и в конце августа 1963 года они наконец увидели его. Здоровье Пуванана было подорвано, но он не пал духом. Он внимательно выслушал их, после чего заявил, что события минувших пяти лет, к сожалению, показывают, что на французское правительство нельзя положиться. Есть лишь один способ избежать страшной судьбы, уготованной им, полинезийцам: добиться независимости. Как скорее и лучше достичь этой цели, Пуванана предоставлял решать партийным лидерам; сам он так долго отсутствовал, что недостаточно хорошо знал создавшееся на островах положение.

Получив послание Пуванана, руководство РДПТ тотчас созвало внеочередной конгресс. Единственным средством связаться с руководителями ячеек на других островах был телеграф. При этом в телеграммах открыто говорилось, что главный вопрос повестки дня — предложение Пуванана учредить независимое государство. Французская разведка тотчас донесла начальнику в Париже о том, что созревает, и контрход де Голля не заставил себя ждать. 5 ноября 1963 года президент, консультируясь с Национальным собранием, издал указ о роспуске двух партий, стоявших за независимость, — РДПТ и Тайтянской партии независимости, руководимой Сераном. В указе была ссылка на положения закона от 10 января 1936 года, запрещающего организацию «частной милиции и боевых групп»; закон этот был принят тогдашним

Национальным собранием для защиты республики и демократии от военных путчей.

Распущенная партия, само собой, лишается права посылать телеграммы, что и было принято к исполнению телеграфом. Почта также отказалась рассылать циркуляры и письма РДПТ и партии Серана. Одновременно полиция совершила налет на конторы обеих партий и захватила адресную картотеку, переписку и прочие документы, которые можно было использовать как обвинительный материал. Никого не арестовали и не сослали, однако главная цель была достигнута. Послание Пуванна не дошло до народа, и намечавшийся съезд не состоялся.

Объяснение, которое дал случившемуся губернатор, было в высшей степени своеобразным как по содержанию, так и по форме. Хотя после высылки издателя «Деба» на всю колонию оставался один-единственный журналист, губернатор устроил «пресс-конференцию», чтобы прокомментировать решение де Голля. И упомянутому журналисту не надо было опасаться немилости властей, поскольку на другой день он, как и предполагалось, поместил в своей газете «Депеш» пламенную патриотическую статью, в которой с применением самых цветистых оборотов рисовались следующие заманчивые перспективы: «Таким образом генерал де Голль наметил для полинезийского народа политическую линию, соответствующую известным ему чаяниям большинства. Другими словами, полинезийская гардения будет и впредь цвести на французской клумбе».

Разумеется, писания местной газетки не играли никакой роли, так как ее читало лишь несколько сот французских поселенцев. Куда тревожнее было то, что министр обороны Месмер вскоре сделал не менее цветистое и криводушное заявление, которое было воспроизведено мировой прессой без всяких комментариев. Произошло это в январе 1964 года, когда он в сопровождении множества радио- и газетных репортеров совершил первую инспекционную поездку по военным базам во Французской Полинезии. Один ехидный австралийский репортер спросил министра, что думает французское правительство о местной оппозиции ядерным испытаниям. Месмер преспокойно ответил: «Во всех демократических странах, где царит неограниченная свобода слова, мнения расходятся по

многим важным вопросам. На Таити существует расхождение во мнениях относительно проектируемых атомных полигонов, однако они вряд ли серьезнее тех расхождений, какие возникают в Англии или Америке, когда заходит речь о строительстве атомной электростанции».

14. КИТАЙСКИЙ ТЕАТР ТЕНЕЙ

Распущенные партии остались под запретом. Но как ни рьяно искала полиция, она не могла найти достаточно компрометирующих действий и документов, чтобы бросить в застенок преданных анафеме пуванистов. Не было также возможности объявить недействительными выборы, сделавшие их депутатами Территориальной ассамблеи. И когда в октябре 1963 года начался новый бюджетный год, депутаты в полном составе явились на сессию и переизбрали председателя Ассамблеи и бывших представителей РДПТ в различных комиссиях.

Первым вопросом на повестке дня оказалась проблема китайцев. Это было несколько неожиданно, потому что проблема существовала сто лет, и ни один министр или губернатор не желал ею заниматься. Единственное, на что правительство Франции в конце концов пошло в 1930 году, было запрещение дальнейшей иммиграции из Китая. Но к тому времени во Французской Полинезии находилось уже более 4 тысяч китайцев. Отправлять их домой сочли негуманным, тем более что большинство из них родилось на островах и другой родины не знало. К тому же это обошлось бы французскому правительству в немалую сумму. О том, чтобы предоставить им французское гражданство, не могло быть и речи. Даже имея статус иностранцев, что принуждало их платить значительный налог и лишало права на землевладение, они были опасными конкурентами для французских предпринимателей в Папеезе. Дозволь им конкурировать наравне — дело кончится катастрофой.

Перед лицом воздвигнутых со всех сторон барьеров китайцы всячески оберегали собственную культуру и самобытность. Собирались они исключительно за закрытыми дверями своих клубов. Детей посылали в частные школы, где все преподавание велось на китайском языке. Газеты и книги ввозили из Китая. Большую часть сделок

совершали с Гонконгом и Шанхаем. Для таитян и французских поселенцев живущие рядом с ними китайцы оставались неизвестными, анонимными, безликими индивидами, совсем как бесплотные фигуры в китайском теневом театре. И еще одно сходство: всем на Таити было известно, что фигуры в лавках и конторах управляются невидимыми нитями, которые держат в руках подлинные хозяева, паходящиеся за кулисами.

Пуванаа первым открыто упрекнул французское правительство в нежелании смотреть в лицо неприятным фактам и призвал его решить наконец серьезную проблему, которую оно само и создало. Оптимистический климат первых послевоенных лет даже побудил Париж предпринять смелую инициативу в 1948 году. Правительство вызвалось оплатить всем китайцам во Французской Полинезии, пожелавшим уехать на родину, проезд на пароходе. Восемьсот человек приняли это предложение и погрузились на две дряхлые посудины, которые со скрипом ухитрились добраться до Гонконга. Да только время было выбрано весьма неудачно: победа Мао Цзэдуна отбила у всех этих мелких капиталистов и свободных предпринимателей охоту жить в Китае. Но въезд во Французскую Полинезию уже был для них закрыт. В итоге они осели в трущобах Гонконга. Предусмотрительно воздержавшиеся от переселения китайцы обратились за покровительством к правительству Чан Кайши на Тайване, которое не замедлило учредить консульство в Папеэте и снабдить их паспортами.

Поскольку путь на «родину» был закрыт, 7 тысяч китайцев, оставшихся во Французской Полинезии, постепенно изменили свою позицию и стали сами сносить культурные, религиозные и языковые барьеры, делавшие их чужаками. К 1956 году уже 60 процентов из них, то есть вся молодежь и дети, говорили по-французски. Одна треть стала исповедовать католическую веру — религию правящих французов. Все больше китайцев добивались французского гражданства, но встречали мощный отпор. Ибо тут, в виде исключения, среди французской администрации, французских предпринимателей, метисов и таитян царило полное единство мнений: стоит только предоставить китайцам права и привилегии, сопутствующие французскому гражданству, как они сразу возьмут верх.

Когда де Голль в 1958 году пришел к власти, все

усмотрели в его лице сильного, смелого и искусного деятеля, который окончательно решит китайскую проблему. Но так как у него хватало непредвиденных хлопот с арабами в Алжире, полинезийская Территориальная ассамблея тактично выжидала год с лишним, прежде чем единогласно принять резолюцию, призывающую всесторонне рассмотреть китайскую проблему. Губернатор ответил с быстротой, не предвещавшей ничего хорошего. Когда был зачитан его ответ, оказалось, что на сей раз он не запрещал депутатам обсуждать поднятую проблему, а вполне благожелательно доводил до их сведения, что «власти неоднократно и тщательно изучали проблему иностранцев, особенно в налоговом и социальном аспектах, и даже принимали соответствующие административные меры, которые, однако, были недостаточными». Сказано очень учтиво и позитивно. Одно только огорчало депутатов: из послания губернатора никак не явствовало, что именно он предпринимал или собирался предпринять.

Мало-помалу выяснилось, что ответ на сей вопрос предельно прост: ничего. Через полтора года, 5 декабря 1961 года, Ассамблея повторила свой призыв. Снова безрезультатно. Когда 5 июля 1962 года была принята третья резолюция по тому же вопросу, она, понятно, была сформулирована намного категоричнее: губернатору предлагалось без промедления изложить «конкретные предложения, как он собирается решить проблему». Сама Территориальная ассамблея не выдвигала конкретных предложений по той простой причине, что не располагала полномочиями для этого. Право решать вопросы, касающиеся иностранцев и гражданства, всецело принадлежало правительству в Париже.

Шли месяцы, и наступил новый год, неся с собой новые грозные покушения на свободу и здоровье полинезийцев, связанные с честолюбивыми военными замыслами Франции. Вполне понятно и простительно, что и губернатор, и Территориальная ассамблея совершенно забыли про китайскую проблему. Велико же было удивление слушателей, когда таитянское радио в январе 1964 года стало передавать одно за другим сообщения о затруднениях де Голля в связи с китайским вопросом. Правда, речь шла исключительно о его тщетных попытках признать правительство Мао, не порвав при этом с Чан Кайши на Тайване...

Понятно, что признание коммунистического правительства Китая неизбежно повлекло за собой серьезные последствия для китайцев на Таити. Как ни странно, и Париже никто как будто не отдавал себе в этом отчета. Во всяком случае, народные избранники в Территориальной ассамблее не получали никаких известий или хотя бы намеков относительно намерений правительства. Как раз в это время двое из числа ближайших сотрудников де Голля — военный министр Пьер Месмер и государственный министр, ответственный за научные исследования, атомные и космические вопросы, Гастон Палевски¹² совершали инспекционную поездку по Полинезии. Но и они не могли внести ясность, поскольку были уполномочены заниматься только вопросами, касающимися испытания бомб. Тогда депутаты надели на губернатора, которому пришлось сознаться, что он сам знает лишь то, что слышал по радио.

Оставалось последовать примеру губернатора и в дальнейшем внимательно слушать новости по радио. Что и принесло свои плоды. 27 января диктор прочитал сообщение, восхваляющее государственную мудрость де Голля, каковая выразилась в том, что ему пришлось наконец уступить требованиям Пекина и окончательно порвать со своим старым другом и союзником Чан Кайши. А что же с китайцами на Таити, получившими тайваньские паспорта? Будут ли они высланы? Или получают вид на жительство? А может быть, даже французское гражданство? Рискую получить новый выговор за превышение полномочий, депутаты Территориальной ассамблеи постановили провести дебаты по этому вопросу. В ходе дискуссии обнаружилось поразительное единодушие: единственное разумное и гуманное решение в новой ситуации — предоставить всем китайцам французское гражданство. Десять лет назад такое предложение было бы немыслимым: поворот, несомненно, объяснялся прежде всего тем, что за это время сами местные китайцы наконец-то стали почитать своей подлинной родиной Полинезию, а не Китай.

Но поскольку большинство из них по культуре и языку далеко еще не стали «полноценными французами», Территориальная ассамблея выразила твердые пожелания: во-первых, чтобы гражданство предоставлялось индивидуально и постепенно, а не сразу всем вместе и, во-

вторых, чтобы новые граждане получали право голоса через пять или десять лет; если на время переходного периода им нельзя сохранять тайваньское гражданство, следует предоставить временное французское, форму которого без труда разработают опытные правительственные юристы.

На всякий случай Территориальная ассамблея послала по телеграфу полный текст принятой резолюции генералу де Голлю. Хотя полномочия формально были превышены, губернатор не стал задерживать телеграмму. Возможно, его возмутило то, что правительство начисто позабыло о нем.

Однако де Голль и его министры продолжали обращаться с оскорбительным пренебрежением как со своими собственными, так и с полинезийскими представителями, и тем оставалось только мириться с этим. Правда, 29 апреля 1964 года депутату Джону Теарики удалось на несколько минут получить слово в Национальном собрании Франции, и он воспользовался случаем напомнить правительству об оставшейся без ответа телеграмме Территориальной ассамблеи от 29 января. 15 июня 1964 года неугомонный Теарики повторил свое справедливое требование в письме на имя де Голля и четырех его министров, приложив выписки из протокола Территориальной ассамблеи от 29 января и текст своего выступления в Национальном собрании 29 апреля. Парижское правительство продолжало игнорировать эти обращения; тогда Территориальная ассамблея 7 июля 1964 года пошла в новое наступление и направила в Париж полное досье.

Через несколько недель на Таити прибыл премьер-министр Жорж Помпиду. Впервые Французская Полинезия принимала столь высокопоставленного гостя, а причиной визита, разумеется, было военное значение, которое приобрела эта колония. Выступая в Территориальной ассамблее, Помпиду напирал на то, какими богатыми и счастливыми станут все на Таити, работая на военных и продавая им всевозможные товары. Правда, под конец он коснулся и проблемы китайцев — «сложного и щекотливого вопроса, потребовавшего основательного изучения и нового смелого подхода». Когда же представил результаты размышлений, на которые правительству потребовалось полгода, они вылились в следующее краткое заявление:

«Прежде всего нам в этой связи не следует забывать, сколь почетно быть французом. Французское гражданство, естественно, принадлежит нам, французам по рождению, все прочие должны его заслужить. Но ведь всем нам известно, что в Полинезии много китайцев, которые своим усердием, трудом и разными деяниями вполне заслужили право получить французское гражданство. А потому правительство постановило впредь автоматически предоставлять французское гражданство всем желающим из числа китайцев в Полинезии — разумеется, при условии, что каждый отдельный случай будет изучен на месте органом, действующим под наблюдением губернатора Грима. Таким образом, его суждение будет решающим, и, если оно окажется положительным, гражданство будет автоматически предоставлено».

Проще говоря, отсюда вытекало, что отныне губернатор самолично, по своему произволу, не опираясь ни на какие законы или указы, будет решать, кто из китайцев достоин быть французским гражданином. Французское правительство еще раз полностью игнорировало мнения и пожелания избранных полинезийского народа.

15. УДАРНЫЕ СИЛЫ В ДЕЙСТВИИ

Хотя французские ударные ядерные силы еще были в зародыше и не играли никакой военной роли, они тем не менее уже могли причинить немало зла ни в чем не повинному гражданскому населению Французской Полинезии. Особенно потому, что они так быстро завладели островами. Ныне, много лет спустя, когда ядерные испытания проводят не торопясь, без оглядки на сроки, трудно понять, зачем понадобилась такая спешка с созданием баз и присылкой тысяч технических специалистов и военных. Тем более что Франции тогда, как и теперь, никто всерьез не угрожал. Безрассудная гонка, десятикратно усугубившая все проблемы, объясняется предельно просто: де Голль единолично решил, что первый атомный взрыв в Полинезии должен быть произведен уже в 1966 году.

Два атолла — Моруроа и Фангатауфа, избранные генералом Тири для ядерных испытаний, расположены в юго-восточном углу архипелага Туамоту. Они числились

по разряду казенных земель и по действующим законам могли быть проданы или сданы в аренду только Территориальной ассамблеей, а она наотрез отказывалась вести переговоры с военными. Губернатор то угрожал, то сулил огромные прибыли, но дело не двигалось с места. Военные, разумеется, не очень-то считались с ассамблеей. У них был приказ Парижа побыстрее обосноваться на островах и приступить к работе, а приказы существуют для того, чтобы их выполнять. Споры о деньгах и параграфах военных не касались. Возможно, именно отсутствие каких-либо письменных соглашений объясняет, почему они с самого начала чуть-чуть напутали с наименованием одного из островов. Они называли его Муруроа, тогда как правильно — Моруроа.

Как и все коралловые атоллы, Моруроа и Фангатауфа представляют собой цепочку островов, нанизанных на окаймляющий лагуну риф словно бусины на нитку. Самый большой из островков не превышал нескольких сот метров в длину и ширину. В рифе Моруроа есть проход, позволяющий достаточно крупным судам заходить в лагуну, которая служит надежно защищенной гаванью. Риф Фангатауфы окаймляет лагуну сплошным кольцом. Поскольку лишь Моруроа располагал естественной гаванью, первые отряды рабочих были направлены туда. При дневной температуре 35 и ночной 25 градусов вполне можно было жить в палатках и готовить пищу в установленных под пальмами полевых кухнях. Для начала требовалось построить аэродром с полосой 2200 метров и причал. Как только все сделали, были доставлены специальные войска и гражданские техники. Одновременно для инженеров и офицеров прибыли три плавучие гостиницы с кондиционером — бывшие пассажирские суда, в которых больше не было нужды на линии между Францией и Алжиром, поскольку деколонизация Северной Африки свершилась.

Все было готово для строительства главного сооружения — пятнадцатиметровой бетонной башни со стенами шестиметровой толщины для защиты наблюдателей и приборов во время взрывов. По официальным данным, на эту пирамиду смерти ушло 45 тысяч тонн цемента и 16 тысяч тонн железа, а поскольку время не ждало, большую часть стройматериалов доставили из Франции по воздуху. Затем саперы из иностранного легиона пробрили

взрывчаткой проход в кольцевом рифе Фангатауфы, чтобы и там можно было осуществить такие же работы.

Одновременно с гигантским строительством на Мору-роа и Фангатауфе другой коралловый остров в архипелаге Туамоту, Хао, был превращен в постоянную базу для двух тысяч саперов и гражданских техников, главной задачей которых было монтировать ядерные заряды перед самым взрывом. Чтобы ускорить дело, армия подписала контракт с крупными французскими строительными фирмами, и те в рекордно короткий срок (и по рекордно высоким ценам) воздвигли целый городок — казармы, складские помещения и мастерские при аэродроме с полосой 3500 метров. Такая длина полосы, отвечающая международным стандартам, объясняется тем, что аэродром предназначался для челночных рейсов между Хао и Францией, с промежуточной посадкой на острове Мартиника в Вест-Индии.

Разумеется, многотысячный штат надо было снабжать питьевой водой, которой на коралловых островах нет. Единственным решением было строить дистилляционные установки. Продовольствие и всякого рода материалы, естественно, доставлялись из Франции — с другого конца земного шара. Суда и самолеты, занятые транспортировкой людей и снаряжения, нуждались в нефти и бензине — появились цистерны. Неудивительно, что стоимость полинезийских атомных полигонов, первоначально определенная в один миллиард французских франков, в первый же год превысила 2,5 миллиарда. Еще через полгода она уже достигла 6 миллиардов. После этого военные власти перестали публиковать данные о расходах.

В момент оккупации Мору-роа и Фангатауфы французскими войсками они были необитаемы. На Хао жило несколько сот островитян; их отгородили от военных забором. Густо населенный Таити следовало бы вовсе избавить от войск и военных сооружений. Да и какие основания посягать на него? Если не считать того, что Таити приятный курорт. Куда как славно отдохнуть здесь после нескольких месяцев тяжелой службы на далеких раскаленных атоллах архипелага Туамоту...

Наиболее привлекательным местом на Таити, конечно же, был Папее-те с его барами, дансингами, кинотеатрами, ресторанами, бильярдными и магазинами. Первыми, как обычно, обосновались на новом месте легионе-

ры. Они живо смонтировали на окраине города самые уродливые во всем южном полушарии казармы из рифленого железа на две тысячи человек. Затем возник почти столь же неприглядный городок на тысячу инженеров и техников. Посреди красивейшей пальмовой рощи разместился штаб с сотнями контор. И наконец, КАЭ построила на морском берегу к востоку от Папэте множество мастерских, пакгаузов и лабораторий. За какой-нибудь год в городе и вокруг него расселилось около пяти тысяч военных и гражданских специалистов. Без всякой на то надобности и вопреки обещаниям властей не посягать на жилые районы местного населения.

Согласно другому обещанию, которое без усталости повторяли губернатор Грима и генерал Тири, чуть ли не все офицеры и техники должны были быть степенными семейными людьми. Разумеется, на самом деле большинство оказались молодыми холостяками; что касается женатых, то мало кто из них пожелал или смог взять с собой семью. Все получали жалованье в два с половиной раза выше того, что им платили на родине, к тому же они были освобождены от подоходного налога. Так, капитан получал 8 тысяч франков в месяц, гражданский инженер — 12 тысяч франков. Это позволяло им без труда обзаводиться тем, чего более всего желают себе отпускники, — автомашинами и подружками. В первый год нового атомного века количество частных автомашин на Таити увеличилось на 3 тысячи единиц. Естественно, всякий раз когда кто-то из приезжих завоевывал женское сердце — главным образом с помощью звонкой монеты и роскошной машины, — кто-то из таитян терял жену или любимую. Вскоре ненависть к военным достигла такой степени, что всякого, кто наведывался в бар или заходил в глухой переулок, избивали до потери сознания. В свою очередь, военные, особенно легионеры, не упускали случая отомстить. Они пользовались ножами и дубинками. Таитяне, привыкшие обходиться одними кулаками, постепенно начали следовать их примеру. Не один раненый успевал истечь кровью, прежде чем его обнаруживал военный патруль.

Верховное командование раздавало новоприбывшим солдатам и матросам брошюру с такими советами:

«Не ходите в одиночку по улицам Папэте. Опасность нападения особенно велика вечером.

Идя по тротуару, держитесь левой стороны, навстречу движению, иначе вы рискуете, что таитянин на мотороллере или велосипеде незаметно подъедет сзади и ударит вас по голове».

Советы не очень помогали; тогда мозговой трест ударных сил придумал блестящее решение. Поскольку таитяне не выносили вида военной формы, следовало очистить Таити либо от военных, либо от мундиров. И был издан приказ: впредь всем, получающим отпуск, одеваться в гражданское! Да только авторы этого, казалось бы, хитроумного решения проблемы упустили из виду одну мелочь, а именно: европейская физиономия выглядит совсем иначе, чем полинезийская. Так что, несмотря на переодевание военных, их шансы раствориться в толпе были равны нулю. И наиболее приметным следствием запоздалых попыток замаскировать военных было то, что многих настоящих туристов, прибывавших на Таити, чтобы вести райский образ жизни в обществе добрых и кротких островитян, принимали за переодетых солдат, и тем здорово доставалось. Случалось даже, что полинезийцы расправлялись с туристками, принимая их за француженок из военных городков.

В первые месяцы газеты (их теперь стало две) ежедневно печатали сводки с различных фронтов Папэте, однако это производило столь дурное впечатление на горожан, что командование предложило газетам прекратить антипатриотическую и деморализующую информационную деятельность. Тем не менее мы приводим некоторые из первых сводок, свидетельствующие о том, как старательно ударные силы де Голля оправдывали свое наименование. Особенно часто на страницах газет фигурировали отборные подразделения иностранного легиона.

Драка в кафе «Питате»

Кто был зачинщиком в драке, происходившей вчера между таитянами и легионерами в кафе «Питате»? Таитяне уверяют, что они спокойно сидели и пили красное вино из принесенной с собой бутылки. Какой-то легионер презрительно обозвал их плохими клиентами. Один из таитян пустил в ход кулаки. Легионер выхватил нож, но замахнувшись споткнулся. Таитяне не замедлили осно-

вательно поколотить его; досталось и другому легионеру, который хотел прийти на помощь своему упавшему товарищу. На этой стадии схватки таитяне вооружились ножами от стульев и бутылками.

Легионер Валестер Каламенос излагает случившееся совсем по-другому. Он говорит, что, проходя вместе с товарищем мимо кафе «Питате», остановился у столика, чтобы дать прикурить таитянину, который вежливо его об этом попросил. Когда же он наклонился, то получил удар кулаком в лицо и упал. Товарищ выхватил нож, чтобы защитить его, и подвергся нападению другого таитянина, вооруженного ножкой от стула. Началась потасовка. Легионеров забросали бутылками, камнями и стульями, так что они вынуждены были бежать.

Происшествие с Лепеном

Матрос Лепен с французского военного корабля встретился вечером с девушкой в тихом уголке в гавани. Внезапно из темноты возникли две тени. Не успел матрос опомниться, как двое набросились на него и били его кулаками, пока он не потерял сознание, потом сбросили в воду. После чего взяли за девушку, которая тщетно пыталась убежать. Изнасиловав ее, они скрылись во тьме. К счастью для матроса, прохладная вода привела его в чувство, и он смог добраться до своего корабля. Его тотчас отправили в больницу. Врачи долгое время опасались за его жизнь, но сейчас считают, что он будет жить.

Через неделю полиции удалось схватить виновников благодаря тому, что девушка опознала одного из них в городе. Он и его приятель сразу сознались. Одному 25 лет, его имя Мара Эноха Вехиа, другому 19, его имя Тиаре Закариа Тетариа.

Мечь легионеров

Недавно прибывший легионер-немец познакомился с молодой таитянкой легкого поведения, постоянно посещающей «Куинз» и «Лафайет», и сильно увлекся ею. Видя в ней свою суженую, он решил закрепить их отно-

шения следующим уговором: «Пока ты будешь вести себя хорошо, сидеть дома, ждать меня и готовить мне еду, я буду отдавать тебе все мое жалованье. Но если пустишься во все тяжкие, пеняй на себя...»

Три месяца и три полочки все шло хорошо. Но с началом июльских празднеств бедняжка не устояла против соблазна и покинула клетку. Вскоре легионер отыскал беглянку и сделал вид, что простил ее. Однако в минуту сладкого примирения он вдруг превратился в каннибала и укусил девушку так, что она осталась калекой на всю жизнь.

Европейцы — невинные жертвы

Два таитянина, Таматоа и Маитере, предстали во вторник перед судом за совершенное около бара «Зизу» подлое нападение на французского пилота Воссора и стюарда Куссине, служащих французской авиакомпании ЮТА.

Маитере откровенно сознался, что без всякого повода ударил Воссора, но отрицал нападение на Куссине. Таматоа, за которым уже числится множество прегрешений, полностью отрицал все обвинения, хотя его опознали несколько свидетелей, что было не так уж и трудно, поскольку он был полуголый, а голову его украшал венок. Маитере как будто раскаивался в своем проступке, тогда как Таматоа замкнулся в себе и отмалчивался. Защитник Маитере объяснил, что его подзащитный ненавидит всех европейцев после того, что случилось с ним недавно. Его женщина изменила ему с красавцем легионером; не сумев отыскать соперника, он отыгрался на двух европейцах, решив, что они военные. Следует добавить, что кроме Маитере и Таматоа, чья причастность доказана, многие другие таитяне, воспользовавшись случаем, били руками и ногами пострадавших, когда те лежали на земле.

16. ЖЕНСКОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Если жители Таити не без оснований полагали, что бесконечные стычки и драки вызваны избытком мужчин, то сами военные выдвинули совсем другое объяснение. Дескать, настоящая причина — нехватка женщин.

Еще в феврале 1964 года несколько легионеров, обладавших опытом сутенеров, задумали решить эту проблему испытанным способом: вызвать женское подкрепление из Франции. Однако Территориальная ассамблея протестовала так яростно, что затея эта была быстро предана забвению. Изобретательный, как всегда, Жак Дролле предложил, чтобы армия организовала доставку женщин в несколько более достойных, чтобы не сказать — патриотических, формах. Вот как звучали его аргументы:

«Кто прислуживает офицерам, убирает постель, подметает полы, готовит еду и подает ее в казармах Папете, Моруроа и Хао? Исключительно мужчины! Все шоферы и ординарцы, коими располагают даже самые младшие офицеры, тоже мужчины. Так почему не передать эту работу женщинам? А освобожденных от нее мужчин следует приставить к более полезному делу».

Разумное предложение Дролле не встретило, однако, отклика у военных. Верные традициям, они представляли себе только классическое решение, а именно открыть собственные публичные дома. Правда, французское правительство запретило их официально еще в 1946 году. Но нам сообщили, что на военных этот запрет не распространяется, армии разрешено во время боевых действий на материке и заморских кампаний иметь при санитарных батальонах походные публичные дома.

Хотя Территориальная ассамблея по-прежнему не обладала полномочиями высказываться по столь важным вопросам национальной обороны, депутаты были так возмущены, что пренебрегли этим и посвятили несколько заседаний протестам против решения, которое они считали непристойным со всех точек зрения. Однако входившие в состав военного командования «психологические эксперты» тотчас начали «просветительскую кампанию». Написали серию статей и без труда пристроили их в местные газеты. По словам анонимных авторов, главной целью военных властей было защитить граж-

данское население; эта проблема приобретала особую актуальность в связи с тем, что предполагалось вскоре разместить в Полинезии еще с полдюжины военных кораблей с общей численностью команды 7 тысяч человек. Публичные дома, говорилось в статьях, «одно из тех учреждений, которые совершенно необходимы во избежание серьезных проблем везде, где высокая плотность населения». К тому же полинезийские заведения предполагалось оформить в оригинальном, очаровательном стиле, и деятельность их должна была подчиняться следующим гуманным принципам: 1) эти заведения будут посещать только французские военнослужащие и техники Центра тихоокеанских испытаний (ЦТИ) и связанных с ним французских строительных фирм; 2) они будут располагаться на судах, стоящих на якоре в уединенных лагунах с лесистыми берегами; 3) весь персонал будет набран за рубежом, скорее всего в Гонконге.

Из статей явствовало также, что вопрос уже окончательно решен.

Депутат Джон Теарики попытался ответить открытым письмом к властям на таитянском и французском языках. Но газеты и радио отказались оглашать письмо под предлогом, что оно оскорбительно для военных и для французского правительства. На самом деле Теарики изложил лишь несколько простых истин:

«За прошедшее время Франция даровала нам высшие достижения западной цивилизации. Французские миссионеры, преподаватели, врачи и разного рода чиновники охотно приобщали нас к своему языку, к своей религии и культуре. Франция способствовала нашему развитию и выходу на современный уровень. Однако современная западная культура влечет за собой также немало бед и опасностей. Долг Франции всячески защищать нас от них.

Что же делает нынешнее правительство? Постановив разместить на наших островах военные базы, оно делает нас жертвами опаснейших научных экспериментов и социальных пороков. Тяжкое бремя вины ложится на нынешнее правительство, которое, разумеется, в один прекрасный день уйдет. Поэтому я не обвиняю народ Франции. Мы должны бороться за то, чтобы Франция была верна своей цивилизаторской миссии и соглашению, связывающему наши народы. Другими словами, я хочу, что-

бы мы могли с уважением относиться к Франции и чтобы Франция уважала нас. Вот почему я категорически возражаю против той формы проституции, которую пытаются насадить у нас и которая остается одинаково постыдной, будут ли эти женщины француженками или полинезийками. Что касается последних, то проституция уже налицо в значительных размерах, пусть даже она отчасти маскируется цветочными гирляндами, так что есть все основания поддерживать похвальные усилия некоторых лиц, ведущих борьбу с проституцией.

Мы обязаны в корне пресечь это зло и не дать ему распространиться. Зло заключается уже в том, что сюда шлют тысячи и тысячи молодых военнослужащих. Корнем зла является Центр тихоокеанских испытаний. Проблема, которая тревожит нас сегодня, лишь одна из многих опасностей, сопутствующих появлению у нас ЦТИ. Они должны исчезнуть, а для этого необходимо, чтобы исчез рассадник болезней, именуемый ЦТИ».

Сильно сказано. В то же время письмо Теарики было трогательным славословием вечной Франции или, вернее, идеального образа Франции, который все полинезийцы, принадлежащие к тому же поколению, что Теарики, сохраняли в своих сердцах.

Похоже было, что Теарики и Территориальная ассамблея снова проиграли неравный бой с военными. Но тут неожиданно начала громко протестовать новая группа людей, до тех пор никогда не возвышавшая свой голос. Речь шла об учащихся трех колледжей Папезте — государственного, протестантского и католического. Собрания во время перемен и после занятий завершились принятием двух резолюций, составленных отдельно юношами и девушками. С этими резолюциями учащиеся осадили радиостанцию и редакции газет, пока те не согласились предать протесты гласности. В своем «воззвании к взрослым» юноши, в частности, говорили:

«Авторы этого решения действовали необдуманно, совсем не учитывая последствий. Ведь о чем, собственно, идет речь? О торговле белыми рабынями! Говорят, персонал будет иностранным. Но разве можем мы быть уверены, что шайка сутенеров не начнет похищать и вывозить таитянок в иностранные публичные дома? Наши сестры и будущие жены могут оказаться в числе жертв.

Систему публичных домов ни в коем случае нельзя терпеть. Это аморальное, непристойное, безобразнейшее дело, низводящее женщину на уровень животного. Что же тогда остается от человеческого достоинства? И такие вещи происходят в стране, где толкуют о женском равноправии! Или вы, несущие ответственность, забыли, что молодежь составляет половину населения? Мы рассчитывали, что вы нас вырастите настоящими людьми. Помогите нам спасти молодежь Таити от моральной катастрофы!»

Воззвание девушек было сформулировано гораздо конкретнее и лучше документировано. Вот его важнейший абзац:

«Военные говорят в свое оправдание, что публичные дома предназначены только для них самих. Однако это вовсе не располагает нас мириться с такими порядками, которые унижают женщину и к тому же противоречат закону. Резолюция ООН от 2 декабря 1949 года запрещает всякую проституцию. Франция (с некоторым запозданием) подписала этот документ 25 ноября 1960 года. Как могут власти Таити допустить учреждение публичных домов, если они запрещены в других местах, в том числе во Франции? Кто бы ни был или ни стал жертвами этой системы, мы решительно осуждаем ее. Разве военные начальники бессильны? Разве они не могут справиться со своими подчиненными? Наша цивилизация начинает походить на разлагающуюся Римскую империю перед ее падением. Мы, молодые, желаем вести простой, здоровый, скромный образ жизни, нас не устраивает жизнь, полная грязи, разнузданности и гнета. Речь идет о нашем будущем и о чести Франции».

Неожиданная фланговая атака застигла военных врасплох. Можно даже говорить о пятой колонне — ведь среди самых рьяных студентов были сыновья и дочери высокопоставленных лиц, и они продолжали борьбу в стенах своих домов. И то ли ради семейного мира, то ли по более важным причинам военные власти поспешили отказаться от своих планов облагодетельствовать Таити публичными домами.

17. СЛОНОВАЯ БОЛЕЗНЬ ПОЛИНЕЗИИ

Одновременно с вторжением на Таити 7 тысяч военных началась массовая иммиграция полинезийцев на этот остров с далеких островов — Маркизских, Туамоту и Тубуаи, размах и пагубные последствия которой возрастали с каждым днем. Главными виновниками этого нашествия были все те же военные и обслуживавшие их строительные фирмы, нуждавшиеся в дешевой рабочей силе безотлагательно и в крупных масштабах.

До вторжения военными население Французской Полинезии составляло 85 тысяч человек. 45 тысяч жили на Таити, и две трети из них были сосредоточены в орбите Папеэте, единственного города и порта на острове. Из горожан не меньше 6 тысяч приходилось на китайских ремесленников, предпринимателей, уличных торговцев и рестораторов. Остальные 20 тысяч — полинезийцы; женщины сидели дома, занимаясь детьми и хозяйством, а мужчины служили в правительственных учреждениях, строили дороги и дома, работали в порту, водили автобусы и такси, ловили рыбу. Доходы у них были весьма скромные, но ведь квартирная плата и цены на продукты тоже были невысокие.

Таким образом, единственный свободный «резерв рабочей силы» (термин, который мы теперь впервые услышали) находился в сельской местности Таити и на островах упомянутых архипелагов, где население жило безбедно, само обеспечивая себя всем необходимым и выручая на продаже копры вполне достаточно денег, чтобы покупать велосипеды, шкафы, зеркала, патефоны, спиртные напитки и табак. Духовные запросы, как и в прошлом, удовлетворялись религией, с той маленькой разницей, что с приходом европейцев появились новые боги и священники.

Тысячи таитян потянулись в город уже в 1964 году, как только прошел слух, что есть возможность хорошо заработать, строя конторы и казармы для «французского государства». Однако гигантское строительство полигонов на островах Туамоту требовало неизмеримо больше рабочих рук. И военные корабли направились во все концы, чтобы завербовать чернорабочих. Услышав, что от них требуется только умение копать, долбить, плотничать и класть кирпич и что они будут получать за это

17, 15 даже 20 тысяч таитянских франков в месяц, островитяне не раздумывая подписывали контракты и садились на корабль. За каких-нибудь полгода на французскую службу поступило 5 тысяч полинезийцев. Рабочих и работодателей вполне устраивало, что каждый контракт был рассчитан всего на шесть месяцев.

Получившие работу в Папеэте могли захватить с собой семьи, в отличие от тех, кого направляли на полигоны Туамоту. Но так как последние зарабатывали столько же, если не больше, их семьи тоже обосновывались в Папеэте, где было чем заполнить время в ожидании главы семейства. Когда мужчины наконец возвращались, после трудов под жгучим солнцем на уединенных островах Моруроа, Фангатауфа и Хао, им, естественно, хотелось отвести душу. Прокутят денежки — выход один: вербоваться еще на шесть месяцев и снова ехать на полигоны. Некоторые грамотеи обнаружили, что контракт предусматривает бесплатный проезд на родные острова после окончания срока. А начальство несколько и не спорило, только выражало сожаление, что как раз сейчас все суда заняты более важными военными заданиями.

Так вышло, что кроме 7 тысяч военных за два года в маленьком городишке Папеэте добавилось не меньше 15 тысяч полинезийцев. Казалось, колонию поразила слоновая болезнь. Речь идет о весьма распространенном в Полинезии недуге, который возникает оттого, что комариные личинки закупоривают лимфатические сосуды, отчего некоторые части тела распухают до чудовищных размеров.

Миллиардный бюджет позволял ЦТИ снимать сколько угодно домов и арендовать практически всю пригодную для застройки землю. На жилье для полинезийских рабочих денег не находили, но военные власти охотно одалживали им палатки, которые ставились на пыльной набережной, на самом солнцепеке. Невыносимые жилищные условия побуждали большинство семей строить себе лачуги из фанеры и рифленого железа на горных склонах за городом. Но у этих неудобных, заросших кустарником земель тоже были владельцы, в основном из числа метисов, а они требовали арендную плату — 2—3 тысячи франков в месяц даже за самый жалкий клочок. Хуже всего для столь чистоплотных людей, как полинезийцы, было полное отсутствие воды. Само собой, за исключе-

нием дождевого сезона, когда обильные ливни обеспечивали обитателям лачуг грязевые ванны на дому. Один французский социолог, единственный человек, проявивший какой-то интерес к жителям этих трущоб, установил, что через два года после начала новой эпохи военного вличия в Папеэте и его окрестностях было сооружено 3988 фанерных и железных лачуг, в которых обитало 22 474 человека — почти половина всего населения острова.

Для огородов в районах трущоб места не было. До лагуны далеко, к тому же без лодки рыбной ловлей не займешься. Приходилось покупать все продукты в магазинах или на рынке, цены росли с ужасающей быстротой. Самым дорогим и дефицитным товаром оказались такие местные продукты, как батат, плоды хлебного дерева, таро, ямс, рыба и куры, поскольку производители переехали в города и превратились в потребителей. А потому все питались наиболее дешевыми продуктами — хлебом, рисом, макаронами, сахаром и консервами. Голод-то они утоляли, но в еде не хватало витаминов, железа и кальция. На беду цены и на эти товары тоже начали стремительно расти неизвестно по какой причине. Хотя губернатор, как уже говорилось, двумя годами раньше торжественно обещал принять все необходимые меры, чтобы предотвратить инфляцию, в начале 1966 года в одном официальном документе признавалось, что «за прошедший год цены продолжали расти с фантастической быстротой. Так, рыба подорожала на 35 процентов, овощи — на 84 процента, фрукты — на 57 процентов». Откуда власти получали такие точные цифры, остается загадкой. Ибо на самом деле в каждой китайской лавке были свои цены, и власти палец о палец не ударили, чтобы их хоть как-то регулировать. Зато политику цен военного командования можно было назвать образцовой: в огромных универсамах, построенных в жилых кварталах ЦТИ, все товары продавались строго по себестоимости. К великому огорчению полинезийцев, в эти магазины имели доступ только военнослужащие, техники и члены их семей.

Цитированный выше социолог интересовался также доходами и семейным бюджетом полинезийских рабочих. Он выяснил, что 15 процентов зарабатывали в месяц меньше 7500 таитянских франков, 30 процентов меньше

10 тысяч франков, 50 процентов меньше 15 тысяч франков и лишь 5 процентов — больше 25 тысяч франков. Для сравнения скажем, что приличное жилье обходилось в 20—30 тысяч франков в месяц, скромный обед для одного человека в ресторане стоил 300-500 франков. Однако для полноты картины надо еще учитывать, сколько иждивенцев содержал каждый работник. Приведем данные по жилому кварталу, где было учтено количество членов семей: в среднем семь человек. Среднемесячный доход каждой семьи составлял 13 тысяч франков. В другом квартале, в западном предместье, 59 семей насчитывали 350 человек; среднемесячный доход на семью — 11 200 франков.

Даже если все деньги тратить только на еду и одежду, при таких условиях долго не протянешь. А ведь сверх того деньги уходили на всякую всячину. Папеезе изобиловал кинотеатрами, барами, кафе, бильярдными и дансингами, которые неудержимо влекли к себе бывших сельских жителей. Всего труднее было им соблюдать меру в потреблении спиртного и, поскольку они с традиционной полинезийской щедростью приглашали всех друзей и соседей, пирушки, как правило, прекращались лишь после того, как кончались все деньги.

Хуже всего приходилось детям. Посещение школы на Таити обязательно. Но следить за тем, чтобы дети всех иммигрантов и впрямь ходили в школу, было трудно, а то и вовсе невозможно. Никто и не брался за это дело. Родители же детей сами чувствовали себя совершенно потерянными в новом, незнакомом мире. Подростки намного быстрее приспосабливались к необычной среде. По хорошо известному примеру нашего цивилизованного общества, они сколачивали шайки, занятые преимущественно добыванием еды, спиртного и денег посредством кражи. Девочки, естественно, рано или поздно поддавались на соблазнительные предложения, которые им на каждом углу делали молодые военные.

Да и те, кого посылали в школу, быстро оказывались на улице. Обязательное обучение кончалось в 14 лет, причем подростки не получали никакой специальности. Мощный приток крепких взрослых мужчин с других островов, понятно, не оставлял подросткам никаких шансов на бирже труда, их не брали даже на черную работу.

Врач Марсель Бонно, изучавший эти проблемы по

поручению Всемирной организации здравоохранения, опубликовал отчет, у которого был один-единственный недостаток: его размножили вручную таким малым тиражом, что добыть экземпляр было почти невозможно. В отчете говорилось, в частности, следующее:

«Из 100 опрошенных жителей трущоб Папезте 80 процентов производили впечатление потерянных людей и сетовали на то, что о них никто не заботится, 10 процентов впали в апатию, 5 — держались агрессивно, а оставшимся 5 процентам жителей жизнь в трущобах нравилась».

Подводя итог тому, что происходило в Папезте в 1964—1966 годах, можно прибегнуть к классическому гермину и сказать, что впервые в истории острова возник общественный класс пролетариев.

18. ЗА ЦВЕТЧНЫМ ЗАНАВЕСОМ

Все это время губернатор и прочие чиновники сидели в своих прохладных кабинетах и с утра до вечера писали отчеты и постановления — во всяком случае, пока не наступал час очередного приема или обеда, в большом количестве устраиваемых командированными на разные сроки во Французскую Полинезию генералами и адмиралами или же в их честь. Конечно, при этом все же оставалось время, чтобы при желании заняться наиболее жгучими проблемами и умерить ужасающую нужду.

На фоне многих бедствий они были способны радостно сообщать «хорошие» новости, которые воспринимались всеми как бессмысленное жонглирование цифрами:

«С 1963 по 1965 год валовой национальный доход вырос с 5 до 10 миллиардов таитянских франков, тогда как с 1960 по 1962 год прирост составлял всего 9 процентов в год».

«Если внимательно изучить капиталовложения ЦТИ в колонии, оказывается, что они составили 3570 миллионов в 1964 году и 3945 миллионов в 1965 году».

«Сумма находящихся в обращении денег выросла за четыре года с 0,5 миллиарда (1963) до 6 с лишним миллиардов (1966)».

«Внешнеторговый оборот составлял в 1962 году

2,3 миллиарда; к 1966 году, когда ЦТИ развернул свою деятельность, он достиг 16,5 миллиарда».

«Расходы по государственному бюджету, составлявшие в 1962 году около 1 миллиарда, превысили в 1966 году 9 миллиардов».

«Резервы, товарообмен, капиталовложения, занятость и жизненный уровень растут такими быстрыми темпами, какими могут похвастать лишь немногие страны. В целом ситуацию во Французской Полинезии следует определить как процветание».

И это еще ничто по сравнению с теми восторженными высказываниями, которые в это же время делали все французские министры при посещении Таити или по возвращении во Францию. Приведем несколько примеров изреченных ими благоглупостей.

Жакино, государственный министр, ответственный за заморские территории и департаменты, 1 июля 1963 года: «Радушие, с каким я был принят жителями этого прекрасного острова, глубоко меня тронуло. Единодушные изъявления верности генералу де Голлю и отечеству навсегда запечатлятся в моем сердце».

Палевски, министр научных исследований, атомных и космических вопросов, 14 января 1964 года: «Я счастлив, что на Таити царит такой патриотизм и такая единодушная поддержка великого национального почина, осуществляемого здесь Францией».

Премьер-министр Помпиду, 1 августа 1964 года: «Я смог убедиться, что в политическом отношении население привязано к Франции и еще больше к генералу де Голлю. Конечно, здесь, как и во всех уголках земного шара, бывают политические разногласия и межпартийные стычки, но все это пустяки. Я также посетил военные установки и видел своими глазами, как благотворно они повлияли на экономику и социальные условия».

Пейрефит, министр информации¹³, 25 сентября 1964 года: «Папэте — оживленный улей, чье будущее внушает оптимизм».

Он же, 28 сентября 1964 года: «Поражает непрерывный прогресс заморского владения. Но население должно активно участвовать в этом развитии, не довольствуясь ролью зрителей. Лучший способ достичь этого — построить на Таити телевизионную станцию».

Месмер, военный министр, 1 апреля 1965 года:
«Я убежден, что таитяне и полинезийцы все яснее видят, что ЦТИ важен не только для французского народа, но и для них самих. Большие успехи в социальной и экономической областях должны радовать всех и внушать чувство уверенности в будущем».

Бурж, государственный секретарь по вопросам научных исследований, атомным и космическим вопросам¹⁴, 24 августа 1965 года: «С большим удовлетворением я убедился, что питание всех рабочих на Моруроа, как гражданских, так и военных, полинезийцев и французов, не уступает качеством питанию во многих ресторанах Папэте. Это справедливое вознаграждение и утешение за временную изоляцию, в которой живут эти люди».

Месмер, военный министр, 18 февраля 1966 года: «Военная программа создания ядерного оружия уже чрезвычайно подстегнула научные исследования во Франции. Здесь, в Полинезии, поначалу наблюдались известные трудности, но они теперь преодолены, и вы скоро сможете убедиться, какие большие выгоды принесут вам ядерные испытания».

Бийот, государственный министр, ответственный за заморские департаменты и территории¹⁵, 24 февраля 1966 года: «Вдали от собственных берегов Франция создала новые общества, которые вполне могут служить образцами для других наций. Здесь сыграли роль, пожалуй, не столько наши усилия в материальной сфере, хотя они, конечно, весьма значительны, сколько духовные ценности, воодушевляющие людей — я бы даже сказал, просвещающие их. Сегодня во Французской Полинезии я нахожусь именно в одном из таких обществ».

Сообщение из Елисейского дворца, 7 июля 1966 года:
«На сегодняшнем заседании Совета министров министр по делам заморских территорий генерал Пьер Бийот сообщил, что недавние заявления, будто полинезийцы довольно прохладно относятся к Франции, не соответствуют истине. Он сообщил также, что во время своих визитов на Таити ни разу не встретил человека, который испытывал бы страх или тревогу».

Правда, отдельные члены Территориальной ассамблеи не проявляют большого энтузиазма. К ним отно-

сится депутат Джон Теарики, который всегда стремится выделиться. Однако министр Бийот настоятельно подчеркивал, что за исключением некоторых негативных элементов большинство депутатов Территориальной ассамблеи никогда не выступали против военных установок, а напротив, прекрасно понимали, что речь идет о великом национальном почине, направленном на всеобщее благо».

Большинство людей на Таити, весьма болезненно испытывавших на себе последствия военной оккупации, актов насилия и широкой пролетаризации, воспринимали эти газетные выступления исключительно как циничную пропаганду, призванную обмануть общественность Франции и других стран. Не подлежит, однако, сомнению, что многие министры обманывали прежде всего самих себя. В какой-то мере потому, что они пребывали в трогательном неведении относительно местных условий, знакомясь с ними только по служебным документам. (Конечно, кортежи высоких гостей тщательно огибали лишённые всяких дорог трущобы.) К тому же взор их буквально застилала очаровательные плясуны и благоухающие цветочные гирлянды, которыми их повсеместно увенчивали. Среди полинезийцев с незапамятных времен утвердились изысканные формы общения. Так, этикет требует, чтобы приезжих из дальних стран встречали песнями, цветами и речами. Однако знаки вежливости ничего не говорят о подлинных чувствах хозяев — особенно, когда речь идет о профессиональных певцах и танцовщицах, нанятых губернатором, чтобы приветствовать прилетающих и улетающих министров...

19. ТРИ ПИСЬМА

Пока все эти восторженные и изящные высказывания министров печатались на видном месте во французских газетах и читались по французскому радио и телевидению, Теарики и большинство депутатов полинезийской Территориальной ассамблеи продолжали выступать против военной оккупации и планируемых ядерных испытаний. Но хотя они посылали протесты в те же самые газеты, на то же самое радио и телевидение, до читателей и слушателей не доходило ни строчки. Не-

многие редакторы, которые снисходили до объяснений, сердились с трогательным единодушием, что все эти проблемы далекой колонии не интересуют французский народ. К сожалению, зачастую это так и было.

Тогда Теарики решил пойти на небольшой трюк. Уже не один год он посылал письма французским деятелям культуры и ученым, прося помощи и совета, и некоторые из них ему отвечали. Он размножил на ротаторе в нескольких сотнях экземпляров три таких письма и отправил их в важнейшие органы массовой информации Франции. Отдачей были лишь кое-где промелькнувшие отдельные цитаты, но и это настолько встревожило правительство, что новый министр по делам заморских территорий, отставной генерал Бийот, резко осудил Теарики за «его беспочвенные утверждения с целью выдвигнуться самому». Чтобы читатель мог судить, было ли основание для этих утверждений, приведем текст упомянутых трех писем.

Автор первого письма, датированного 17 апреля 1964 года, — доктор Альберт Швейцер.

«Задолго до получения вашего письма я начал беспокоиться за судьбы населения Французской Полинезии. С 1955 года я выступаю против всяких атомных и ядерных испытаний. Больно видеть, что теперь уготовано островитянам. Меня ничуть не удивляет, почему Национальное собрание ничего не предпринимает, чтобы помочь вам. Оно просто не в состоянии бороться, не смеет выступить против военных, которые твердо решили производить атомные взрывы в вашей стране. Те, кто утверждает, будто эти испытания безвредны, лгут. Подобно многим другим, я со стыдом смотрю на позицию, занятую Национальным собранием в этом вопросе. Парламент и общественность готовы принести вас в жертву. Я возмущен до глубины души и всем сердцем болею за вас с тех самых пор, как узнал, что военные постановили испытывать атомное оружие на ваших островах. Кто бы мог подумать, что Франция способна вот так предать своих граждан генералам?»

Второе письмо, датированное 22 августа 1964 года, было подписано известным биологом, академиком Жаком Ростаном.

«Вы спрашиваете, как я расцениваю воздействие радиоактивных осадков при взрыве атомной бомбы на генетику? Могу лишь повторить так же решительно и убежденно то, что я утверждал в бесчисленных статьях и лекциях: не существует „порога“, ниже которого облучение настолько слабо, что становится совсем безвредным. Любое увеличение радиоактивности, даже самое незначительное, увеличивает риск мутаций, умножая число изменений в наследуемых признаках, а эти изменения почти всегда пагубны».

Автор третьего письма, датированного 23 октября 1965 года,— будущий лауреат Нобелевской премии Теодор Моно.

«Позвольте выразить вам благодарность за ваше мужественное выступление в Национальном собрании во время дебатов о военных кредитах. Я знаком и с вашими выступлениями в ноябре и декабре 1963 года, которые также остались без последствий.

Вы поступаете правильно, клеймя официальную ложь — будто испытания ядерного оружия вовсе не угрожают здоровью людей, а также катастрофические последствия в моральной и социальной областях — пьянство, проституцию и т. п.

Я обратился с письмом к главе французских протестантов, в котором напомнил ему, что долг каждого христианина — заниматься этой проблемой и что церкви надлежит безотлагательно возвысить свой голос.

Если ядерные испытания и впрямь совершенно безопасны, как это утверждает правительство, отчего не проводить их на Корсике, в Ландах или в департаменте Сены и Уазы? Может быть, оттого, что правительство понимает — островитян обмануть легче, чем отечественных избирателей.

К сожалению, я не знаю, есть ли средства помочь вам и вашим соотечественникам, которым угрожают эти безумцы; но я всецело сочувствую вам, г-н депутат, и передаю вам самый сердечный привет».

20. ГЕНЕРАЛЬСКАЯ МИЛОСТЬ

За два года, когда на острова одна за другой обрушивались волны военных и Папеезе превращался в город гарнизонов и трущоб, во Франции заметно усилилась охрана темницы, в которой содержался Пуванаа. Свидания с родственниками были прекращены, запрет на переписку с Таити оставался в силе. Французское правительство явно рассчитывало, что жители Французской Полинезии в конце концов забудут Пуванаа, если его заживо похоронить.

В октябре 1965 года солдафона Грима сменил Жан Сикуруани, гибкий, элегантный, даже елейный субъект, который до той поры бойко и эффективно исполнял обязанности секретаря у военного министра Пьера Месмера. Одним из первых мероприятий нового губернатора было приглашение к себе в кабинет для непринужденной беседы двух пуванистов — Жака Таураа и Жака Дролле; первый был председателем, второй — лидером большинства Территориальной ассамблеи. К величайшему их удивлению, Сикуруани повел речь о судьбе Пуванаа. Более того, он дал им понять, что есть надежда на его освобождение. И даже очень скоро, а именно сразу после президентских выборов 5 декабря. При условии, что генерал де Голль будет переизбран.

Естественно спросить себя — не все ли равно, как проголосуют 35 тысяч избирателей Французской Полинезии на президентских выборах, в которых участвуют свыше 28 миллионов французов. Ведь никто не сомневался, что де Голль станет президентом еще на один семилетний срок. Ответ прост: для де Голля разницы никакой, зато для карьеры губернатора Сикуруани это наверняка играло роль. Пусть даже полинезийцы не могли повлиять на исход голосования, все равно во Франции и за рубежом произвело бы неблагоприятное впечатление, если бы на первых же выборах после решения де Голля разместить на островах атомные полигоны полинезийцы отдали свои голоса кандидату оппозиции Франсуа Миттерану, в то время решительно осуждавшему «ударные силы» де Голля. Несомненно, победа голлистов была бы по достоинству оценена в Париже, и губернатор мог бы рассчитывать на соответствующее поощрение.

Основательно обдумав предложенную сделку, руководители партии РДПТ согласились пойти на нее. Многие из них даже намекали, что губернатор Сикуруани сам себя обманывает. Ведь стоит Пуванаа вернуться и прийти к власти, как он первым делом отправит домой всех военных. А потому лучшая тактика — не нападать на военных во время выборов, чтобы не заподозрили неладное. Светлые головы видели в этом тонкий дипломатический ход, на котором РДПТ может только выиграть и ничего не проиграть. Кроме чести, возражал Теарики, выступивший против предложенного «тайного» соглашения. Он считал позорным заключать с врагом сделки такого рода и к тому же опасался обмана и предательства. Весь наш прежний опыт показывает, что обещаниям генералов и министров верить нельзя, предупреждал он. Если мы послушаемся губернатора и проголосуем за де Голля, нас снова обманут. Лучше открыто продемонстрировать свое недовольство де Голлем и его ядерной политикой, отдав свои голоса другому кандидату — Франсуа Миттерану.

Остальные члены партийного руководства с негодованием отвергли это предложение. Голосовать за социалиста? Это почти так же предосудительно, как голосовать за коммуниста. Все добрые христиане обязаны быть против безбожников. Тогда Теарики, сам глубоко верующий человек, отважился на смелый шаг: выступив против лидеров партии, он стал самолично агитировать за единственного кандидата, чья победа гарантировала освобождение Пуванаа и немедленное прекращение ядерных испытаний на островах. Франсуа Миттеран не замедлил письменно подтвердить свою позицию по двум названным вопросам.

Случайно (а может быть, не так уж случайно) новый телецентр, строительство которого развернулось бешеными темпами, вступил в строй перед самым началом избирательной кампании. В ожидании ее официального старта начался показ длинной серии «исторических» фильмов с генералом де Голлем в роли главного героя. Когда пришло время показывать специальные агитационные материалы, де Голль снова оказался в выигрыше, ибо в силу каких-то непонятных обстоятельств пленка с сорокапятиминутным выступлением Миттерана, в котором резко критиковалась программа ядерного

вооружения, затерялась где-то в пути между Парижем и Папеэте.

Еще досаднее были трудности, с которыми встретился Теарики. Он красноречиво поведал о них в письме на имя губернатора, датированном 6 декабря 1965 года.

«Первый тур голосования на президентских выборах не принес генералу де Голлю необходимого большинства, поэтому на 19 декабря назначен второй тур. Чтобы не повторилось случившееся, я настоящим официально протестую против мошенничества, имевшего место во время первого тура.

Хотя по действующим правилам только сами кандидаты могут выступать по радио и телевидению с предвыборными речами, мэр Пирае — Гастон Флосс и мэр Папеэте — сенатор Альфред Порои получили возможность несколько раз выступить по таитянскому радио с призывом к населению голосовать за де Голля.

Когда я попросил предоставить мне столько же времени для выступления в пользу Франсуа Миттерана, которого я представляю в Полинезии, мне ответили, что это теперь невозможно, так как избирательная кампания уже стартовала официально. Моя настойчивость и веские аргументы все же привели к тому, что 3 декабря мне удалось записать на радиостудии два выступления, одно на французском, другое на таитянском языке. Предполагалось, что они будут переданы в тот же вечер. Однако, к великому негодованию моему и моих друзей, передача не состоялась.

На другое утро ваш секретарь Делабрусс позвонил мне по вашему поручению и передал, что вы не могли разрешить передачу моих выступлений, так как они, по вашему мнению, содержат недопустимые политические формулировки. Между тем я самым тщательным образом избегал личных выпадов и оскорбительных выражений.

Зато вечером 4 декабря в программах радиовещания на таитянском языке выступили Антони Эллакотт, Жак Таураа, Тони Бэмбридж, Альфред Порои, Руди Бэмбридж и вождь Раиарии, которые в один голос восхваляли генерала де Голля, напоминали об исторических узлах, связывающих нас с бывшим славным руководителем «Свободной Франции», и открыто призывали слушателей голосовать за него.

Это еще не все. Альфреду Порои при этом было дозволено выступить с ложными утверждениями, будто я выступаю против ядерных испытаний, потому что провалились мои планы отделить острова от метрополии — другими словами, передача была не только противозаконной, но и оскорбительной.

Возмутительно, что голлистам разрешается безнаказанно нарушать тот самый избирательный закон, на основе которого меня лишают слова, и происходит это с вашего и ваших чиновников одобрения. Поистине странный способ гарантировать равные права и обязанности всем кандидатам.

В заключение я требую, чтобы вы немедленно устранили несправедливость по отношению к избирателям, которые до сих пор могли выслушать только одну сторону, и чтобы представителям Франсуа Миттерана отвели столько же времени для выступления по радио, сколько было посвящено де Голлю. Прошу вас сразу же известить меня, когда я могу прибыть на государственную радиостудию, чтобы записать подготовленные мной выступления».

Это дерзкое письмо настолько вывело из себя губернатора, что он забыл дать соответствующие указания директору радиостанции. 10 декабря Теарики написал новое письмо, подчеркивая срочность вопроса. Губернатор совершил титаническое усилие и в конце концов припомнил 14 декабря, что он вообще не уполномочен принимать решение по этому делу. Такие вопросы решаются особым комитетом, учреждаемым согласно предписанию 10445/ТОМ/АР/BEL от 18 октября 1965 года.

Теарики тотчас возразил, что ему хорошо известно указанное предписание, он потому и протестует, что директор радиостанции не соблюдает его. К тому же если губернатор и впрямь не уполномочен наблюдать за выполнением данного предписания, то он сам совершил проступок, когда 3 декабря лично запретил передавать по радио записанные на пленку выступления в пользу Миттерана. В заключение Теарики отметил, что губернатор до сих пор не учредил предусмотренный предписанием комитет — вот еще один криминал.

После всего этого губернатор устно признал, что, пожалуй, не все было сделано правильно. Но теперь, к сожалению, поздно что-либо исправить.

Не пришлось Теарики выступить по радио и объяснить жителям полусотни обитаемых островов Французской Полинезии, за что и почему следует голосовать. И в день выборов 19 декабря голосование происходило бессистемно, можно сказать, при полной растерянности избирателей.

За де Голля голосовали: *большинство сторонников Пуванаа; все противники Пуванаа; сторонники ЦТИ; многие противники ЦТИ; противники «коммунистов»; а также некоторые сторонники де Голля.*

За Миттерана голосовали только: *многие сторонники Пуванаа; некоторые противники ЦТИ.*

Естественно, де Голль собрал большинство, хотя на этих выборах процент поданных за него голосов был самым низким за всю историю выборов во Французской Полинезии, — 59,72. Тем не менее губернатор мог гордиться этим результатом, ибо во Франции за де Голля проголосовало только 54,5 процента избирателей. Добавим, что вопреки всякой логике и разуму голоса военных подсчитывались заодно с голосами полинезийцев, и это, несомненно, спасло генерала от поражения.

Товарищи Теарики по партии старались утешить его тем, что главное достигнуто: теперь Пуванаа скоро выйдет на свободу. В самом деле, сразу после выборов французское правительство впервые за два с половиной года разрешило делегации РДПТ выехать во Францию и посетить своего вождя в заточении. К великому удивлению делегатов, Пуванаа не подпрыгнул до потолка от радости, когда они объявили ему, что его вскоре помилоуют. Напротив, он решительно заявил, что его это все не устраивает. Он не чувствует за собой никакой вины, чтобы просить о помиловании. Полная реабилитация с признанием его невиновности — вот чего он требует. Губернатор воспринял эту реакцию с предельным спокойствием. Никто не спрашивал мнения Пуванаа, когда его арестовали и судили. Так с какой стати теперь справляться, что он думает? На худой конец правительство располагает необходимыми средствами, чтобы освободить его против воли, и точка.

Министр Бийот лично прибыл на Таити 24 февраля 1966 года и объявил представителям печати (двум журналистам и одному приемщику объявлений), что де Голль помиловал Пуванаа. Глава соглашательской группиров-

ки Жак Таураа поспешил отправить благодарственную телеграмму, выдержанную в напыщенном и верноподданническом духе, который обожал де Голль: *«Представители распущенной партии РДПТ и партии ЮТ — ЮНР глубоко тронуты помилованием Пуванаа а Оопа и от имени всего населения просят вас принять горячую благодарность за этот великодушный акт, который здесь рассматривается как свидетельство искренней симпатии метрополии к Французской Полинезии».*

Один лишь Теарики сохранил трезвость ума. Он тотчас потребовал показать ему правительственный указ о помиловании Пуванаа. Дело оказалось затруднительным, но все же губернатор в конце концов предъявил долгожданный документ. В нем черным по белому значилось, что Пуванаа освобожден от отбытия оставшихся семи месяцев восьмилетнего тюремного заключения. Читая дальше, Теарики оторопел:

«Начиная с 25 февраля 1966 года вышеупомянутому Пуванаа а Оопа Тетуапуа запрещается проживать или временно находиться в течение 15 лет от указанной выше даты в следующих местностях: во Французской Полинезии и Новой Каледонии, а также в кондоминиуме Новые Гебриды».

Какой изощренный обман! Генералы просто-напросто позволили себе слегка изменить судебное постановление от 1959 года, по которому Пуванаа приговаривался к 15 годам высылки из Французской Полинезии. По новому указу он лишился права селиться на *любых* французских островах в Океании.

С некоторым опозданием участники сделки поняли, что их обвели вокруг пальца. Кое-кто из них попытался свалить вину на Теарики. Дескать, не пожелал к ним присоединиться, оттого де Голль и не выполнил до конца обещание. Тем не менее они составили новую, уже не столь верноподданническую телеграмму де Голлю, в которой поддерживали требование Пуванаа о полной реабилитации. Отсутствие ответа искренне удивило их.

Теарики с нетерпением ожидал начала съезда РДПТ, которая теперь именовалась Пупу хере аиа (Патриотическая партия). Съезд открылся 2 июля 1966 года и был отмечен двумя эффектными фейерверками. Один из них, вполне реальный, был организован военными, которые взорвали первую атомную бомбу на Моруроа. Когда

по заведенному порядку вступительную речь на съезде произнес протестантский священник, он не замедлил обратиться к господу богу с просьбой принять меры «против этой дьявольской затей, отравляющей полинезийские небеса». Второй фейерверк был чисто словесный; его исполнитель — Теарики. Словно библейский пророк, обрушил он громы и молнии на 14 товарищей по партии, включая председателя Территориальной ассамблеи Жака Таураа, которые согласились на роковую сделку. Без малейшего колебания делегаты открытым голосованием исключили всю эту компанию из партии, после чего столь же единодушно выбрали своим председателем Теарики и выдвинули на все руководящие посты его верных сторонников. Коммюнике, выпущенное в заключительный день съезда, тоже было выдержано в библейском духе: «Так закончилось это прискорбное дело. Поистине достойно сожаления, что люди, некогда бывшие честными демократами, так далеко отклонились от верного пути, что превратились в орудие угнетателей».

После столь внушительной победы Теарики вновь стал лидером крупнейшей политической партии Французской Полинезии. Поддержка народа была ему необходима — ведь всего через несколько месяцев ему предстояло встать лицом к лицу с тем, кто нес ответственность за бедствия, постигшие полинезийский народ, начиная с 1963 года, — с самим генералом де Голлем.

21. ГОСПОДИН ПРЕЗИДЕНТ

Целью нового посещения де Голлем Таити в сентябре 1966 года, через десять лет после первого визита, было узреть собственными глазами великое творение военных и атомных специалистов. По пути он заодно навестил Французское Сомали и Камбоджу (Кампучию)¹⁶. В обеих странах генерал произносил исполненные боевого духа, пламенные речи в защиту свободы. Даже когда его слушатели в Джибути учинили беспорядки (результат: 4 убитых и 70 раненых), он ни на шаг не отклонился от своей либеральной линии и ответил обещанием широких реформ. В Пномпене де Голль по-рицал великие державы, которые под фарисейскими

предложениями вмешиваются во внутренние дела других стран; в качестве наиболее дурного примера он привел бесчинства США во Вьетнаме. Такого рода оккупация страны вопреки воле ее народа, говорил де Голль,— позор и преступление; 250 тысяч камбоджийцев бурно аплодировали ему.

Как только в июле на Таити стало известно о предстоящем визите президента, Теарики справился, когда и где он может встретиться с де Голлем, чтобы рассказать ему о другой губительной военной оккупации, осуществляемой французскими атомными подразделениями в Полинезии. С удивлением он услышал, что программа шестидневной поездки по островам, с 6 по 11 сентября, уже составлена канцелярией президента в Париже и не может быть изменена. В расписание входили возложение венков, парады, официальные выступления, шоу и обеды на Таити 6, 7, 8 и 9 сентября, после чего следовали два напряженных дня на атомных полигонах в архипелаге Туамоту. Так что обсуждать политические, социальные и экономические проблемы территории с народными избранниками просто некогда. Теарики разъяснили (поскольку сам он явно этого не уразумел), что цели визита совсем другие и куда более важные, нежели выяснение отношений с местными деятелями. Возможно, мы не точно передаем слова губернатора, но в смысле ошибиться было невозможно.

Теарики мог рассчитывать только на одну возможность изложить де Голлю свои соображения: во время представления президенту видных персон территории. По заведенному порядку такое представление должно было состояться по прибытии де Голля — за закрытыми дверями правительственного здания. На долю депутата Теарики в этой протокольной процедуре отводилось 20 минут.

Как далеко шагнул де Голль в своей карьере со времени частного визита на пароходе-тихоходе в 1956 году, было видно из того, что на сей раз он прибыл на военном самолете в сопровождении полусотни помощников; несколько взводов жандармов выстроились на всем пути его следования от аэродрома до резиденции губернатора. Впрочем, обошлось без инцидентов. Мобилизованные для встречи школьники бросали к ногам президента республики одни лишь цветы.

Отдохнувший и бодрый де Голль на другой день явился на церемонию представления важных персон. Теарики тоже был в хорошей форме; когда он входил в правительственное здание, в его глазах сверкали озорные искорки. Как только все заняли положенные места, Теарики достал из кармана машинописную речь, рассчитанную как раз на отведенное ему время. Приводим ее здесь, исключая некоторые маловажные абзацы.

«Господин президент!

Десять лет назад мы, полинезийцы, были удостоены огромной чести — впервые видеть вас среди нас. В то время вы были рядовым гражданином, но многие из ваших соотечественников считали вас величайшим из ныне живущих французов.

Для нас, полинезийцев, некогда в числе первых откликнувшихся на ваш призыв продолжать борьбу за свободу, вы были не только героическим руководителем „Свободной Франции“, но и благородным глашатаем новых идей, впервые провозгласившим свое стремление предоставить колониальным народам равенство, свободу и право на самоопределение. Вот почему в 1956 году мы приняли вас с почетом, положенным президенту и, что еще важнее, с радушием, с каким встречают лучшего друга.

Сегодня вы вновь прибыли к нам, теперь уже в качестве президента республики, чтобы наблюдать самый мощный доныне взрыв французской ядерной бомбы. Поэтому ваш второй визит к нам протекает совсем по-другому и вызывает у нас совершенно иные чувства.

На этот раз вас встречают со всеми официальными знаками почета, подобающими президенту. Вскоре вы, как и все побывавшие у нас ваши министры, услышите торжественные речи о том, как горячо мы любим Францию и вас лично. Возможно, эти риторические упражнения обладают некой пропагандистской ценностью, но я убежден, что вы тотчас разглядите суть подготовленных по заказу и преследующих определенные цели официальных речей. Вы слишком опытны и проницательны, господин президент, чтобы позволить обмануть себя показными жестами. К тому же вы несомненно располагаете всеми необходимыми данными о политической ситуации на нашей территории и сумеете верно оценить,

скажем, разглагольствования мэра Папэте, который сохраняет свой пост благодаря подлогу на выборах, ныне расследуемому судебными органами. Меня искренне радует, что протокол предоставляет мне возможность обратить ваше внимание на важные вопросы, вызывающие разнь между нашими народами.

В нашей стране широко распространено недовольство, растущее с каждым днем. Оно вызвано тем, что политика Пятой Республики по отношению к нам с самого начала сводилась к непрерывной череде злоупотреблений властью, угроз и самочинных мероприятий, призванных упрочить колониальную систему и закрепить военную оккупацию наших островов. Задним числом мы теперь ясно видим, что вся политика, проводимая вашим правительством в нашей стране, была направлена на то, чтобы способствовать ядерным испытаниям. Наше благо и наше будущее всецело подчинены развитию вашей ядерной программы.

Стороннему человеку может показаться, что я неблагодарен. Но вам, господин президент, и членам вашего правительства известно, что каждое слово в моем выступлении — истина. Вы не хуже меня знаете, что наше мнимое благосостояние носит искусственный и преходящий характер и сопровождается чудовищной инфляцией. Так, за последний год рыба на рынке Папэте подорожала на 85 процентов, овощи — на 84 процента, фрукты — на 57 процентов, меж тем как гарантированный законом минимум заработной платы, составивший в 1960 году 27,45 таитянского франка в час, за прошедшие с той поры шесть лет поднялся только до 37,5 таитянского франка. Так что хваленое благосостояние, будто бы сопутствующее ядерным испытаниям, обогащает отнюдь не все слои населения.

Мало того что вы и ваше правительство пренебрегаете нашими экономическими проблемами, вы к тому же, что еще хуже, сознательно пользуетесь вытекающими из них возможностями, чтобы упрочить свое господство. Так, вы ловко используете постоянно растущий дефицит нашего бюджета, чтобы насадить во всех звеньях администрации побольше французских чиновников, и вскоре мы уже вовсе ничем не сможем распоряжаться в нашей стране. Однако будьте осторожны! Продолжая следовать по этому пути, вы рискуете утратить послед-

ше остатки добрых чувств, которые еще испытывает к вам наш народ, и станете предметом его гнева.

Всего десять дней назад, 26 августа 1966 года, вы заявили в Территориальной ассамблее Джибути, что сомалийский народ обладает конституционным правом на автономию и даже на полную независимость. То же самое повторил выступивший после вас министр по делам заморских территорий. Как не спросить себя, не вызвана ли ваша уступчивость в этом случае происходившими там кровавыми столкновениями? Неужели при Пятой Республике единственный способ для нас, граждан, отстаять свои права — прибегнуть к насилию? Все говорит за это, ведь вы идете на уступки в Джибути, тогда как здесь, в Полинезии, вы не только отвергаете наши требования большей свободы, но пытаетесь лишить нас даже тех крох, которыми мы еще располагаем.

Большинство полинезийцев против того, чтобы расторгнуть узы, связывающие нас с Францией. Наше общее желание заключается в том, чтобы связи между нашими двумя странами приняли новые, более здоровые формы, основанные на договоре от 29 июня 1880 года между королем Помарэ V и Францией, на Конституции от 4 декабря 1958 года и на уставе Организации Объединенных Наций, статья 73 которого обязывает вас считаться с нашими интересами и помогать нам постепенно прийти к автономии. Таким образом, наши требования не выходят за пределы обязательств, торжественно взятых на себя Францией в добровольно подписанных ею документах.

Перейду теперь к особенно печальному пункту моего критического выступления, а именно к судьбе, постигшей нашего бывшего депутата Пуванаа а Оопа и наполняющей горечью сердца всех полинезийцев. После того как его приговорили к тюремному заключению и ссылке, с каждым годом все яснее становилось, что это было сделано исключительно из политических соображений. Пуванаа а Оопа не был поджигателем, как не был террористом депутат Новой Каледонии Морис Ленорман¹⁷. Их преступление заключалось в том, что они отстаивали демократию и свободу в своих странах. Оба оказались жертвами борьбы за эти ценности.

„Дело Пуванаа“ — политическое дело. Так его расценивал и губернатор Сикуруани в декабре прошлого

года, когда обещал помиловать Пуванаа, чтобы привлечь на вашу сторону избирателей. Так расцениваете это дело и вы, господин президент; это следует из того, что вы, постановив освободить Пуванаа от отбытия оставшихся месяцев тюремного заключения, в тот же день приказали вашему министру по делам заморских территорий издать указ, запрещающий Пуванаа пребывание во французских тихоокеанских владениях, ибо вы по-прежнему опасаетесь политического авторитета, которым этот почтенный старец пользуется среди полинезийцев. Но нас не так-то легко провести, и можете не сомневаться, господин президент, что такое усугубление кары Пуванаа только усилит разделяющие нас противоречия...

Обратимся теперь еще к одной проблеме, омрачающей наши взаимоотношения: к вашему решению разместить у нас атомные полигоны и испытывать ядерное оружие. Речь идет о решении, которое вы приняли, не посоветовавшись с нами, полинезийцами, хотя на карту поставлены жизнь и здоровье и наши, и наших детей. Речь идет о серьезном нарушении французской конституции и обязательств Франции перед Организацией Объединенных Наций.

Ваша пропагандистская машина отрицает элементарные факты, пытаясь доказать, будто ваши испытания, в том числе — водородных бомб, совершенно безвредны для нас. К сожалению, время не позволяет мне сейчас опровергнуть всю распространяемую ложь. Ограничусь указанием, что Научный комитет по действию атомной радиации ООН в своих документах за 1958, 1962 и 1964 годы недвусмысленно заявил, что даже самые малые дозы облучения способны нанести вред нынешнему и будущим поколениям, что следует избегать всякого увеличения радиоактивности среды и что не существует никакой эффективной защиты от радиоактивных осадков, образуемых атомными и водородными бомбами. Вот почему упомянутые документы завершаются утверждением об абсолютной необходимости прекратить все дальнейшие испытания ядерного оружия.

Напоминая вам эти элементарные научные факты, я ни минуты не думаю о том, что вы способны разделить мои опасения и отменить замечательное испыта-

ние, которое вы приехали наблюдать, или последующие испытания того же рода.

Ни одно правительство пока еще не было настолько честным или цинично откровенным, чтобы признать, что испытания ядерного оружия способны причинить вред. Ни одно правительство не останавливалось перед тем, чтобы подвергать другие народы — и прежде всего народы малые, беззащитные — несомненной опасности ядерных испытаний.

Это тем прискорбнее, что в Пномпене в великолепной речи, вполне сравнимой с теми, которые в военные годы вы произнесли в Лондоне и Браззавиле, выступив защитником несчастного народа, оказавшегося жертвой войны, которая ему навязана, народа, истребляемого бомбами своих „освободителей“, вы энергично осудили американское вмешательство и призвали вашингтонское правительство вспомнить о свободолюбивых традициях и отказаться от попыток силой навязать Вьетнаму свою волю, подчеркнув при этом, что только так может Америка вернуть себе подлинное величие и утраченное уважение других народов.

Подобно двумстам пятидесяти тысячам камбоджийцев, слушавших вашу речь, я высоко оценил произнесенные вами справедливые слова. Одновременно я задаюсь вопросом, разве ваша политика в Полинезии так уж отличается от поведения США во Вьетнаме и не даете ли вы повод американцам высказать вам такие же упреки. Впрочем, я их опережу, поскольку у меня больше прав, чем у них. Я обращаюсь к вам с таким призывом:

Будьте добры, господин президент, применять у нас те самые принципы, которые вы в Пномпене рекомендовали американцам; верните незамедлительно во Францию ваши войска, бомбы и самолеты.

Тогда никто не возложит на вас ответственность за распространение в будущем рака и лейкемии.

Тогда вы не будете нести ответственность за появление на свет неполноценных детей.

Тогда дружба, которую питают к вам соседние народы, не будет омрачена радиоактивными облаками.

Тогда вы покажете всему миру блестящий пример, как это и подобает Франции. Ибо тем самым впервые в истории великая держава откажется от применения

атомной энергии для массовых убийств не под влиянием страха, шантажа или торга; она добровольным разоружением возвестит свою веру в победу разума!

Тогда все мы, полинезийцы, будем гордиться званием французских граждан и станем относиться к вам так же тепло, как относились в те давние времена, когда вы руководили „Свободной Францией“».

Казалось бы, такая речь должна была расстрогать де Голля до слез. Однако он слушал с каменным лицом. На всякий случай Теарики вручил ему текст своего выступления и стал ждать ответа. Де Голль молча сунул листки в карман, как ни в чем не бывало пожал руку Теарики и удалился в другой зал, где уже давно томился в ожидании исключенный из своей партии председатель Территориальной ассамблеи Жак Таураа, готовясь произнести изящную и пустопорожнюю приветственную речь. Ему де Голль ответил — и, разумеется, выразил полное удовлетворение. Однако генералу было некогда, ибо его ждали более важные, чем слушание речей, дела. Следующим пунктом программы был военный парад батальонов иностранного легиона, а де Голль превыше всех достоинств ставил точность.

Официальное коммюнике обо всем происходившем за закрытыми дверями правительственного здания отличалось краткостью. Приводим его целиком:

«Вчера генерал де Голль принял депутата Джона Теарики в новом правительственном здании, которое таким образом вступило в строй. Депутат коснулся трех очень важных, по его мнению, проблем: формы правления территории, освобождения Пуванаа и ЦТИ».

Теарики предвидел, что коммюнике будет кратким (правда, действительность превзошла его ожидания), а потому он заранее размножил свое выступление в нескольких сотнях экземпляров, которые после церемонии представления не скупясь раздал журналистам. Из трех местных газет только одна упомянула о встрече Теарики с де Голлем, причем ограничилась приведенным выше мини-коммюнике. Местное радио и телевидение вообще промолчали. Два десятка представителей французской прессы, радио и телевидения, спе-

циально прибывшие, чтобы освещать полинезийский визит де Голля, также словно воды в рот набрали.

Хотя генерал де Голль за три дня на Таити произнес еще пять речей, он тщательно избегал касаться трагических проблем, о которых говорил Теарики, ограничиваясь патриотическими фразами и банальными изречениями. Он ни разу не вспомнил о том, что здесь же, десятью годами раньше, Таити представлялся ему последним убежищем человечества в ужасный атомный век.

В субботу 10 сентября наступил наконец великий день — день бомбы, ради которого де Голль предпринял долгое и утомительное путешествие к антиподам. В Сахаре французским специалистам удалось решить сравнительно простую задачу и изготовить небольшие бомбы мощностью 70 килотонн для 36 самолетов типа «Мираж». Однако рядом с вооружением великих держав эта эскадрилья выглядела весьма жалко. Поэтому целью непомерно дорогих ядерных испытаний в Океании было создать водородную бомбу мегатонной мощности.

Накануне намеченного взрыва де Голль прилетел на Моруроа и поднялся на борт флагманского крейсера «Де Грасс», оснащенного специальным покрытием, с которого легче было удалить радиоактивные частицы. С мостика корабля де Голль намеревался лично наблюдать с безопасного расстояния, каких успехов достигли его атомные молодцы в области истребления людей.

Однако утром 10 сентября, когда он вышел на палубу, его встретил несколько смущенный адмирал и тактично довел до сведения президента, что погода неблагоприятная. Ветер на всех высотах дул на запад, в сторону обитаемых островов архипелагов Туамоту, Общества, Кука, Самоа и Фиджи. А это грозило выпадением там радиоактивных осадков, опасных для здоровья людей. Зрелище, представшее взору де Голля в небе над Моруроа, также его не порадовало. Висящий под огромным аэростатом предмет несколько не походил на обтекаемую по форме бомбу; скорее строением и величиной он напоминал обыкновенный холодильник.

В этот вечер в адмиральской каюте генерал ложился спать отнюдь не в хорошем настроении. Одиннад-

цатого сентября он встал на рассвете. Ветер опять дул не в ту сторону. Де Голль пришел в ярость. В Париже его ожидала куча важных дел и встреч. Перед лицом сложной дилеммы военные специалисты в конце концов отдали пальму первенства той опасности, которая больше всего грозила им самим, иначе говоря, гневу де Голля. И еще до исхода дня приказали взорвать «холодильник». Умиротворенный де Голль тотчас вылетел обратно в Париж.

Хотя мощность заряда составляла всего 120 кило тонн, новозеландская лаборатория по радиации установила, что на расположенных в 2 тысячах миль от места взрыва островах Самоа радиоактивность через четыре дня достигла в некоторых водяных цистернах 135 тысяч пикокюри на литр. Какой дозе облучения подверглись мы на Таити и жители прочих островов Французской Полинезии в радиусе тысячи миль от Моруроа, военное командование нам так и не поведало.

22. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КОАЛИЦИИ

Вскоре после молниеносного (и громкого) визита де Голля состоялись две избирательные кампании, в ходе которых полинезийцы смогли выразить свое отношение к тому, как президент в генеральском чине распоряжается их островами. На первых выборах предстояло избрать мэра и 16 муниципальных советников города Папезте. Поскольку вся администрация, вся торговля и почти все французское и китайское население Французской Полинезии были сосредоточены в столице, их представители играли важную роль в принятии ответственных решений. С тех самых пор как Альфреда Порои — ура-патриота, поклонника де Голля и преуспевающего дельца — впервые выбрали мэром, он регулярно переизбирался на этот пост. Порои был типичным представителем тех метисов, которые с первого дня сумели приспособиться к французскому правлению и извлекать из него выгоду; их положение и богатство обуславливалось тем, что они пользовались доверием и французов, и многих полинезийцев. Несколько лет назад Порои сумел осуществить мечту всех французских мэров, став еще и сенатором (главным

образом при помощи лжи и грязных махинаций), Впрочем, как он сам совершенно правильно говорил, в политике важен результат. Когда де Голль в памятный январский день 1963 года сообщил полинезийской делегации свое непреложное решение построить на островах атомные полигоны, безграничный восторг, с каким Порои приветствовал этот шаг, отражал надежды всего торгового сословия на миллионные сделки с военными. Мечты эти осуществились, когда город Папэте был оккупирован иностранным легионом, армией и флотом.

А вот полинезийские рабочие, которых заманили или просто привезли в Папэте, где их ожидала быстрая пролетаризация, обнаружили, что им суждено видеть, как обогащаются предприниматели и политики. Поэтому они относились к Порои без особой симпатии. И в 1965 году ему и его приспешникам лишь с великим трудом удалось добиться переизбрания. Их победное ликование вскоре умерилось: противники потребовали аннулировать результаты голосования, указав на то, что из списков избирателей незаконно были исключены 2574 человека. Государственный совет Франции счел доказательства подлога убедительными и распорядился провести повторные выборы. Они были назначены на 2 и 9 октября 1966 года, так что визит де Голля 6, 7 и 8 сентября оказался весьма кстати для Порои. Генерал был не из тех, кто оставляет друзей в беде. Охотно прибыв в здание муниципалитета, он произнес речь, в которой назвал Порои дорогим другом и посулил целых семь миллиардов таитянских франков на строительство дороги. Естественно, губернатор со своими подручными, и также военные последовали примеру де Голля и стали наперегонки помогать Порои. В принципе в этом не было ничего нового, если не считать, что впервые усилия координировались специально командированными специалистами по ведению «психологической войны», накопившими большой опыт в Алжире.

Кликке Порои противостояла коалиция во главе с Теарики, Ванизетом, Сераном и беспартийным деятелем Тетуа Памбруном. Они выдвинули весьма удачный лозунг: «Навести порядок в Папэте, выместить Порои». Выборы завершились сокрушительным поражением

Порои и его приспешников. Все места в муниципалитете заняли противники военной политики де Голля. Новые муниципальные советники избрали мэром Тетуа Памбруна. Уроки выборов были сформулированы победителями так:

«Порои был кандидатом правительства и губернатора. Они поддерживали его изо всех сил, открыто или тайно. Все члены свиты де Голля следом за президентом громко говорили о своей симпатии к „дорогому Порои“. Нам непонятно, как могли власти официально поддерживать кандидата, только что осужденного Государственным советом за подлог на выборах. Это лишний раз показывает, как беззастенчиво губернатор и его люди вмешиваются в местную политику. „Мы проиграли из-за ЦТИ“, говорили сторонники Порои после поражения. Подразумевалось, что правительственные чиновники и военные психологи перестарались, слишком усердно рассылали служебные записки, выступали в газетах и раздавали брошюры».

В этой связи стоит, пожалуй, отметить, что руководитель специалистов по ведению «психологической войны» капитан Ив Лансьен впоследствии завоевал во Франции печальную славу как шеф голлистских военнизированных штурмовых отрядов.

Всего через полгода, в марте 1967 года, состоялись еще более важные выборы, во время которых особенно четко выявилась линия раздела между сторонниками и противниками голлистской ядерной политики. На сей раз переизбирался весь состав Национального собрания Франции. Твердо решив взять реванш за постыдное поражение на муниципальных выборах, чиновники колониальной администрации и военные снова включились в борьбу, готовые на любые маневры и комбинации, лишь бы навредить своему противнику номер один, тогдашнему депутату от Французской Полинезии Джону Теарики. Местные голлисты сделали весьма хитрый ход — выдвинули кандидата с теми же социальными корнями и религиозными убеждениями, что у Теарики. Этот кандидат, Эли Сальмон, более известный под именем Недо, был одним из лидеров молодежного протестантского движения и лихо произносил речи на таитянском языке. По профессии учитель, он к тому же прекрасно говорил по-французски

и был достаточно образован. Его заместителем была единственная на Таити женщина-врач, Андреа де Бальман, принадлежащая к семье метиса.

Среди других кандидатов только один обладал кое-какими шансами в поединке с Теарики и Недо. Звали его Фрэнсис Сэнфорд¹⁸, но несмотря на английское имя (его прапрадед был американцем), на первом месте для него стояли полинезийская культура и полинезийский язык. Сэнфорд тоже начинал как учитель, но во время войны стал правительственным чиновником. Дело в том, что школа, где он преподавал, находилась на острове Бора-Бора (в западной части архипелага Общества), на котором во время второй мировой войны была создана база американского флота. Поскольку он хорошо владел английским языком, его назначили офицером связи между правительством на Таити и американцами. После войны он вновь учительствовал. С 1959 по 1965 год Сэнфорд занимал должность официального переводчика, но затем внезапно оставил хорошо оплачиваемую должность и учредил свою политическую партию, названную «Те эа апи» — «Новый путь». Партия легко победила на выборах в новом поселке Фааа к западу от Папезте, и Сэнфорд стал там мэром. Больше всего Теарики и Недо беспокоило, что Сэнфорд пользовался популярностью не только у полинезийских избирателей, но и у многих мелких чиновников-французов и метисов. В годы войны и в 50-х годах Сэнфорд, как и все таитяне, был голлистом; однако, став мэром, он ушел с головой в коммунальные проблемы и не высказывался публично по поводу того, как де Голль правит Францией и заморскими территориями.

Губернатор, которому конституция предписывала не вмешиваться в политику, с самого начала энергично поддерживал Недо. В частности, он в нарушение закона учредил избирательные участки на коралловых атоллах для готовивших очередные испытания французских военных и специалистов. Командиры французских военных кораблей тоже оказали Недо ценную помощь, охотно перевозя его и других членов партии в далекие избирательные округа.

Согласно деголлевской Конституции 1958 года¹⁹, выборы производились в два тура. Первый был назначен

на 5 марта и ознаменовался сокрушительным поражением кандидата голлистов Недо. Он получил всего 4526 голосов; 8222 избирателя проголосовали за Теарики, 6820 — за Фрэнсиса Сэнфорда. Однако губернатор Сикурани, по праву считавший своей заслугой победу де Голля на президентских выборах 1965 года, не пал духом и тотчас разработал тактику на следующий тур. Если Недо снимет свою кандидатуру и призовет избирателей голосовать за Фрэнсиса Сэнфорда, тому обеспечена крупная победа. 4526 плюс 6820 будет 11 346, на три тысячи голосов больше, чем получил Теарики.

Однако на сей раз руководство местной голлистской партии не согласилось с губернатором. Автоматическая передача голосов невозможна, заявили они. К тому же они лучше губернатора знали Сэнфорда и не сомневались, что он не менее ярый враг ядерных испытаний, чем Теарики. Стало быть, единственно возможная и пристойная тактика — дать Недо снова выдвинуть свою кандидатуру. Пусть даже он не победит — это полезная тренировка для будущих схваток.

Независимая позиция местных голлистов была решительно осуждена руководителями партии в Париже. В 10 утра 8 марта Недо получил следующую телеграмму:

«Комитет действия за Пятую Республику²⁰ поздравляет вас с почетным результатом, достигнутым вами в первом туре, и благодарит за упорную борьбу ради нашего дела 5 марта. Теперь совершенно необходимо победить во втором туре, оказав полную поддержку Фрэнсису Сэнфорду, у которого больше шансов на успех и который готов поддерживать политику генерала де Голля. Вот почему мы просим вас снять свою кандидатуру и во втором туре агитировать за избрание Сэнфорда, который таким образом будет кандидатом Пятой Республики.

*С дружеским приветом
Жорж Помпиду,
Валери Жискара д'Эстен,
Жак Бомель»*

Срок для официального объявления о снятии кандидатуры истекал в полночь, и местные голлистские лидеры срочно собрались на новое совещание. Однако теле-

грамма возымела обратное действие: они решили не снимать кандидатуру Недо; даже если Комитет действия за Пятую Республику не признает его, пусть выступает как независимый кандидат. Доверенному лицу Недо, Гастону Флоссу²¹, молодому мэру коммуны Пираэ и окрестностях Папезте, созданной одновременно с коммуной Фааа в 1965 году, было поручено сообщить об этом решении секретарю губернатора. Но секретарь, сославшись на распоряжение своего шефа, отказался известить его.

Флосс стоял на своем: секретарь обязан передавать губернатору все, что касается выборов. Наконец тот изменил тактику и сердито объявил, что в таком случае Недо должен представить письменное заявление, подписанное также его заместительницей Андреа де Бальманн. Часы показывали восемь, до полуночи оставалось всего четыре часа. Недо жил далеко за городом, так что следовало поспешить. Флосс сел в свою машину и нажал на газ. В половине одиннадцатого он вернулся с требуемой бумагой. Секретарь губернатора тщательно изучил ее и с явной досадой убедился, что она составлена строго по форме. Однако вместо того, чтобы, как того требовал избирательный закон, тотчас выдать расписку о получении, он попросил Флосса подождать четверть часа. Дескать, губернатор желает с ним переговорить.

Прошло четверть часа, губернатор не появлялся. Когда предприимчивый Флосс отыскал телефон и позвонил Недо. Жена последнего сообщила, что секретарь губернатора только что заехал за ним на служебной машине. Флосс позвонил заместительнице; здесь ему больше повезло, он застал ее дома, и она пообещала немедленно прибыть в канцелярию. Почти в одно время с ней приехали Недо и губернатор. Поднимаясь по лестнице, они оживленно переговаривались и несколько раз останавливались на ступеньках. Часы показывали 23.25, и Флосс крикнул Недо, чтобы тот поторавливался. Губернатор сердито велел ему не вмешиваться в их разговор. Однако Недо, собравшись с духом, живо одолел последние ступеньки и юркнул в дверь канцелярии, которую Флосс поспешил закрыть за ним.

Секретарь губернатора долго сверлил взглядом дверь, но она оставалась закрытой, и он решил, что гу-

бернатор прекратил преследование. А Недо еще больше осмелел и решительно потребовал у секретаря расписку. Тот неохотно выполнил его требование. На часах было 23.37! Не успели Недо, Флосс и Андреа де Бальман облегченно вздохнуть, как зазвонил телефон. Звонили из Парижа, и секретарь выскочил на лестницу за губернатором. Тот немедленно вошел в канцелярию и взял трубку. Секретарь министра по делам заморских территорий объявил ему, что победа голлистского кандидата во Французской Полинезии может оказать решающее влияние на исход выборов — настолько мрачными были перспективы голлистской партии перед вторым туром. Интересы нации требовали, чтобы Недо (Эли Сальмон) снял свою кандидатуру в пользу Фрэнсиса Сэнфорда.

Недо возразил, что теперь уже поздно, и гордо удалился, сопровождаемый своей заместительницей и доверенным лицом. Однако высокопоставленные голлисты в Париже отнюдь не разделяли его точку зрения, и через несколько минут в кабинете секретаря губернатора опять зазвонил телефон. На сей раз звонил сотрудник де Голля Жак Фоккар, который формально занимался только Африкой. Секретарь попросил его подождать, сбежал вниз по лестнице, выскочил на улицу и перехватил Недо в его машине, стоящей перед красным светом. Сколько секретарь ни умолял Недо вернуться в канцелярию и поговорить с Фоккаром, тот упрямо твердил «нет» и укатил прочь, как только загорелся зеленый свет.

Вероятно, он поступил неразумно, ибо Комитет действия за Пятую Республику вовсе не собирался отступить. Партийные боссы не считались с тем, что рабочий день в Париже приходится на таитянскую ночь, и не успел Недо заснуть, как в его доме раздался телефонный звонок. Говорил министр по делам заморских департаментов и территорий генерал Бийот. Пришлось и ему с досадой выслушать, что сделанного не воротишь. Полчаса спустя Фоккар еще раз сумел оторваться от своих африканских проблем и позвонить Недо, чтобы проверить, не передумал ли он. Недо не передумал. Напротив, он еще больше утвердился в своем решении. В четыре утра, едва Недо уснул в третий раз, снова зазвонил телефон. Недо не поверил своим ушам: сам премьер Пом-

иду сказал, что хочет дать ему маленький совет. По поводу второго тура. Все-таки будет лучше, если Недо снимет свою кандидатуру в пользу Фрэнсиса Сэнфорда. Для блага отечества необходимо победить Теарики.

Против такого напора Недо не смог устоять. Правда, он возразил, что все сроки истекли, теперь при всем желании ничего нельзя поделать. Однако тут он ошибался. Рано утром губернатор Сикурани позвонил ему, чтобы сообщить: если Недо вдруг передумал, в избирательном законе есть параграф, согласно которому кандидат может де-факто аннулировать свое выдвижение. Для этого надо всего-навсего прекратить выдачу бюллетеней, плакатов и брошюр. Может быть, во Франции такой способ и годится, сказал на это Недо. Но как применить его в огромной островной области Французской Полинезии, где все избирательные документы рассылаются сразу на оба тура и в остающийся короткий срок собрать их немислимо? Пустяки, ответил губернатор. Отправим на все острова телеграммы, чтобы ваши бюллетени выбросили в мусорный ящик. Было очевидно, что так и будет сделано, что бы ни ответил Недо...

Как раз из-за больших расстояний между островами не представлялось возможным провести второй тур выборов через неделю после первого. И если во Франции оставшиеся кандидаты снова ринулись в бой 12 марта, то во Французской Полинезии второй тур был перенесен на 19 марта. Как известно, во Франции итоги оказались безрадостными для голлистов и их союзников. Сколько ни подсчитывали и ни пересчитывали голоса, сколько кандидатов ни переходили из одного лагеря в другой, соотношение оставалось таким, что еще не избранный депутат Французской Полинезии вполне мог решить исход в пользу той или иной коалиции.

Благодаря этой неожиданной и непрошеной помощи Фрэнсис Сэнфорд победил во втором туре с незначительным преимуществом: 13633 голоса против 13289, поданных за Теарики. Для тех читателей, кому отталкивающие эпизоды этой истории покажутся неправдоподобными, добавим, что они легко поддаются проверке. Ибо Теарики обратился в Государственный совет с жалобой по поводу недопустимых действий губернатора в роли агитатора, приложив данные под присягой показания свидетелей, всецело подтверждающие приведенную

выше версию. Когда Государственный совет после долгой волокиты вынес вердикт, он указал лишь на одно нарушение, а именно: губернатор преступил закон, учредив отдельные избирательные участки на атомных полигонах архипелага Туамоту. Что, однако, не могло служить основанием для объявления выборов недействительными.

23. ТАИТЯНСКИЙ ЯЗЫК — ИНОСТРАННЫЙ

Описанная нами махинация была в данной предвыборной кампании далеко не единственной. Не меньше Теарики возмущался тем, что губернатор помешал ему издавать предвыборную газету на таитянском языке. Как ни странно, чтобы печатать «газеты и периодические издания на других языках, кроме французского», требуется получить письменное разрешение губернатора. Запрет был введен в 30-х годах, чтобы воспрепятствовать ввозу и распространению коммунистической литературы на китайском языке среди выходцев из Китая. Но со временем у губернаторов появилась прискорбная склонность толковать это постановление буквально, и даже издания на таитянском языке не могли печататься без их милостивого дозволения.

В 30-х, 40-х и 50-х годах мало кто выступал против этой несурзаицы по той простой причине, что ни одному таитянину вообще не приходило в голову издавать газету или журнал. Что до предвыборной агитации, то она в те годы осуществлялась только устно. В крайнем случае, партии печатали отдельные листовки, не подверженные губернаторскому запрету, поскольку они не были «периодическими» изданиями.

И вот в начале 1967 года Теарики задумал впервые в истории Таити издавать политический журнал на таитянском языке. Задолго до мартовских выборов он обратился к губернатору с письменным ходатайством.

Через три недели *после* выборов он получил такой ответ:

«В вашем письме от 2 февраля 1967 года вы, ссылаясь на указ от 11 декабря 1932 года, ходатайствуете о разрешении издавать еженедельник на таитянском языке»

ке под названием «Те хере аиа», а также помещать таитянские тексты во французском издании этого журнала.

На заседании 22 февраля 1967 года мы постановили, что ваше ходатайство не может быть удовлетворено.

*С глубоким уважением
Жан Сикурани, губернатор»*

Теперь Теарики предусмотрительно обратился не в Государственный совет в Париже, а в местную Территориальную ассамблею. Вот текст его обращения:

«Совершенно очевидно, что губернатору не по нраву мои политические воззрения и он поэтому прибег к постыдному трюку, задержав ответ до окончания выборов. Но в этом деле есть и более серьезный момент: закон и в 1967 году по-прежнему позволяет губернатору здесь, на Таити, по своему произволу запрещать издание газет и журналов на таитянском языке.

Это возмутительно, это противоречит всем правовым нормам! Народ не может свободно изъяслять мысли и чувства в своей стране. Станный способ вознаграждать нас за доверие, проявленное нашими отцами, когда они согласились передать бразды правления Франции.

Хочу также напомнить вам, что указ 1932 года был принят исключительно, чтобы помешать антифранцузской пропаганде, которая с тех пор совсем прекратилась. Сегодня этот нелепый указ направлен исключительно на то, чтобы зажать рот нам, полинезийцам, осмеливающимся сказать хоть одно слово против колониальной политики правительства. Это возмутительное положение нельзя больше терпеть. Французская конституция гарантирует Французской Полинезии такую же свободу печати и воззрений, как и самой Франции.

Если вы стоите за свободу, если вы любите свою полинезийскую родину и хотите добра своему народу, настоятельно призываю принять следующую резолюцию:

„В связи с указом от 11 декабря 1932 года о распространении некоторых печатных изданий, ныне применяемым во Французской Полинезии, депутаты Территориальной ассамблеи напоминают о Декларации прав человека 1789 года, а также о положениях Конституции 4 октября 1958 года и требуют, чтобы упомянутый устаревший указ, пережиток былой колониальной эпохи, осужденный

самим генералом де Голлем, немедленно был отменен, чтобы таитянский язык вновь получил признание во Французской Полинезии наравне с французским языком!»

После единодушного утверждения Постоянным комитетом резолюция без всяких изменений была единогласно одобрена Территориальной ассамблеей 29 мая 1967 года.

Когда пишутся эти строки (то есть много лет спустя), правительство Франции все еще не удовлетворило справедливое пожелание таитян.

24. УКАЗ 1879 ГОДА

Вплоть до 1966 года, когда в присутствии де Голля состоялся первый зловещий взрыв, французское правительство заверяло, что будет довольствоваться испытаниями раз в два года. Однако первая серия испытаний ясно показала, что военные специалисты очень мало продвинулись вперед после переезда из Сахары на острова Туамоту. А потому де Голль приказал любой ценой ускорить дело. Это означало, что новая серия взрывов будет произведена на Моруроа уже в 1967 году. Свое сообщение об этом руководитель ЦТИ, адмирал Жан Лоррэн в сентябре 1966 года сопроводил следующими интересными сведениями:

«Испытания 1967 года, вероятно, начнутся в июне, когда направление ветра снова будет благоприятным. Намечено несколько взрывов, но они будут слабее произведенных в этом году; бомбы будут подвешены на аэростате. Задача новой серии — накопить необходимый опыт для взрыва водородной бомбы в 1968 году. Наша главная проблема — как избавиться от радиоактивных веществ на полигоне после каждого испытания, чтобы быстро приступить к подготовке следующего. Так, в этом году Моруроа перестанет быть опасным для человека только в ноябре 1966 года, а Фангатауфа — только в январе 1967 года. Лучшим выходом было бы покрыть оба эти атолла бетоном. Бетонные плиты гораздо легче очищать, чем природный коралловый массив атоллов».

Вся французская печать в это время обсуждала еще одну, гораздо более серьезную проблему, с которой

столкнулись атомщики. Франции до тех пор не удалось произвести ни единого грамма урана-235, необходимого для создания водородных бомб. Заводы в Пьерлате получили новые крупные ассигнования, позволяющие расширить и ускорить исследования в 1966—1967 годах. Тем не менее летом заводские специалисты были все так же далеки от цели. Пришлось руководству ЦТИ, как и в прошлом году, ограничиться взрывами уже испытанных ранее плутониевых бомб, вместо того чтобы, как планировалось ранее, изготовить запал для водородной бомбы.

В свете такой задержки французской ядерной программы, предсказанной всеми специалистами, естественно спросить, почему базы на Туамоту строили в спешке, не считаясь с расходами и судьбами людей. Ответ прост: гонка была совершенно ни к чему.

Первой местной реакцией на сообщение адмирала Лоррэна о возобновлении ядерных испытаний уже в 1967 году был протест новоизбранных муниципальных советников Папезте, которых особо тревожило, что будет с разными видами тунца, составляющими основную пищу населения. В водах вокруг Моруроа тунец водился в огромном количестве, и несущая там сторожевую службу французская эскадра, разумеется, не могла разогнать рыб с такой же легкостью, с какой она отгоняла посторонние суда. Не могла она контролировать и окружающие острова, чтобы помешать островитянам есть зараженную радиоактивными веществами рыбу, приплывшую от Моруроа. Не говоря уже о входящих в ежедневный рацион островитян улитках турбо, двустворчатых и головоногих моллюсках, в тканях которых накапливаются разносимые ветром вредные радиоактивные вещества.

Еще до первой серии взрывов в 1966 году Теарики обратился в Париж к руководителю французского Комиссариата по атомной энергии, профессору Перрену с просьбой дать более точную информацию о степени угрозы радиации и о мерах по защите гражданского населения. Перрен сразу составил ответ. Однако с непростительной в данном случае профессорской рассеянностью он позабыл отправить письмо авиапочтой, и Теарики получил его лишь через два месяца, 19 июля 1966 года, когда уже было произведено два взрыва! К тому же за-

поздавшие объяснения звучали не очень убедительно. Вот что писал профессор Перрен:

«При всех обстоятельствах мы должны считаться с возможностью локальных осадков в населенных областях. Такие осадки влекут за собой сильное радиоактивное заражение океана, которое, однако, быстро ослабевает, поскольку большинство радиоактивных веществ скоро распадаются. Конечно, наряду с ними есть более радиоактивные вещества с более длительным периодом распада, такие, как стронций-90 и цезий-137. Они представляют опасность для океанской среды и для рыбы, и эти проблемы следует изучить с величайшей тщательностью, учитывая важную роль морских продуктов в питании полинезийцев. Для начала необходимо запретить высадку людей на необитаемых атоллах, подвергшихся локальным осадкам, пока не будет установлено, что радиация вновь упала до достаточно низкого уровня.

Однако таких запретов в районах, непосредственно подверженных радиоактивным осадкам, недостаточно, ибо многие океанские рыбы, например тунцы, совершают далекие передвижения. Проведя несколько дней в зараженном районе, они плывут дальше, и их вылавливают и употребляют в пищу в других местах. Однако следует помнить, что только рыба, зараженная осадками в первые дни после взрыва, представляет опасность для здоровья человека, поскольку радиоактивные вещества быстро разбавляются огромными объемами океанской воды. Далее, чтобы получить опасную дозу, нужно достаточно долго потреблять зараженную рыбу; случайное, единичное потребление не опасно для здоровья. Исходя из сказанного, необходимо не только совершенствовать наши методы прогноза зоны, где могут выпасть осадки, но и произвести основательное изучение морской биологической среды, а также вести эффективный контроль над последствиями атомных взрывов.

Средства, которыми мы располагаем, позволяют нам проследить за возникновением и перемещением радиоактивных веществ, определить, какие животные и растения абсорбировали эти вещества, и наконец, при необходимости вводить временные запреты на потребление определенного рода пищи, с соответствующей справедливой компенсацией.

К тому же будет налажена проверка радиобиологами

всех видов мигрирующих океанских рыб (прежде всего тунцов) на самом большом рынке Французской Полинезии — на рынке Папеете, чтобы совершенно устранить возможные опасения жителей».

Последний абзац больше всего понравился муниципальным советникам Папеете. Но шли дни, а сколько они ни искали, не могли обнаружить ни одного «радиобиологического» контролера. Посему 17 ноября 1966 года муниципальные советники единогласно приняли такую резолюцию:

«Муниципалитет Папеете через своего мэра призывает командующего адмирала и ответственные учреждения представить подробные сведения о том, какие меры предприняты ими для защиты населения — в частности, как проверяют пищевые продукты, продающиеся на городском рынке и в магазинах Папеете.

Муниципалитет желает также ознакомиться с точными данными об уже проведенных измерениях уровня радиоактивности воздуха, моря, почвы, дождевой и питьевой воды в Папеете и его окрестностях во время испытаний 1966 года и после них.

Муниципалитет подчеркивает важность скорейшего ответа на эти вопросы и регулярной информации в дальнейшем обо всех наблюдениях и мерах контроля».

Вынужденный считаться с правилами процедуры, мэр направил эту бумагу губернатору, который переслал ее военному командованию.

Ответа не было ни в этом, ни в последующих месяцах, невзирая на повторные напоминания. В мае 1967 года опять появилась французская эскадра — верный признак того, что вот-вот начнется новая серия испытаний. Муниципальные советники рассердились не на шутку. Настолько, что 2 июня приняли новую резолюцию, в которой выражали крайнее удивление долгим молчанием властей, видимо сознающих свою вину. «Однако мы не намерены больше мириться с этим молчанием, понимая, что вскоре три или четыре новых облака радиоактивных частиц прибавятся к пяти предыдущим, которые уже год парят вокруг земного шара и постоянно обрушиваются на южное полушарие незримые, тем не менее пагубные для здоровья осадки. Каждую неделю над нашими головами проходит радиоактивное облако. Скоро периодичность уменьшится до трех-четырех дней. Посе-

му мы, члены муниципалитета, повторяем свое настойчивое требование — дать нам ответ на вопросы, поставленные в резолюции от 17 ноября 1966 года».

Спустя три месяца и три взрыва они все еще не получили никакого ответа от командования. Неугомонные советники приняли новую резолюцию, и мэр на всякий случай передал ее текст местным газетам. Резолюция выражала «громкий официальный протест против откровенного презрения властей и военных к населению и его избранникам». Это подействовало. Во всяком случае, от губернатора сразу же поступила бумага. Правда, содержание ее никак нельзя было назвать удовлетворительным, ибо оно сводилось к следующему:

«Хотя тревога муниципалитета в связи с данным вопросом представляется мне вполне естественной, я вынужден напомнить, что полномочия городских и коммунальных муниципалитетов ограничиваются рамками, определенными указом от 8 марта 1879 года, статьи 25 и 44. Таким образом, муниципалитеты не имеют права публиковать какие-либо протесты, объяснения или ходатайства. Следовательно, ваши действия по опубликованию в местных газетах „Резолюции протеста № 536 от 1 сентября 1967 года“ противозаконны».

В заключение губернатор сослался на «сведения, сообщаемые печатью, радио и телевидением относительно защитных мер, принимаемых до, во время и после атомных взрывов для предотвращения какого-либо облучения». Но так как речь шла о выпускаемых все тем же военным командованием кратких коммюнике, в которых с утомительным однообразием твердилось, что ядерные испытания во Французской Полинезии абсолютно безвредны, незадачливые члены муниципалитета пребывали в том же состоянии тревоги и неведения, в каком находились год назад, когда принимали свою первую резолюцию.

Единственный пункт, по которому была внесена полная ясность: почему губернатор так долго тянул с ответом. Его подчиненным явно пришлось перелистать «Журналь офисьель» за много лет, чтобы отыскать позабытый указ 1879 года. Скорее всего после многочисленных изменений, внесенных за сто лет в конституцию, указ все равно был недействителен. Но вместо того чтобы обратиться за помощью к юристу, муниципалитет соб-

рался на новое заседание и сделал следующий залп, также преданный огласке:

«Ответ губернатора Сикурани ясно показывает, как прочны устои колониальной системы во Французской Полинезии до сих пор, на девятом году новой, Пятой Республики, которая похвально тем, что провела деколонизацию в Африке, меж тем как ее правительство перевело ядерные полигоны из Реггана в Сахаре на Моруроа... Цель этого ответа просто-напросто зажать рот всем тем, кто своими обоснованными вопросами может побудить население задуматься над вредными последствиями ядерных испытаний, проводимых военными».

25. ДА ЗДРАВСТВУЕТ АВТОНОМИЯ!

К великому удивлению и возмущению губернатора, новый депутат Фрэнсис Сэнфорд еще сильнее обрушился на обветшалое колониальное управление. Тот самый Сэнфорд, ради избрания которого губернатор, Помпиду и прочие французские министры столько потрудились в марте 1967 года. Прибыв в Париж на первую для него сессию парламента, Сэнфорд обратился 13 июня к правительству с коварным вопросом. В протоколе этот вопрос согласно действующей процедуре запечатлен в следующем виде:

«Господин Сэнфорд просит премьер-министра принять во внимание, что на последних всеобщих выборах во Французской Полинезии 80 процентов избирателей голосовали за кандидатов, программа которых включает требование автономии. Ссылаясь на то, что французская конституция гарантирует право всех народов на самоопределение и недвусмысленно предполагает реформы такого рода во всех заморских территориях, уважаемый депутат спрашивает премьер-министра, согласен ли он, что следует провести референдум в спокойной, мирной, организованной обстановке, при сотрудничестве с новой Территориальной ассамблеей, которая будет избрана 10 сентября 1967 года. Цель референдума — получить ответ населения, желает ли оно внутренней автономии».

Несколько неожиданно, но весьма кстати генерал де Голль незадолго перед этим во время посещения Канады вновь подчеркнул один из важнейших принципов своей

политической программы, а именно право всех народов самим решать свою судьбу. Партия Сэнфорда Те эа апи тут же распространила листовку следующего содержания:

«Право народов на самоопределение»

Генерал де Голль посетил Квебек и произнес там такую речь:

„Проезжая сегодня вечером на автомобиле по городу, я наблюдал ту же атмосферу, что во Франции в момент освобождения. Наша эпоха характеризуется всеобщим стремлением к свободе. Я вижу, что все вы желаете именно свободы.

Мы видим здесь, как и во многих других районах земного шара, как народ достигает зрелости, желает сам распоряжаться своей судьбой и достигнуть полного самоуправления.

Вы не только выстояли; вы исполнены твердой решимости энергично и умело использовать все доступные вам современные средства, чтобы освободить и развивать свою страну“.

Его речь заканчивается словами: *Да здравствует свободный Квебек!*

И мы подхватываем: *Да здравствует автономная Французская Полинезия!*»

В целом ряде других французских заморских территорий, не проголосовавших в 1958 году за немедленное предоставление независимости, были проведены либеральные реформы. Так, Коморы — четыре островка в Индийском океане между Мадагаскаром и Танзанией — получили автономию уже в 1961 году. Во Французском Сомали уличные беспорядки во время визита генерала де Голля в 1967 году привели к значительному расширению полномочий местных депутатов. Словом, были все основания пойти навстречу справедливому требованию Сэнфорда, чтобы во Французской Полинезии были осуществлены аналогичные реформы. Премьер-министр открыто это признал, когда 26 августа наконец соизволил ответить Сэнфорду. Единственная оговорка касалась вопроса о референдуме. Премьер не видел в нем никакой необходимости, поскольку вскоре предстояли выборы в Территориальную ассамблею, депутаты которой, несомненно, выражали народную волю, и эта ассамблея была

правомочна ставить вопрос о конституционных изменениях.

Сэнфорд и Теарики не возражали против такой процедуры, тем более что их партии завоевали 17 мандатов, а сочувствующие им кандидаты еще четыре из общего числа (30) мандатов, судьба которых решалась на выборах 10 сентября. Такой исход не был сюрпризом. Зато несколько неожиданным явилось то, что *все* члены РДПТ, исключенные Теарики из партии потому, что они голосовали за де Голля на президентских выборах 1965 года²², теперь лишились доверия избирателей. Лишился его и Серан, тщетно пытавшийся создать собственную партию.

На первой сессии Территориальной ассамблеи нового состава 3 ноября 1967 года Сэнфорд и Теарики выдвинули совместный проект резолюции, требующий, чтобы французское правительство немедленно предоставило автономию Французской Полинезии. На всякий случай в резолюции уточнялось, как должна выглядеть эта автономия. В ней не было ничего революционного: главное пожелание заключалось в том, чтобы Полинезия впредь управлялась не назначаемым Парижем и подчиненным ему губернатором, а премьер-министром и министрами, назначаемыми местной Территориальной ассамблеей и ответственными перед ней. Единственные ограничения полномочий полинезийского правительства, на которые соглашались авторы резолюции, касались вопросов обороны, внешнеполитического представительства и выпуска денежных знаков, все это оставалось прерогативой Франции. Ассамблея подавляющим большинством одобрила резолюцию и тотчас направила ее текст в Париж.

Полное согласие было между Теарики и Сэнфордом также и в вопросе о ядерных испытаниях. Оба выступили в Территориальной ассамблее с резкой критикой недопустимого промедления властей с ответом на элементарный вопрос, поставленный муниципалитетом Папэте, о мерах по защите гражданского населения от радиации. Особенно упирали они на странное положение: Франция учредила у себя государственную Лабораторию по атомной радиации, тогда как во Французской Полинезии, где проводились взрывы, военные контролировали себя сами. Такой порядок выглядел так же нелепо, как если бы во время судебного процесса обвиняе-

мый выступал в роли судьи. Продолжительные дебаты по наболевшему вопросу завершились принятием следующей резолюции:

«Территориальная ассамблея Французской Полинезии, желая точно знать, в какой мере окружающая среда подверглась воздействию радиоактивных веществ, которые образовались во время уже проведенных испытаний атомной бомбы и могут образоваться при намечаемых в следующем году испытаниях водородной бомбы, ходатайствует, чтобы французское правительство пригласило группу ученых в составе трех иностранных специалистов, представляющих Японию, Новую Зеландию и Соединенные Штаты, и трех французских профессоров — Моно, Каслера и Ростана посетить Французскую Полинезию и на месте изучить заражение окружающей среды радиоактивностью».

26. СМЕРТЬ АВТОНОМИСТАМ!

Следующим пунктом повестки дня Территориальной ассамблеи был бюджет на 1968 год. Как обычно, основной статьей дохода были пошлины. Правда, они заметно возросли, поскольку французская армия и флот разместили на островах около 10 тысяч военных и специалистов, да еще наняли тысячи полинезийцев, которые, само собой, спешили потратить свое жалованье на спиртное, яркую одежду, мотороллеры, автомашины, проигрыватели, электрогитары, радиоприемники, телевизоры и прочие более или менее ненужные, низкокачественные и недолговечные предметы. Если в 1962 году пошлины приносили всего 582 миллиона таитянских франков, то в 1967 году эта сумма возросла до 1 миллиарда 467 миллионов. Разумеется, расходы территории тоже сильно увеличились, ведь понадобилось строить в большом количестве жилье, школы, дороги, прокладывать много километров водопровода, проводить электричество в новые кварталы. Не говоря уже о необходимости нанимать новых инженеров, чиновников, учителей.

Неизбежным следствием социально-экономической «слоновой болезни», поразившей практически только Таити, было то, что на другие острова денег почти не оставалось, а это ускоряло отток людей. Но хотя Таити

получал львиную долю ассигнований, их все равно не хватало на эффективные капиталовложения — в промышленные предприятия, гостиницы, рыболовецкие объединения. Дай бог наскрести на содержание все более сложного управленческого аппарата.

Как ни корректировали депутаты Территориальной ассамблеи проект бюджета на 1968 год, который был им представлен в октябре 1967 года, все равно получался дефицит. Под конец удалось свести его до каких-нибудь 60 миллионов. Как обычно, губернатор дал понять, что правительство охотно ссудит или подарит эту сумму Французской Полинезии, если в Париж будет послана делегация, которая хорошенько попросит об этом. Однако 17 представителей двух автономистских партий — Пупу хере аиа и Те за апи, составлявшие большинство в новом составе Ассамблеи, решительно отказались следовать былым примерам и унижаться до попрошайничества. Как же в таком случае покрыть дефицит? Взять деньги там, где они есть, отвечали они. Предприниматели беспардонно наживаются, а платят очень низкий ежегодный налог. Из 3 тысяч зарегистрированных фирм только 150 акционерных обществ облагались налогом, да и те платили всего 20 процентов независимо от размеров годового дохода. Остальные вносили весьма умеренный разовый налог. Исследование, проведенное финансовым отделом местной администрации, показало, что более широкое и справедливое налогообложение даст не меньше 100 миллионов, что вполне достаточно для покрытия дефицита.

Этот вариант вызвал у предпринимателей не меньшую ярость, чем предложение о всеобщем подоходном налоге, которое Пуванаа внес десять лет назад. Авторы передовиц в трех местных газетах (предложенная реформа, разумеется, затронула бы и их интересы) сразу же выступили единым фронтом с предпринимателями. С гневом отвергая подозрение, будто ими движут эгоистические мотивы, они подняли проблему на высокий идейный уровень. Дескать, всякие налоги заслуживают порицания, ибо они ведут к «серьезному нарушению прав человека и посягательству на неприкосновенность частной жизни», поскольку сборщики налогов неизбежно получат «инквизиторскую власть».

Автор передовицы в «Журналь де Таити» торжест-

венно указал, что французская революция потому и разразилась, что народ не желал больше мириться с гнетом королевских сборщиков налогов. Правда, он тут же бойко изложил несколько более позитивную мысль:

«Почему хотят обложить налогом только предпринимателей, которые вкладывают свои деньги в хозяйство нашей территории? Почему не включить сюда также военных и атомных специалистов, которые освобождены от подоходного налога на весь срок службы во Французской Полинезии? На что, кстати, тратят свои деньги эти лица? Они покупают себе квартиру или дачу во Франции или же вносят их на свой банковский счет в той же Франции. Если вдруг решили, что определенные категории населения должны платить налог, почему для этого выбирают именно предпринимателей, а не военных и не специалистов? Было бы справедливее, если бы последние оставляли часть своего заработка здесь. Ведь у предпринимателей прибыли не уходят в другие страны».

Председатель Союза импортеров всецело разделял эту точку зрения и направил в Территориальную ассамблею послание, содержавшее негодующие строки:

«Когда армия учреждала на этих островах свои атомные полигоны, командующий обещал, что все продовольствие и прочие потребительские товары будут закупаться у местных предпринимателей. Первое время это обещание в какой-то мере соблюдалось по той простой причине, что еще не действовала военная интендантская служба. Но вот уже много месяцев, как военные сами ведают своим снабжением, привозя все необходимое прямо из Франции. Закупки на островах делаются лишь в тех случаях, когда возникает временный дефицит. Это серьезный удар по местным торговым предприятиям. Кажется, что у них дела идут хорошо, а в действительности они больше не получают никаких прибылей. Ситуация осложняется наличием ярмарок и клубов, которые не платят пошлины за импортируемые товары, поскольку они в принципе предназначены для военных. На самом же деле товары эти продаются и частным лицам, а это создает нечестную конкуренцию, которой мы не можем помешать. По всем приведенным здесь причинам мы считаем, что новые поборы, которыми собираются покарать нас, предпринимателей, сознающих свой общественный долг, следует возложить на ЦТИ —

орган, до сих пор ничем не способствовавший улучшению торгового баланса».

До тех пор пока предприниматели нападали только на Территориальную ассамблею, вернее, на поборников автономии в ее составе, губернатор не вмешивался. Но поскольку они теперь открыли снайперский огонь по военным, он — как они и рассчитывали — отказался от роли пассивного наблюдателя и 16 января 1968 года собрал все стороны на конференцию круглого стола. Предприниматели проявили неожиданную сговорчивость и уступчивость. Они сами заявили, что проще всего ввести налог с оборота, и с помощью обширных статистических данных показали, что он не должен превышать 1 процента и распространяться лишь на фирмы с годовым оборотом более 10 миллионов таитянских франков. Депутаты Территориальной ассамблеи не замедлили указать, что уступчивость предпринимателей объясняется их стремлением любой ценой избежать принятия такого закона, который обязывал бы их представлять сведения о доходах. Но так как в данный момент речь шла лишь о том, чтобы залатать дыру в бюджете, Ассамблея на своем заседании 25 января 1968 года согласилась на компромисс. К тому же налог с оборота можно было вскоре и увеличить...

Предприниматели явно предусмотрели эту угрозу, ибо всего через несколько дней они принялись критиковать то самое решение бюджетной проблемы, которое сами же предложили и одобрили. В одном из кинотеатров Папэте состоялось бурное собрание. В числе ораторов были местные лидеры голлистов; эстраду украшал огромный транспарант с черепами и свастиками. На случай, если кто-то из присутствующих не понял смысла этих изображений, ораторы объяснили, что они символизируют диктаторские методы Теарики и Сэнфорда и неизбежную экономическую смерть территории от налога с оборота. Губернатор и тут оказал поддержку предпринимателям. На этот раз еще более явную, а именно: он воспользовался данным ему странным правом по своему произволу возвращать Территориальной ассамблее любое принятое ею решение для «повторного обдумывания и обсуждения».

Большинство Ассамблей не испугалось угроз и решило снова рассмотреть вопрос 26 февраля. При этом де-

путаты не скрывали, что будут голосовать, как и в первый раз. До названной даты оставалось две недели, и предприниматели использовали отсрочку, чтобы подготовить свои отряды так же тщательно, как в памятные апрельские дни десять лет назад, когда был провален не менее ненавистный им налоговый законопроект Пуванаа. Кстати, многие руководители нового движения протеста участвовали и в прежнем.

Другим, более неожиданным результатом двухнедельного срока на «повторное обдумывание и обсуждение» было то, что предприниматели перестали изображать Теарики, Сэнфорда и их товарищей по партии злыми нацистами. Ничего похожего, заявляли они теперь, ибо стало совершенно ясно, что эти люди — тайные коммунисты. По всему Папэте были расклеены плакаты, которые гласили: *«Не допускайте, чтобы победило недомыслие и безрассудство! Расплачиваться придется народу! Сказать налогам нет — значит сказать нет завистникам и коммунизму».*

В сообщении для печати руководитель инициативной группы предпринимателей расшифровал несколько лаконичный текст плакатов следующим образом:

«Налог, против которого мы выступаем, отражает сознательную политику, направленную на то, чтобы наказать нас, наиболее предприимчивых представителей населения. Это вполне в духе безжалостных методов коммунистов. Этот налог — только первый шаг, призванный создать денежный фонд, предназначенный для того, чтобы оторвать острова от Франции и учредить социалистическую республику наподобие республики Фиделя Кастро. Мы, предприниматели, раскусили смысл этой затеи».

Наиболее прозорливым среди предпринимателей оказался бывший мэр Папэте, Альфред Порои, проигравший поединок с автономистами на выборах в муниципалитет в 1966 году, но сохранивший пост сенатора до 1971 года. Он был настолько обеспокоен «изменнической» деятельностью депутатов ассамблей, что направил премьер-министру Помпиду тревожную телеграмму: *«Упорное стремление Территориальной ассамблеи ввести налог с оборота является откровенным актом мести против всех профранцузски настроенных лиц в Полинезии. Мой долг сообщить вам, что происки автономии».*

стов вызывают растущее недовольство среди населения. Посему позволяю себе предложить в качестве единственного способа умерить страсти и избежать трагических событий немедленно распустить Территориальную ассамблею и в корне реформировать ее, прежде чем назначать новые выборы».

Идея реформы, которую он подразумевал, была давно и широко известна на Таити. Предлагалось создать некий корпоративный орган, как это было у Муссолини, чтобы депутаты не избирались полинезийским народом, а назначались губернатором!

К великой досаде Порои и его компании Помпиду не последовал совету немедленно распустить избранную народом Территориальную ассамблею. А посему «профранцузски настроенные лица» (то есть Порои и его компания) собрались рано утром 26 февраля, чтобы продемонстрировать свое недовольство «инспирированными Фиделем Кастро» происками автономистов. Многие из них несли плакаты и лозунги с патриотическими фразами, вроде «Мы желаем остаться французами» и «Полинезийский народ говорит нет независимой республике». Похоже было, что возмутительный налог с оборота совершенно забыт. Как и во время беспорядков 1958 года, демонстранты призвали на помощь бульдозер; техника во всех областях за это время, естественно, шагнула далеко вперед, и бульдозер был намного больше и мощнее. Хотя китайские предприниматели успели стать французскими гражданами, они предпочли и на этот раз отсиживаться дома. И еще в одном отношении картина повторилась: таитянские полицейские и французские жандармы своевременно оцепили старое здание, в котором заседала Территориальная ассамблея.

Поскольку силы охраны порядка имели количественный перевес, демонстранты остановились на почтительном расстоянии и отрядили делегацию, которая учтиво попросила разрешения войти в зал заседаний и вручить свою петицию. Председатель Ассамблеи прервал обсуждение очередного вопроса и не менее учтиво предоставил слово гостям. Один из предпринимателей откашлялся и зачитал следующую петицию:

«Господин председатель, господа депутаты!

Извините нас за то, что мы обращаемся непосредственно к вам таким образом. Но ведь вы — во всяком

случае большинство Территориальной ассамблеи — не пожелали принять во внимание нашу забастовку протеста и наши обращения за прошедшие месяцы.

Неужели вы совсем глухи к народному гневу, который был вызван вашими решениями и который вылился в забастовки и в происходящую в этот момент на ваших глазах демонстрацию?

Мы требуем немедленной отмены однопроцентного налога с оборота и изъявляем свою готовность — при условии, что налицо действительная нужда в деньгах — согласиться с однопроцентным повышением таможенной пошлины, которое не отразится на потребителях.

Сегодняшняя демонстрация показывает так же ясно, как демонстрация 1958 года, что народ против подоходного налога. Мы полагаем столь же неразумным сохранение налога с компаний и предлагаем, чтобы он до конца года был заменен другой формой налогообложения, разработанной с участием нашего комитета.

Если суть дела в том, что партии большинства в Ассамблее задумали ввести новые налоги, чтобы создать экономическую основу для независимой Полинезии, то народ против этого. Ибо полинезийский народ не желает испытать те несчастья, которые испытывают многие независимые государства Африки — бывшие французские колонии.

Вот почему вы сегодня среди демонстрантов видите не только торговцев, промышленников и служащих, но и рабочих, крестьян и рыбаков, непосредственно не затронутых налогом с оборота, но тем не менее желающих таким способом сказать „нет“ независимой полинезийской республике.

Итак, мы призываем вас немедленно сообщить нам, как вы намереваетесь поступить с еще не утвержденным окончательно проектом о налоге с оборота».

Председательствующий ограничился указанием на то, что предприниматели неудачно выбрали день для демонстрации. Ибо вопрос о налоге с оборота будет обсуждаться завтра. Один депутат спокойно добавил, что заявление членов делегации, будто они представляют народ, — чистейший обман, народ их вовсе не избирал. Другой депутат, выглянув в окно, заявил, что не видит среди демонстрантов ни одного рабочего, крестьянина или рыбака. На этом аудиенция окончилась, и Террито-

риальная ассамблея продолжала обсуждать вопросы, стоявшие на повестке дня.

На улице царило замешательство. Некоторые члены инициативной группы предпринимателей, явно позабыв, что дело происходит не в 1958 году, принялись бросать камни в здание Ассамблеи. Им удалось разбить два-три окна, затем водитель бульдозера включил мотор. Однако на этот раз блюстители порядка решительно вмешались и положили конец безобразиям. В тот самый миг, когда казалось, что битва проиграна, Порои через установленный на автомашине громкоговоритель радостно возвестил демонстрантам, что они победили! В ответ на недоумевающие взгляды он объявил, что сию минуту разговаривал с губернатором и тот поклялся, что новых налогов не будет, какие бы решения ни приняли народные избранники. Никто не сомневался в действенности губернаторского слова, однако завоеванная таким способом победа не располагала к торжеству. Нестройно и вяло прокричав «ура», демонстранты нехотя разошлись по домам.

На другой день Территориальная ассамблея 17 головами против 8 подтвердила свое решение ввести однопроцентный налог с оборота. Но и губернатор сдержал свое слово: он тотчас обратился в Государственный совет в Париже²³, требуя аннулировать это решение. При этом он перечислил такое множество якобы допущенных процедурных нарушений, что целой бригаде юристов и за год не удалось бы распутать этот клубок. Предприниматели были довольны достигнутым, хотя они взяли верх исключительно благодаря вмешательству извне, причем исход матча-реванша был далеко не ясен.

27. ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Пока на Таити шел этот забавный и в то же время отталкивающий спектакль, в Париже новый депутат Фрэнсис Сэнфорд участвовал в парламентских дебатах, где также не было недостатка в лживых изъяснениях солидарности и трусливых маневрах. Речь шла о выдвинутом 7 декабря 1967 года правительственным законопроекте, который предлагал предоставить другой французской заморской территории — Коморским островам в Ин-

дийском океане — право на избрание собственного правительства во главе с местным премьер-министром. Иначе говоря, намечалась куда более далеко идущая демократическая реформа, чем та, которую требовали для своей страны автономисты во Французской Полинезии. Причина такой уступчивости была очевидна. Могущественная Организация африканского единства попросила французское правительство ускорить деколонизацию, и в данном случае французы охотно пошли навстречу, так как Коморские острова не представляли никакого интереса для Франции в экономическом, политическом или военном отношении.

Фрэнсис Сэнфорд тотчас потребовал, чтобы на обсуждение был поставлен вопрос об устарелых и неудовлетворительных системах управления во всех французских заморских территориях, и Рок Пиджо, коллега Сэнфорда из Новой Каледонии, поддержал его. Восседающий на правительственной скамье министр-генерал Бийот ответил, что «правительство вполне отдает себе отчет в том, что народы заморских территорий горячо желают таких реформ, и твердо намерено действовать». К сожалению, объяснил Бийот, не представляется возможным обсуждать все эти реформы одновременно, в общем контексте, хотя логика требует этого. Ибо параграф 3 статьи 91 действующего парламентского устава предписывает, чтобы «уже заявленный правительственный законопроект о реформе управления на Коморах рассматривался отдельно в нынешнем виде». Если только большинство Национального собрания не постановит изменить процедуру.

Прибыв в Париж, Сэнфорд присоединился к «независимым республиканцам» Жискар д'Эстена²⁴, которые вместе с голлистами составляли парламентское большинство. Без поддержки всех 43 «независимых» правительство не удержалось бы и одного дня, поскольку большинство составляло всего один голос — 244 голоса против 243! Зная, как важен его голос, Сэнфорд полагал, что поступил очень мудро. Однако в первый же раз, когда он ожидал ответной поддержки со стороны партии Жискар д'Эстена, его глазам предстали пустые скамьи. По призыву своего лидера остальные 42 «независимых» не явились на дебаты. В итоге проект резолюции, представленный Сэнфордом и Пиджо, провалился. Тот факт, что при-

сутствующие депутаты, включая оппозицию, затем проголосовали за предоставление большей самостоятельности Коморам, не мог служить для них утешением. Разъяренный таким предательством, Сэнфорд немедленно вышел из партии Жискар д'Эстена и не стал больше ни к кому присоединяться, так что правительство — во всяком случае на бумаге — утратило большинство в Национальном собрании. Парижские газеты, до сих пор не печатавшие протестов Сэнфорда против ядерных испытаний, не замедлили поместить сенсационные — и весьма далекие от истины — статьи о «туземце, который подорвал правительственное большинство».

Разумеется, правительство реагировало отрицательно. Можно даже сказать — подло. Через несколько дней, 17 февраля 1968 года, Помпиду ответил наконец на обращение полинезийской Территориальной ассамблеи от 3 ноября о предоставлении территории большей независимости. Вот этот ответ:

«Ходатайство Территориальной ассамблеи выдвинуто группой депутатов, которые представляют малую часть избирателей, а потому не могут выступать от имени всего населения. Следовательно, нет никаких оснований изменять систему управления территорией, тем более что она позволила жителям получить значительные выгоды».

Сэнфорд, Теарики и другие автономисты, естественно, возразили: странно слышать от премьер-министра, правительство которого не располагает большинством в парламенте, будто таитянские автономисты, имеющие 17 мандатов из 30 и собравшие 80 процентов голосов, не представляют волю народа. Кроме того, указали они, малоубедительная победа де Голля на президентских выборах 1958 года отнюдь не означает, что Полинезия навеки должна оставаться французской²⁵. Французские колонии в Африке, тоже проголосовавшие за де Голля в 1958 году, уже давно стали независимыми государствами. И наконец, они подвергли резкой критике вывод Помпиду, будто французское правительство посредством миллионов, пущенных в оборот военными, *купило* право обращаться с полинезийцами по своему усмотрению.

Автономистское большинство Территориальной ассамблеи решило направить в Париж специальную делегацию, чтобы отстаивать конституционное право террито-

рии на автономию и даже на полную независимость. На делегацию была также возложена еще одна, не менее важная задача — добиться немедленного освобождения Пуванаа. Если не помогут юридические и политические аргументы, можно сослаться на соображения гуманности, поскольку 16 февраля Пуванаа перенес инсульт и все говорило за то, что дни его сочтены. Сэнфорд тогда же потребовал, чтобы Пуванаа было разрешено вернуться на родину; нельзя же обречь его на смерть в непрезентабельном доходном доме в предместье Парижа, куда власти перевели его два года назад после странного помилования. Правительство не ответило на ходатайство Сэнфорда, и, поскольку Пуванаа таким образом был обречен умереть в изгнании, делегация на худой конец могла хотя бы скрасить его последние дни своим присутствием.

21 марта 1968 года Территориальная ассамблея постановила направить в Париж своего председателя Жана Милло, заместителя председателя Джона Теарики и депутата Анри Бувье; четвертым членом делегации был депутат Национального собрания Сэнфорд. Поскольку автономисты всегда порицали дурной обычай по всякому поводу направлять делегации в Париж за счет территории, делегаты решили сами оплатить свою поездку.

Как только постановление было предано гласности, губернатор, конечно же, поспешил известить об этом новом шаге своего шефа, министра Бийота. Министр немедленно ответил, что «ни он, ни кто-либо другой из членов правительства не примет делегацию». Сочтя это блефом, члены делегации уложили чемоданы и объявили, что намереваются вылететь 29 марта рейсовым самолетом. После чего получили от губернатора письмо, в котором он объяснял, почему именно министр Бийот не может их принять. Дескать, они допустили серьезную юридическую ошибку, заплатив за билеты из своего кармана, ибо теперь (тут губернатор торжествующе сослался на кучу мудреных параграфов) их нельзя рассматривать как официальных представителей.

Более неудачного аргумента он не мог придумать, потому что в этот же день депутаты Ванизет и Бэмбридж, представляющие верное французскому правительству меньшинство Территориальной ассамблеи, объявили, что тоже намереваются лететь за свой счет в Париж, чтобы

убедить Бийота и его коллег *не слушать автономистов*. Пришлось губернатору срочно забыть все, что он говорил о самовольных действиях никем не уполномоченных депутатов. К тому же в самолете, совершившем промежуточную посадку на Таити по пути в Париж, находилась делегация автономистов Новой Каледонии.

Эта пестрая компания прибыла в Париж в субботу, но как только в понедельник утром 1 апреля открылись правительственные учреждения, полинезийская и новокаледонская делегации обратились к министру по делам заморских территорий с просьбой принять их.

Через два дня Сэнфорд получил такой ответ от Пьера Анжели, секретаря Бийота:

«Господа депутаты!

Министр Бийот поручил мне подтвердить получение письма, которое вы направили ему 1 апреля.

По причине большой занятости министр Бийот не может принять вас в ближайшее время, поэтому он просил меня принять вас вместо него.

Соответственно я охотно побеседую с вами в пятницу 5 апреля, в 11.30, если вас устраивает это время».

Сэнфорд и остальные делегаты не видели смысла в том, чтобы встречаться с автором письма. Что может сделать секретарь? Передать услышанное от них шефу. С таким же успехом они могут сами написать министру. Одновременно они узнали из газет, чем Бийот был так занят в тот самый день, когда поручил Анжели послать им уклончивый ответ. Министр провел продолжительную беседу с двумя самозванными представителями партий меньшинства Французской Полинезии, Ванизетом и Бэмбриджем. После этой «встречи на высшем уровне» Бийот сообщил прессе, что «правительство отнюдь не намеревается удовлетворять требование о внутренней автономии, выдвинутое некоторыми депутатами». В ответ полинезийская и новокаледонская делегации опубликовали заявление, в котором указывали, что речь идет не о некоторых депутатах, а о *партиях большинства* в данных колониях. Вслед за тем они направили Бийоту новое письмо, настаивая, чтобы министр незамедлительно принял их.

Поскольку ссылка на «занятость» уже не годилась, Бийот на этот раз поручил секретарю ответить, что поставленные делегацией «вопросы носят политический ха-

ракти, а потому правительство не будет их обсуждать». Члены делегации спокойно возразили на это: 1) они все не намереваются обсуждать какие-либо *политические* вопросы, хотя при желании имеют на это право, поскольку подобно голлистским министрам и депутатам во Франции они избраны народом для того, чтобы проводить в жизнь определенную политическую программу; 2) вопросы, которые они собираются обсудить с Бийотом, относятся к *юридически-административной* и *морально-этической* областям, ибо речь идет отчасти о необходимой реформе системы управления территорией, отчасти о вопиющей несправедливости, заключающейся в том, что Пуванаа обречен умереть на чужбине.

(Новокаледонцы во втором пункте требовали права самим распоряжаться крупными запасами никелевой руды в своей стране.)

Вместо того чтобы прямо ответить на эти аргументы, от которых было трудно отмахнуться под каким-либо предлогом, Бийот попытался перевести дискуссию в туманную область тайных переговоров. Первый ход был сделан во время обеда с лидером одной из центристских группировок Жаком Дюамелем²⁶, когда он изъявил свое согласие на «частную» встречу с Сэнфордом и Пиджо²⁷. Оба не возражали. Через несколько дней Дюамель позвонил им в гостиницу и попросил прибыть вместе с остальными членами делегации в его канцелярию. Здесь он смущенно объявил, что Бийот сию минуту известил его, что премьер-министр Помпиду запретил министру встречаться с Сэнфордом и Пиджо даже в «частном» порядке. Взамен Помпиду предложил странный компромисс, который Дюамель обрисовал как образец великого дипломатического искусства. Бийоту разрешалось принять *группу* депутатов, в состав которой будут включены Сэнфорд и Пиджо! Ко всеобщему удивлению, обе делегации из Океании решительно отказались участвовать в такой нелепой игре. Вместо этого они принялись давить на все политические группировки, представленные в Национальном собрании и в сенате; одновременно полинезийские делегаты поочередно дежурили у постели Пуванаа. В конце концов они были вынуждены вернуться на Таити без своего метуа и не добившись встречи с министром Бийотом.

Возвратясь, они первым делом размножили произне-

сенную в Африке несколькими годами раньше речь де Голля, в которой он с великим пафосом возвещал:

«Дух нынешнего века, преобразующий облик нашей страны, влияет также и на условия в заморских территориях. Нет нужды перечислять причины событий, которые побудили нас положить конец колониальной эпохе. Путем проведенных нами реформ, путем образования, данного нами элите, путем поддержки столь типичного для нашего времени освободительного процесса мы уже показали, что признаем право колониальных народов распоряжаться собственной судьбой. Отрицать это право несовместимо с нашими идеалами, к тому же это повлекло бы за собой длительную конфронтацию и осуждение мировой общественности, причем власть все равно выскользнула бы из наших рук. Можно понять тоску некоторых лиц по тем временам, когда у нас была колониальная империя; ведь люди тоскуют и по эпохе керосиновых ламп, парусных кораблей и конных экипажей. Но что толку в такой сентиментальности? Политика считается только с реальностями».

Хотя речь эта была произнесена в 1960 году, с тех пор генерал де Голль не только произнес множество подобных речей, но и осуществил названные в них благородные принципы в Африке. Так почему же он не осуществляет их в 1968 году во Французской Полинезии, спрашивали автономисты. Конечно, они наперед знали, что де Голль и не подумает ответить по той простой и понятной причине, что в случае с Полинезией он считался только с военными реалиями. Полинезийские острова были ему необходимы для испытаний ядерного оружия, а потому он категорически возражал против того, чтобы предоставить даже подобие власти противникам этих испытаний.

В середине мая 1968 года, когда автономисты тщетно зывали к совести генерала де Голля, Париж сотрясали студенческие волнения. Однако в Папеезе эти волнения не встретили сочувствия, и страшные «последователи Кастро» вкупе с тайными коммунистами, якобы подготовившие «налоговый путч» в начале года, не подавали признаков жизни. По правде говоря, если полинезийцы и обращали внимание на события в Париже, то для того, чтобы выразить свое возмущение: как это молодые парни и девушки ломают автомашины, бьют окна, забрасывают камнями полицейских! Единственными на Таити,

кто проявил какую-то реакцию, были активисты из числа французских предпринимателей. Видя, что голлистскому правительству грозит падение, они попытались организовать «комитеты спасения отечества». Но и они быстро остыли, когда губернатор вызвал военный корабль и заявил о своей твердой решимости поддерживать порядок.

С помощью военных де Голлю удалось отстоять свои позиции и назначить новые выборы²⁸. Тотчас местные голлисты воспрянули духом и развернули бурную деятельность, чтобы одолеть Сэнфорда, который в их глазах был из того же теста, что и молодые анархисты в Париже. Если французские избиратели (а все говорило за это) и впрямь докажут свое недовольство выходками студентов, дружно проголосовав за правых кандидатов, это, несомненно, должно было отразиться на предстоящих вслед за тем выборах во Французской Полинезии.

Как и предполагалось, выборы в метрополии принесли большинство голлистам и примкнувшим к ним независимым республиканцам, получившим 354 из 487 мандатов. Таитянские голлисты не замедлили воспользоваться этим: в речах и листовках они уверяли, что голосовать за автономиста Сэнфорда, с которым совершенно не считаются в правительственных кругах в Париже,— величайшая глупость. Вот если территорию будет представлять голлист, например Недо (Эли Сальмон), он легко добьется щедрых ассигнований и всяческих благ для жителей Французской Полинезии. И в первую очередь, конечно, повысится жизненный уровень бедных пролетариев Полинезии.

Каждому кандидату полагалось иметь заместителя, и Сэнфорд сумел без особого труда уговорить своего бывшего противника Теарики баллотироваться вместе с ним. Соперники презрительно окрестили их Дон-Кихотом и Санчо Пансой, считая, что оба обречены на проигрыш. Как обычно, губернатор, чиновники и военные не жалели сил, чтобы помочь голлистским кандидатам, почти открыто выступая в их поддержку на далеких островах и включая в избирательные списки всех командированных в Полинезию французских солдат, матросов и технических специалистов. Тем не менее Сэнфорд и Теарики уже в первом туре одержали внушительную победу, получив 14 701 голос против 7135 голосов, поданных за Недо.

Третий, независимый кандидат, Шарль Тауфа, собрал 3394 голоса. В Новой Каледонии большинством голосов был переизбран автономист Пиджо.

28. АЛЛО, АЛЛО, ТУРЕИА!

Еще до начала майских беспорядков 1968 года ЦТИ начал подготавливать третью серию испытаний на Мору-роа. Возглавляющий операцию адмирал даже перестал играть в секретность и гордо возвестил, что на экспериментах занято 5936 военных и 2265 гражданских техников! Если добавить команды авианосца «Клемансо» и трех крейсеров, покинувших Францию в середине марта, получалось, что Полинезию полгода будут оккупировать не менее 15 тысяч человек. Политические события во Франции повлияли на программу испытаний только в том смысле, что первый взрыв был отложен до победы голлистов на выборах, после чего де Голль вновь мог свободно продолжать свою амбициозную военную политику.

Как обычно, в печать просочились многочисленные данные о предстоящих испытаниях. Так, в газете «Монд» уже 4 июля 1968 года была напечатана большая статья, из которой явствовало, что заводы в Пьерлате наконец-то могут поставлять уран-235. Впервые ЦТИ представлялась возможность взорвать водородную бомбу.

«Этот взрыв,— продолжала газета,— причинит обширные разрушения на месте испытания, то есть на атолле Фангатауфа, отведенном для экспериментов с водородной бомбой. Атолл может выдержать не больше двух подобных взрывов. Далее, нельзя забывать, что, какие бы меры защиты ни принимались, взрыв водородной бомбы может повлечь за собой значительные радиоактивные осадки. Возникает вопрос, собирается ли командование, если первое испытание пройдет вполне успешно, взрывать вторую бомбу, которая без всякой нужды добавит осадки».

Для жителей Французской Полинезии это звучало не очень-то отрадно, и если обошлось без бурных протестов, то потому, наверное, что до Таити дошло лишь несколько экземпляров «Монд», да и то в конце августа.

Военные, с присущим им отсутствием здравого смысла, начали серию испытаний 1968 года с того, что взор-

вали атомную бомбу на Моруроа в воскресенье 7 июля — другими словами, в тот самый день, когда происходили выборы в Национальное собрание. На другой день один из лидеров автономистов, Анри Бувье, сделал удивительное открытие, о котором он поведал Территориальной ассамблее в следующих словах:

«В понедельник 8 июля, когда во дворце правосудия в Папезте, где я присутствовал в качестве официального контролера, проходил подсчет голосов, оказалось, что с двух островов не получено никаких сведений. Речь шла о Маиао и Туреиа. В первом случае причиной была неисправность местного радиопередатчика, к тому же сильное волнение не позволило выйти в море ни одному судну. Что касается Туреиа, то все остальные члены комиссии явно не сомневались, что с этого острова данных ждать не приходится, однако я не мог добиться от них ответа, почему они так решили. И я пришел к выводу, что все жители Туреиа внезапно куда-то исчезли».

Территориальная ассамблея немедленно приняла резолюцию, в которой запрашивала губернатора и военное командование: 1. Участвовало ли население Туреиа в выборах 7 июля 1968 года? 2. Если нет, то почему? 3. Остались ли на острове жители, а если нет — что с ними произошло и какая судьба им уготована?

Не впервые Территориальная ассамблея тревожилась за судьбу обитателей Туреиа, маленького атолла в архипелаге Туамоту, расположенного всего в 80 морских милях (около 150 километров) от Моруроа. Еще в 1963 году, как только стало известно о намеченных на Моруроа ядерных испытаниях, полинезийские лидеры выразили серьезное беспокойство, как бы жители Туреиа не подверглись радиации. Как уже говорилось, губернатор тогда старался рассеять их опасения, заявив, что «взрывы будут производиться только в тех случаях, когда ветер будет дуть от Моруроа в сторону безлюдных областей к югу от острова».

Все в Полинезии, кроме губернатора, знали, что в районе Моруроа ветры *никогда* не дуют в названном им направлении, и со временем военные тоже признали этот общеизвестный факт. Признали только для того, чтобы сделать не менее нелепое заявление, будто все радиоактивные частицы быстро поднимутся в более высокие слои атмосферы, где направление ветра не *с востока*, как

в нижних слоях, а *на восток* — в пустынные области Тихого океана между Французской Полинезией и Южной Америкой. А посему нет никакой необходимости эвакуировать 50 человек, обитающих на Туреиа, объявил видный и высокооплачиваемый специалист КАЭ — Кавар. Его поддержал профессор Франсис Перрен, заявивший 20 июля 1965 года: «Имеющиеся у нас метеорологические данные показывают: вполне можно проводить намеченные ядерные испытания, не опасаясь, что на каких-либо обитаемых островах выпадут радиоактивные осадки».

Депутаты Территориальной ассамблеи не разделяли столь твердую веру в способность метеорологов предсказывать погоду с научной точностью. Ибо они знали, что, во-первых, метеостанция во Французской Полинезии была открыта лишь в 1932 году; во-вторых, ее скудное оборудование позволяло производить только простейшие наблюдения за ветрами, осадками и температурой на уровне моря; в-третьих, метеостанция сгорела в 1948 году и в огне погибли все архивы. В 1963 году Теарики позволил себе даже высказать мрачное пророчество, что военным придется когда-нибудь взять обратно свои слова и в последний момент тайком эвакуировать жителей не только Туреиа, но и многих других островов по соседству. Когда уже будет поздно.

Проблема снова стала актуальной 15 мая 1966 года, когда власти опубликовали карту зоны, которая объявлялась опасной для всех судов и самолетов во время предстоящих ядерных испытаний. Зона эта была ограничена «окружностью радиусом 300—400 километров с центром на Моруроа, с клином на восток длиной 740 километров». Теарики не замедлил заявить в Территориальной ассамблее, что в обозначенной таким образом опасной зоне расположено целых семь населенных островов. Военные поспешили внести маленькую поправку — дескать, надо читать «радиусом 222 км (120 морских миль), считая от Моруроа, а не 300—400 км». Эта поправка не успокоила Теарики и его коллег в Ассамблее. Их тревога была вызвана отчасти легкостью, с которой военные пересматривают опасные границы, отчасти же тем, что остров Туреиа все равно оставался в пределах запретной зоны. Как быть с его 50 обитателями? И вообще, кто поручится за то, что ветер в последнюю минуту не повернет на несколько градусов и не отнесет радиоактивные частицы на мно-

гочисленные населенные острова, расположенные поблизости от опасной зоны. Прежде всего на острова Гамбье.

Никаких дополнительных данных от военного командования не последовало. Никакие острова не были эвакуированы ни в 1966 году, ни в 1967-м. Между тем после первых взрывов новозеландская лаборатория по атомной радиации сообщила, что на всех островах *к западу* от Таити выпал сильный радиоактивный дождь. Постепенно выяснилось, что между первой и второй сериями испытаний военные поспешно соорудили убежища на многих атоллах восточной части архипелага Туамоту. За исключением Туреиа.

Отсутствие сведений о результатах выборов 7 июля 1968 года говорило о том, что военные все же решили эвакуировать население острова. Вот только время было выбрано очень уж неудачно. Как совместить с законом тот факт, что французские граждане лишаются избирательного права путем внезапного принудительного переселения, спросил Сэнфорд в Территориальной ассамблее. И при поддержке Теарики поставил на голосование проект резолюции (который был тут же одобрен) с требованием прекратить все дальнейшие ядерные испытания. Мотивировок было много, и все они звучали весьма убедительно. Судите сами:

«11 января сего года наша Ассамблея приняла резолюцию, призывающую французское правительство направить к нам контрольную комиссию в составе трех иностранных исследователей — из Японии, Новой Зеландии, Соединенных Штатов — и трех французских исследователей — Жана Ростана, Теодора Моно и Альфреда Каслера, а также специалистов из французской лаборатории по атомной радиации для изучения воздействия ядерных взрывов на окружающую среду.

Правительство в Париже оставило наш призыв без ответа. Узнав, что в этом году предстоит новая серия испытаний, включающая взрывы водородных бомб, я направил 30 мая правительству следующее послание:

„Поскольку вы отказались выполнить требование Территориальной ассамблеи о том, чтобы контрольная комиссия исследовала проблему радиации во Французской Полинезии, я как депутат названной территории ходатайствую, чтобы дальнейшие ядерные испытания были не-

медленно прекращены и здоровье населения больше не подвергалось риску“.

Проведенный в воскресенье первый взрыв подтверждает срочную необходимость положить конец этим фейерверкам. Тем более что нам, как сообщают газеты, предстоит созерцать два великолепных взрыва водородной бомбы. Отсюда следует, что вряд ли можно ожидать положительного ответа на мое обращение к французскому правительству от 30 мая. Поэтому я предлагаю, чтобы Территориальная ассамблея воспользовалась полномочиями, предоставленными ей параграфом 40 указа № 57/912 от 22 июля 1957 года, где говорится, что нам принадлежат законодательные права по вопросам, касающимся:

— земледелия, лесов, прибрежных вод, защиты почвы и растительности;

— гигиены и здравоохранения, исключая борьбу с туберкулезом, проказой и элифантиазом;

— благоустройства городов, жилищ и строительства прочих сооружений, опасных, неудобных и вредных для здоровья;

— памятников и исторических мест.

Никто не станет отрицать, что ядерные испытания наносят ущерб почве, растительности, водам и здоровью людей и что военные базы относятся к числу „опасных, неудобных и вредных для здоровья“ сооружений, подразумеваемых в цитированном параграфе.

Французское правительство прожужжало нам все уши заверениями, будто ядерные испытания на Моруроа безвредны для нашего населения. Отчетливее всего это утверждение сформулировано профессором Франсисом Перреном в его письме от 16 мая 1966 года. Как известно, он пытается доказать, что принятые меры защищают население от радиации, превышающей „максимально допустимую дозу“, определенную международными научными организациями. Однако профессор умалчивает о том, что термин „максимально допустимая доза“ отнюдь не означает, что меньшие дозы *безвредны*. Ибо речь идет о той максимальной дозе, которой, по словам пользующихся этим термином ученых, можно подвергать человека, если облучение сулит *позитивные следствия* медицинского или иного рода. Что же до риска облучения людей, связанного с *военными* ядерными испытаниями, то международ-

ные научные организации, на которые ссылается профессор Перрен, считают такой риск недопустимым. Таким образом, „доказательства“ профессора Перрена свидетельствуют о его научной нечестности. Но это еще не все. Судя по статье в „Манчестер гардиэн уикли“ от 6 июня сего года, подписанной Джорджем Фаруэллом, допускаемый профессором Перреном уровень радиации у нас не выдерживается. Так, в прошлом году радиоактивность питьевой воды в одной из цистерн в Апия (Западное Самоа) в пять раз превышала максимально допустимый уровень.

С учетом всех приведенных факторов я предлагаю следующую резолюцию:

11 января 1968 года Территориальная ассамблея потребовала, чтобы беспристрастной международной контрольной комиссии была предоставлена возможность на месте изучить степень воздействия ядерных испытаний ЦТИ на окружающую среду. Упорное молчание правительства, на наш взгляд, доказывает, что оно боится, как бы такой контроль не выявил неприятные истины, способные помешать дальнейшим испытаниям атомных и водородных бомб.

Ссылаясь на полномочия, предоставленные Территориальной ассамблее параграфом 40 указа № 57/812 от 22 июля 1957 года, мы ходатайствуем, чтобы правительство немедленно прекратило испытания ядерного оружия во Французской Полинезии. Мы требуем, далее, чтобы правительство незамедлительно известило нас, намеревается ли оно произвести взрыв такой мощности, что будет разрушен весь остров Фангатауфа. Наконец, мы поручаем сенатору и депутату нашей территории поддержать данную резолюцию энергичными выступлениями в обеих палатах парламента».

29. ЗАПРЕТ НА ИЗДЕЛИЯ, ОПАСНЫЕ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ

В то самое время, когда Территориальная ассамблея обсуждала и утверждала приведенную выше резолюцию, в Папеете прошел слух, что население острова Туреиа находится в военном лагере на Таити! Журналисты пытались проверить правильность этого слуха, однако их встречали недоумевающими минами и ссылками на военную тайну. После чего верховное командование вдруг со-

вершило поворот на 180 градусов и предложило журналистам посетить 50 изгнанников с Туреиа, которые и впрямь обитали в военном лагере.

Один из офицеров по связи с прессой любезно сообщил, что их переселение на Таити отнюдь не связано с ядерными испытаниями. Они сами попросили французских военных моряков отвезти их на Таити для участия в празднествах по случаю 14 июля. Почему же их вывели 5 июля, за два дня до первого в сезоне ядерного взрыва? О, это чистая случайность; к тому же это позволило продлить им пребывание на Таити. Нехорошо, конечно, что они лишились возможности голосовать, но никто из них на это не жаловался. В лагере их разместили в коттеджах со всеми современными удобствами. Каждый вечер ходят в кино, днем играют в волейбол и в кегли. Загорают, катаются на парусных лодках и водных лыжах. Кормят их бесплатно в первоклассном ресторане лагеря. Во время празднеств губернатор, глава ЦТИ и другие офицеры снабдили их билетами на все мероприятия. Военные автобусы возили их бесплатно в Папеэте и обратно в лагерь.

Чтобы убедить некоторых скептиков, бестактно намекавших на то, будто жителей Туреиа просто-напросто похитили, поскольку остров оказался в опасной зоне, нескольких из этих счастливых гостей ЦТИ показали по телевидению. Они горячо благодарили военных за гостеприимство и жалели двух островитян, которые не захотели отправиться на Таити и остались на Туреиа. Это же просто глупо, на Таити так чудесно! Они поспешили опровергнуть абсурдное предположение, будто атомные взрывы могут быть опасными. Они уже видели десяток взрывов, и еще никто на острове от этого не умер. Сколько они собираются пробыть на Таити? Месяца два, так что в этом году им, к сожалению, уже не придется увидеть атомные грибы. Ну да ничего, им и здесь очень нравится.

Телевизионная передача натолкнула депутатов Территориальной ассамблеи на одну мысль. Почему бы не пригласить военных специалистов-атомников, несколько известных французских исследователей и всех ведущих местных политиков на телевизионную дискуссию, и чтобы зрители могли прислать по почте или задать по телефону свои вопросы? Один голлистский депутат предложил устроить также широкую дискуссию в Территори-

альной ассамблее. Оба предложения были единодушно одобрены; правда, ни та, ни другая дискуссии так и не состоялись.

Тем временем Теарики и Сэнфорд обнаружили, что упомянутый выше указ 1957 года дает Территориальной ассамблее право запрещать ввоз в колонию вредных для здоровья изделий. И поскольку военные продолжали взрывать одну вредоносную бомбу за другой, депутаты, проявив тонкое чувство черного юмора, выдвинули следующий проект:

«Параграф 1. Настоящим запрещается всякий импорт, перевозка, продажа и складирование, а также распространение в воздухе, на море, в реках и на почве радиоактивных веществ, за исключением используемых строго в медицинских целях.

Параграф 2. Порядок торговли и пользования ручными часами и будильниками со светящимся циферблатом, а также телевизионными приемниками будет определен позднее особым постановлением.

Параграф 3. Все поименованные в параграфе 1 изделия, обнаруженные в пределах территории, подлежат конфискации и возврату в страну, где они произведены.

Параграф 4. Нарушения караются максимальными наказаниями, предусмотренными постановлением № 238/МІ/АА от 19 марта 1958 года, а также соответствующими этому случаю наказаниями, предусмотренными Уголовным кодексом.

Параграф 5. Настоящее постановление надлежит зарегистрировать и довести до всеобщего сведения в установленном порядке».

Учитывая легко предсказуемую реакцию губернатора, вряд ли это постановление вошло бы в силу. Тем временем случилось именно то, чего все опасались: 24 августа 1968 года на атолле Фангатауфа была взорвана первая водородная бомба мощностью 2,5 мегатонны. Министр Робер Галле²⁹, ведавший научными исследованиями, совершил далекое путешествие из Парижа, чтобы созерцать это научное событие. На другой день он сообщил представителям мировой прессы, что все шло как по маслу: «Радиоактивное облако тотчас взмыло вверх и поплыло на восток между атоллами Актеон и Реао, вдоль биссектрисы клиновидной зоны». Для тех, кто недостаточно хорошо знает острова Туамоту, он мог бы добавить, что

Туреиа расположен всего в 40 километрах от этой биссектрисы. Возвратившись в Париж, Галле описал случившееся в газете «Монд» следующим образом: «Чем успешнее будут наши испытания, тем меньше их понадобится проводить. Причину понять нетрудно. Нет никакого смысла проводить множество взрывов и выбрасывать в стратосферу большие количества радиоактивных веществ, если это не дает нам ничего нового». Естественно, что многие на Таити сделали из этой официально объявленной рабочей гипотезы малоутешительный вывод, что французское правительство готово сколько угодно отравлять воздух и среду, лишь бы это сулило новые технические достижения.

В полном соответствии с этим принципом военное командование всего через две недели взорвало на Моруроа новую водородную бомбу мощностью около одной мегатонны. (Атолл Фангатауфа явно слишком пострадал, чтобы его можно было использовать повторно.) Наконец-то французским специалистам удалось повторить трюк, который их английские коллеги выполнили еще в 1957 году. Теперь оставалось сконструировать ядерное оружие, пригодное для военного применения. Ибо взорванные на Фангатауфа и Моруроа заряды все еще находились на стадии примитивного эксперимента. Предстояло придать им форму не слишком больших бомб, монтируемых на самолетах и ракетах-носителях. По расчетам французских специалистов, на эту сложную задачу должно было уйти по меньшей мере еще четыре года. Что опять-таки означало огромные расходы, хотя французское правительство после месячной остановки всех предприятий во время майских беспорядков 1968 года вынуждено было экономить буквально на всем. Министр обороны Пьер Месмер внес свой посильный вклад в кампанию по экономии. В сообщении, распространенном в октябре 1968 официальным агентством Франс Пресс, говорилось, в частности, о том, что во время намеченных на 1969 год новых испытаний океан в целях экономии больше не будет патрулироваться кораблями французского флота, наблюдающими за безопасностью, кроме того, численность личного состава будет сокращена на одну треть.

Эти меры позволили в 1969 году увеличить ассигнования на производство ядерного оружия и ракет-носителей до 6,5 миллиарда новых франков.

Год 1968-й был памятным. Во-первых, исполнилось 20 лет с тех пор, как Пуванаа впервые выдвинул требование об автономии. Во-вторых, минуло 10 лет, как его схватили и лишили свободы. И наконец, уже пять долгих лет военные беспрепятственно хозяйничали на островах.

Под влиянием этих горьких воспоминаний лидеры полинезийских автономистов удвоили свои усилия для решения трех названных проблем. Как уже говорилось, в начале года они ездили в Париж, чтобы сдвинуть с места процесс деколонизации. Затем два месяца в Территориальной ассамблее принимали резолюции и составляли проекты постановлений, призванных положить конец ядерным взрывам. К сожалению, им не удалось добиться каких-либо результатов. Однако они не падали духом и в дальнейшем сосредоточились на достижении третьей цели — освобождении Пуванаа.

Обстановка выглядела вполне благоприятной после основательной реорганизации правительства, предпринятой де Голлем вслед за его внушительной победой на выборах летом 1968 года. Так, из состава кабинета вышли два наиболее ненавистных автономистам министра — Помпиду и Бийот. Премьер-министром стал профессиональный дипломат Кув де Мюрвилль³⁰, министром по делам заморских территорий — депутат Эншоспе³¹, представлявший баскские провинции у испанской границы. Назначение последнего на этот пост вызывало серьезные сомнения: он не бывал ни в одной из колоний Франции и прежде занимался оптовой торговлей шерстью, что вряд ли могло ему пригодиться в новых заморских сферах деятельности, поскольку там никто не разводил овец и не торговал шерстью.

Все же тот факт, что Эншоспе избрал для своей первой инспекционной поездки Французскую Полинезию, произвел хорошее впечатление. В Папезте, куда он прибыл в сентябре 1968 года, сразу заметили, что у него добродушное круглое лицо и веселый, общительный нрав; эти черты выгодно отличали его от чопорного и нелюдимого генерала Бийота. Эншоспе несколько не возражал против встреч с автономистскими лидерами, которых так чурались его предшественники. Напротив, новый министр

сам пригласил их на беседу и прямо сказал: «В апреле у вас перед носом захлопнули дверь в Париже. Я приехал сюда чтобы отворить ее». С подкупающей откровенностью он добавил, что никто лучше баска не может понять стремление к независимости, что в душе он сам автономист. Возвратившись в Париж, министр подтвердил на пресс-конференции свою готовность вести переговоры с полинезийскими деятелями.

Такой поворот многим показался неправдоподобным. И неспроста. Фрэнсис Сэнфорд первым проверил искренность Эншоспе. Случай представился 4 ноября, когда в Национальном собрании обсуждались бюджеты заморских территорий на 1969 год. Отлично понимая, что бюджетный проект голлистской финансовой комиссии, как обычно, будет утвержден голлистским большинством без изменений, что бы он ни предлагал, Сэнфорд использовал семь минут, отведенные ему для выступления, в защиту Пуванаа, за автономию и против ядерных испытаний.

О Пуванаа он сказал, в частности:

«Я считаю недостойным для такой великой демократической страны, как Франция, обрекать на пятнадцатилетнее изгнание 72-летнего, наполовину парализованного узника, уже проводшего восемь лет в Бометт, Френе и других тюрьмах».

С не меньшей горечью критиковал он реакционную колониальную политику правительства:

«Как во Французской Полинезии, так и в Новой Каледонии представители партий большинства энергично требуют самоуправления для этих территорий. Я убежден, что правительство обязано незамедлительно начать переговоры с названными территориями».

Наконец, по поводу ядерных испытаний Сэнфорд выдвинул вполне оправданное требование, подкрепленное положениями французской конституции:

«Эти испытания навязаны нам военными, из-за них мы пребываем в постоянной тревоге, опасаясь, что еще больше возрастет число заболеваний лейкемией и раком. Кстати, я лично столкнулся с этой проблемой. Почему власти не устроили референдум? Почему, не считаясь с нашим мнением, обрекли нас на участь подопытных кроликов, приносимых в жертву на алтарь ударных ядерных сил?»

Говоря об опыте, Сэнфорд имел в виду недавнюю трагическую смерть от лейкемии своего четырнадцатилетнего сына.

Новый министр не стал уклоняться от ответа на выступление Сэнфорда. И сообщил, что при недавнем посещении Французской Полинезии сам убедился, «как тепло жители Туамоту относятся к подразделениям ядерных сил, которые часто оказывают им неоценимые услуги». «Вот почему,— продолжил он,— меня удивляет негативная реакция Территориальной ассамблеи. Однако переговоры, которые я намерен начать в январе 1969 года, несомненно помогут развеять все недоразумения».

По поводу Пуванаа Эншоспе высказался еще более оптимистически: «Я лично занимался его делом, когда находился в Папее. Хотя для решения этого вопроса необходима прежде всего общая разрядка, правительство продолжает изучать эту проблему в позитивном духе».

Сэнфорд подозревал, что автор этой новой, более гибкой политики — «серый кардинал» Елисейского дворца Жак Фоккар. А потому на другой день после парламентской дискуссии он воспользовался излюбленным приемом самого Фоккара и написал ему резкое письмо — смесь блефа и угроз, предупреждая, что дни Пуванаа сочтены и что весть о трагической кончине их метуа в изгнании вызовет бурную реакцию у полинезийцев. Предупреждение сопровождалось ультиматумом: Пуванаа должен быть возвращен живым на остров Таити до 1 декабря 1968 года.

Этот прием подействовал. Через четыре дня агентство Франс Пресс передало следующее сообщение:

«По случаю 50-летия дня перемирия 11 ноября 1918 года генерал де Голль подписал указ о помиловании господина Пуванаа а Оопа и отмене его ссылки. Этот гуманный акт связан с тем, что речь идет о ветеране первой мировой войны».

Во Франции это звучало прекрасно, если бы только нашелся человек, который заинтересовался такой ерундой и прочитал бы короткую заметку. Но на Таити никто из полинезийских деятелей не расценивал продиктованную политическими обстоятельствами, вынужденную и запоздалую уступку как «гуманный акт». Они ограни-

чились замечанием, что «настоящий акт является долгожданным первым шагом к нормализации отношений между нашей территорией и Францией».

Сэнфорд в своем последнем демарше напирал на то, что дни Пуванаа сочтены. Нет никакого сомнения, что именно поэтому правительство в Париже в конце концов согласилось отпустить Пуванаа домой на Таити, чтобы он мог проститься со своей родиной и народом. Первое впечатление, оставшееся у тысяч встречавших полинезийцев, когда Пуванаа рейсовым самолетом 30 ноября прибыл на Таити, подтверждало медицинские бюллетени. С большим трудом Пуванаа спускался по трапу, опираясь на Сэнфорда и Теарики. На пути от аэродрома до Папезте он лишь изредка с трудом поднимал руку, благодаря за цветы, которыми принарядившиеся полинезийцы забрасывали открытую машину. В мэрии Папезте он все время, пока продолжался приветственный церемониал с речами, музыкой и песнями, просидел в кресле, почти не двигаясь.

Особенно ясно стало, насколько Пуванаа стар и измучен, когда он под конец сам взял слово. Вместо того чтобы, как бывало, держать длинную пламенную речь, он произнес слабым голосом всего несколько слов. Поблагодарил всевышнего за то, что ему довелось вернуться на родину. Сказал, как это важно, чтобы все сотрудничали во имя общего блага. В заключение объявил, что он неповинен во всех тех преступлениях, которые ему приписали, и потребовал полной реабилитации.

Нехитрое жилище Пуванаа находилось всего в двух кварталах от мэрии. После приветственной церемонии большинство приверженцев проводили его до дома и радовались вместе с ним, когда Пуванаа вошел в дверь, которая в последний раз перед тем закрылась за ним 11 октября 1958 года, подведя черту под важнейшим периодом его жизни. Ничто не изменилось с той поры. Вся обстановка состояла из нескольких стульев, столов, циновок и подушек; на окнах висели яркие ситцевые занавески. На столе в гостиной лежала семейная Библия на таитянском языке. В углу стояло единственное удобное кресло, и Пуванаа тяжело опустился в него. Он не просто устал, похоже было, что он достиг своего жизненного предела.

31. ПОРА НАДЕЖД

Вскоре после освобождения Пуванана французское правительство приняло еще одно, почти такое же радостное для полинезийцев, решение. Спасая Францию от угрозы банкротства, оно отменило назначенные на 1969 год ядерные испытания. И несмотря на то что речь шла всего только о временной и вынужденной паузе, хотелось надеяться, что ответственные лица за это время всесторонне продумают проблему и поймут в конечном счете, что для такой страны, как Франция, тягаться в гонке вооружений с великими державами — чистое безумие.

Во всяком случае, теперь из трех первоначальных требований автономистов оставалось одно — скорейшая и коренная реформа устарелой колониальной системы правления. К их великому удивлению и удовлетворению, местные газеты и радио сразу по возвращении Пуванана принялись восхвалять смелые планы генерала де Голля по *децентрализации* и *демократизации* всей французской администрации. Суть так называемой региональной реформы³², намеченной президентом, сводилась к тому, чтобы передать значительную часть власти из рук технократов парижских министерств в руки местным выборным органам. Сэнфорд и Теарики проявили тут полное единодушие с генералом де Голлем и при каждом удобном случае официально заявляли, что полинезийские автономисты двадцать лет как раз и добивались такого самоуправления. Еще больше они возликовали, когда генерал де Голль возвестил, что весной (ибо весна — пора надежд) намеревается провести референдум по поводу намеченной реформы. Сколько раз они сами настаивали, чтобы именно этот прекрасный метод был использован для выявления чаяний полинезийского народа!

Правда, Территориальную ассамблею официально проинформировали об этом только 4 февраля 1969 года. Было получено нижеследующее письмо, подписанное секретарем губернатора:

«Господин председатель!

Ввиду намечаемой региональной реформы прошу вас не позднее 14 февраля сообщить мне ответ Ассамблеи на следующий вопрос: какая форма участия местных экономических и социальных групп в общественной жизни,

на ваш взгляд, лучше всего могла бы отвечать духу региональной реформы?»

Сам губернатор Сикурани не подписал письма по той причине, что уже несколько недель находился в Париже. Официально было объявлено, что он вызван для консультации, но ходили упорные слухи, что его сменит новый губернатор. Поэтому в том, что к Ассамблее обратился секретарь, не было ничего особенного. Но вот туманные формулировки заставили депутатов основательно поломать голову. Им не стало легче оттого, что секретарь губернатора на другой день прислал брошюру с бездной цитат из выступлений министров на тему о срочности и необходимости реформы. Текст самого законопроекта — вот что им требовалось. Тем не менее они постановили ответить на письмо: ведь это был самый подходящий случай подробнее изложить свой взгляд на то, какая реформа нужна Французской Полинезии. Составить требуемый доклад поручили двум наиболее мозговитым депутатам Ассамблеи, Анри Бувье и Даниэлю Милло.

Засучив рукава, они взялись за дело и сумели уложиться в срок. Доклад начинался следующими, вполне оправданными вопросами:

«Для начала нам хотелось бы знать, кто ответствен за форму, избранную для консультации с нами,— секретарь губернатора или французское правительство?»

Хотелось бы также знать, что подразумевается под выражением „местные экономические и социальные группы“?

И наконец, нам непонятно, почему секретарь губернатора просит нас ответить, ориентируясь на „дух региональной реформы“. Предположим, что мы не одобряем реформу. Как можем мы в таком случае представить доклад, отвечающий духу реформы, не поступаясь при этом нашими убеждениями? Или дело к тому и идет, чтобы принудить нас согласиться с реформой?»

Несмотря на столь запальчивое начало, Милло и Бувье в целом придерживались позитивного подхода. Они тщательно изучили текст брошюры, пытаясь выяснить, как же должна выглядеть региональная реформа во Французской Полинезии. И нашли только такие маловразумительные слова: «Точно так же в отношении заморских территорий следует разработать аналогичные, но применимые к местным условиям решения».

Исходя из этого, депутаты предположили, что французские островные владения в Тихом океане, то есть Французская Полинезия, Новая Каледония и острова Уоллис и Футуна, составят, так сказать, единый департамент со своим генеральным советом, наделенным значительными полномочиями. Но почему тогда секретарь губернатора ограничился словами об участии в общественной жизни *местных* экономических и социальных групп? Вопрос был чисто риторический, поскольку из разных источников они уже знали, что секретарь одновременно обратился к торговой палате, союзу работодателей и другим организациям предпринимателей. Иными словами, к тем категориям местного населения, которые в начале 1968 года недвусмысленно показали, как они представляют себе участие в общественной жизни, забросав камнями Территориальную ассамблею в ответ на предложение ввести однопроцентный налог с оборота. Самое поразительное заключалось в том, что упомянутые организации истолковали письмо секретаря по-своему: отныне они будут заседать в Территориальной ассамблее в качестве *назначенных* ее членов, не тратя времени попусту на выборы. Милло и Бувье удалось ознакомиться с копиями их ответных писем секретарю, из которых следовало, что предпринимателям, импортерам, пекарям и рестораторам будет отведено столько мест в Территориальной ассамблее, что они будут намного превосходить число народных избранников.

Территориальная ассамблея сочла всю эту историю настолько темной, что предложила секретарю губернатора незамедлительно прибыть и объяснить, на самом ли деле задумано создать корпоративную ассамблею фашистского толка³³. К сожалению, секретарь был слишком перегружен работой и никак не мог принять это приглашение. Тогда тандем в составе Милло и Бувье составил дополнительный доклад, подробно излагая, каким образом лучше всего было бы, на их взгляд, осуществить благородные идеи де Голля во Французской Полинезии. Речь шла, по существу, о программе реформ, которая уже была с успехом осуществлена на Коморских островах и во Французском Сомали: за Францией сохранялась ответственность только за оборону, зарубежное представительство и выпуск денежных знаков. Обязанности, выполнявшиеся губернатором, передавались премьер-мини-

стру, ответственному перед Территориальной ассамблеей, переименованной в Национальное собрание Полинезии. Доклад на 30 страницах оканчивался следующими многозначительными словами: «Таким образом, мы желаем с помощью французского правительства провести широкую реформу, которая покажет миру, что мы хотим оставаться французскими гражданами и после того, как прекратится колониальный статус территории».

Территориальная ассамблея одобрила доклад 18 голосами против 8.

Две недели спустя прибыл новый губернатор. Им оказался старый знакомый — секретарь генерала Бийота, корсиканец Пьер Анжели, который по поручению своего министра годом раньше принял на себя натиск автономистов в Париже. Референдум о региональной реформе де Голля, которая вызывала растущее недоумение также у большинства французских партийных лидеров, был только что назначен на 27 апреля. По действующим правилам, агитационная кампания могла начаться не раньше 14 апреля. Однако уже 4 апреля новый губернатор произнес по радио и телевидению длинную речь, призывая полинезийцев голосовать за региональную реформу.

Для начала Анжели сообщил, что, хотя он только что прибыл, он успел убедиться, что «никто на здешних островах не желает порвать узы, соединяющие с Францией». А потому вполне естественно, что «метрополия, в свою очередь, видит в дорогой Полинезии любимое детище и с материнской заботой печется о его воспитании, благе и счастье». В качестве примера того, что Франция уже сделала для населения, губернатор особо отметил «важный вклад вооруженных сил — новые аэродромы на Хао и на островах Гамбье». Трудно было выбрать более неудачный пример, ведь названные аэродромы предназначались для ядерных сил и с первого дня были закрыты для гражданского транспорта. Подобно римскому проконсулу, досконально изучившему ораторское искусство Цицерона, Анжели далее задал поистине риторический вопрос: «Но разве может правительство одно совершить что-либо здесь без помощи и содействия народа и его избранных?» Ответ, понятно, был отрицательный: «Без активного содействия граждан власти будут бессильны. Без необходимой поддержки частных групп администрация будет парализована».

Изобразив искреннее удивление по поводу того, какой оборот приняла его тщательно подготовленная и выверенная речь, губернатор сделал эффектную паузу и «признался»: «Ну вот, я невольно произнес это важное слово „содействие“. В этом как раз и заключена суть предстоящего референдума. Мы обращаемся за консультацией ко всем гражданам, и я пользуюсь случаем сказать несколько слов о смысле этого референдума в Полинезии. Только не подумайте, что я собираюсь повлиять на вас. Каждый гражданин волен голосовать по своему усмотрению. Тем не менее все должны знать, о чем идет речь».

Почему-то за любезным предложением информировать население последовало разъяснение того, о чем *не шла* речь: «Что касается заморских территорий, нет необходимости во всем следовать французскому примеру. Так, намечаемая децентрализация администрации, играющая важную роль во Франции, здесь лишена смысла, поскольку заморские территории и без того децентрализованы». Другими словами, губернатор пытался внушить слушателям, будто полинезийцы, сами того не зная, давно получили автономию.

Далее он поведал о единственном положении реформы, применимом на Таити, то есть о более широком участии граждан в управлении территорией. Как и опасались Милло и Бувье, подразумевалось начинить Территориальную ассамблею — выборный орган — многочисленными представителями торговли, ремесел и промышленности, *назначаемыми губернатором!* Главной целью этой затеи, разумеется, было лишить автономистов всякой возможности принимать одну за другой нехорошие резолюции, требующие немедленного прекращения ядерных испытаний, беспристрастного исследования последствий радиации для здоровья населения, большей автономии для полинезийского народа и т. п.

Конечно, губернатор ни словом не обмолвился об этом неизбежном следствии своеобразного осуществления региональной реформы де Голля во Французской Полинезии, зато последнюю минуту своего радио- и телевизионного выступления он посвятил лирическим излияниям, которых от него никто не ожидал: «На другом конце земного шара наша метрополия выходит из полосы тумана и стужи. Природа возрождается, весна стирает морщины

шмы. Мы же здесь окружены щедрой природой, которая непрерывно самовозрождается. Тем не менее труд человека везде есть труд. Чтобы быть плодотворным, он должен опираться на надежду, и эту надежду здесь олицетворяют 50 тысяч детей, которые будут переживать весну, когда для нас уже наступит зима».

32. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ О РЕФОРМЕ

Автономисты единодушно отвергли такую реформу. Губернатор старался зря, когда до срока начал агитацию своей напыщенной речью. К тому же, как представитель Французской Республики, он был обязан соблюдать беспристрастность. Но автономисты слишком привыкли к такого рода злоупотреблениям властью прежних губернаторов, чтобы протестовать по этому поводу. Больше всего их удручало, что сами они вынуждены ждать еще десять дней до 14 апреля, чтобы попытаться разъяснить полинезийским избирателям подлинный смысл ожидаемого референдума. И уж совсем они возмутились, когда обнаружили, что вопрос, на который гражданам предстояло ответить «да» или «нет», был сформулирован так же туманно, как и в самой Франции, а именно

«Одобряете ли вы предложенный президентом республики законопроект об учреждении региональных ассамблей и о реформе сената?»

Даже во Франции было нелепостью призывать избирателей высказаться о законопроекте столь длинном и мудреном, что он занял целых девять страниц в «Журналь офисьель». Не говоря уже о том, что было бессмысленно устраивать референдум по законопроекту, утверждение которого согласно конституции являлось исключительной прерогативой Национального собрания и сената! При таких обстоятельствах обращаться за ответом к жителям Французской Полинезии было не только нелепостью, но и сознательным обманом со стороны властей. Чтобы здешние избиратели могли высказать свое мнение, требовалось заблаговременно разослать полный текст законопроекта не только на французском, но и на таитянском языке. Как же решили власти эту нелегкую проблему? Пространный доклад, зачитанный лидером автономистов Бувье на заседании Территориальной ассамблеи 17 апреля, весьма красноречив:

«Согласно постановлениям, определяющим процедуру референдума 27 апреля, местным властям надлежит отпечатать и раздать избирателям, во-первых, бюллетени со словами „да“ и „нет“ и, во-вторых, текст законопроекта на французском и таитянском языках. Как поступили власти на самом деле? А вот как. Первым делом они отпечатали и распространили текст под заглавием „Разъяснения генерала де Голля по поводу законопроекта о создании региональных ассамблей и о реформе сената“. Достаточно бегло прочесть данный текст, чтобы со всей ясностью понять, что он представляет собой предвыборную речь, призванную убедить избирателей сказать „да“. Этот текст распространяется на французском и таитянском языках. Когда я обратился к начальнику административного отдела, он заявил мне, что, вопреки обычной предвыборной процедуре, местное правительство на этот раз не берет на себя распространение агитационного материала местных политических партий. Это ограничение означает, что население других островов Французской Полинезии не будет осведомлено о том, почему следует проголосовать отрицательно. Чтобы такой нечестный и противозаконный метод не исказил результаты референдума, Территориальная ассамблея должна потребовать от властей скрупулезного соблюдения действующего постановления, то есть чтобы текст агитационной речи генерала де Голля не рассылался избирателям.

Налицо и еще одно нарушение упомянутого постановления. Власти распространяют полный французский текст законопроекта на 13 страницах! А таитянский перевод умещается всего на *одной* странице. К тому же переведены лишь несколько абзацев, касающихся перестройки сената. О так называемой региональной реформе, предполагающей „пополнение“ нашей Территориальной ассамблеи представителями различных социальных и экономических групп, назначенными властями, не говорится ни слова.

Трудно поверить, что это случайное упущение. Очень уж оно похоже на те трюки, примеры которых мы повседневно наблюдаем. Смысл его, разумеется, в том, чтобы внушить полинезийским избирателям, будто данный референдум не меняет ничего в нашей форме правления. Вот почему я предлагаю, чтобы Территориальная ассамблея

1) обратилась в Государственный совет с протестом против того, чтобы разъяснение генерала де Голля распространяли среди избирателей во Французской Полинезии;

2) одновременно довела до сведения Государственного совета нарушения, допущенные при переводе законопроекта на таитянский язык, и подчеркнула при этом, что в Государственный совет будет внесена официальная жалоба, если названное упущение не будет немедленно исправлено;

3) потребовала от губернатора, во-первых, подготовки и распространения полного таитянского перевода законопроекта и, во-вторых, прекращения рассылки „разъяснения“ де Голля».

Послать телеграмму в Париж было несложно. Что же касалось наиболее срочных требований, то депутаты Ассамблеи обнаружили, что птичка, увы, улетела, а именно: губернатор отправился в поездку по другим островам вместе со своим секретарем и многими начальниками отделов. Отнюдь не для агитации, а просто чтобы напомнить островитянам о том, что для них сделал генерал де Голль. Только что помиловал Пуванаа, а еще раньше выделил миллиарды франков на повышение их жизненного уровня.

Ни в чем не повинный мелкий чиновник, которого разгневанные депутаты в конце концов разыскали по телефону, поклялся, что речь идет о «недоразумении» и обещал сделать «все, что в его силах, чтобы исправить ошибку, дополнив по радио и с помощью представителей администрации и жандармов (!) распространяющуюся до тех пор недостаточно полную информацию». До референдума оставалась только неделя. При всем желании (даже если бы оно наличествовало во всех звеньях административного аппарата) было невозможно сдержать это обещание.

Хотя обитатели прочих островов так и не узнали толком, о чем идет речь, 53 процента избирателей во Французской Полинезии отвергли предложение де Голля. Объяснить это можно прежде всего тем, что с 1963 года многие тысячи полинезийцев перебрались на Таити и могли участвовать в собраниях, организованных здесь Тсарики, Сэнфордом и другими лидерами автономистов. Конечно, исход референдума во Французской Полинезии,

как обычно, ничего не весил на французской чаше весов; от реакционной реформы островитян спасло лишь то, что в метрополии исход голосования оказался точно таким же — 53 процента голосов против.

Нисколько не обескураженный неудачей, губернатор Анжели с таким же ораторским рвением и с помощью таких же незаконных методов включился в президентские выборы, последовавшие за уходом де Голля. И опять не преуспел: во Французской Полинезии голлистского кронпринца Жоржа Помпиду победил никому не известный соперник — Ален Поэр³⁴. Правда, Помпиду все равно стал президентом полинезийцев, поскольку обеспечил себе подавляющее большинство во Франции. Тем не менее что-то полинезийцы на этом выиграли. Новый президент отправил в мусорную корзину все планы де Голля касательно региональной реформы.

33. ВЗРЫВЫ НА ВЫСОКОМ УРОВНЕ

В области внешней и оборонной политики Франции смена президента не повлекла за собой никаких перемен. Так, назначив министром обороны Мишеля Дебре³⁵ Помпиду предельно ясно показал, что намеревается следовать высочайшему примеру де Голля и предоставить приоритет ядерным ударным силам. Дебре не замедлил подтвердить это на пресс-конференции 13 ноября 1969 года, посвященной главным образом программе испытаний на 1970 год. Почему-то по его словам выходило, что *годовой* перерыв в испытаниях привел к *двухлетнему* отставанию специалистов в осуществлении своего перспективного плана. Умеренный депутат Дрон очень метко сравнил французские ядерные силы с ветхим ситроеном, который пытается соревноваться с гоночными машинами на треке и с каждым кругом все больше отстает от лидеров. Расходы, официально признаваемые правительством, к этому времени превысили 55 миллиардов франков.

Министерство обороны потому и поручили «чудотворцу» Дебре, что сложилась трудная ситуация. С присущей ему бодростью он заявил, что все дело в деньгах, и добился от Помпиду обещания выделить на ядерную программу еще 27 миллиардов франков, посулив, что первая эффективная водородная бомба будет готова че-

раз пять лет — в 1975 году. Энергичнее всех протестовали против такого стимулирования два пехотных генерала. Они прямо заявили, что на долю обычных вооруженных сил останется так мало денег, что армия не сможет защитить страну от наземного нападения. К тому же Франция в ближайшее время все равно не получит ядерного оружия, позволяющего оградить ее от нападения с воздуха.

Хотя в 1970 году в Полинезию было направлено немного военных кораблей, численность персонала на испытаниях, по официальным данным, возросла до 10 тысяч военных и до 4500 гражданских техников. Вместе с членами семей количество оккупационных сил достигло рекордной цифры — 18 тысяч. Новостью сезона было то, что первый взрыв назначили уже на 15 мая. Всего предстояло испытать восемь бомб; в большинстве случаев речь шла, как обычно, о «совершенствовании запального устройства» и «уменьшении габаритов». Однако серия предусматривала также взрыв «экспериментальной» водородной бомбы в начале июля; министр обороны Дебре собирался лично наблюдать это грандиозное зрелище.

Если все прежние эксперименты на Моруроа и Фангатауфе происходили в обстановке величайшей секретности, то теперь Дебре пригласил на фейерверк десятков специально отобранных репортеров наиболее крупных реакционных французских газет и еженедельников, рассчитывая заручиться доброжелательной рекламой великого национального предприятия, которое до тех пор несколько не трогало сердца французского народа. Благодаря восторженным репортажам этих журналистов мы, обитатели Таити, а также обитатели других островов наконец-то узнали побольше о проведении взрывов в атмосфере на островах Моруроа и Фангатауфа. Водородную бомбу мощностью около мегатонны подвесили на высоте 600 метров над атоллom к аэростату длиной 80 метров, наполненному 14 тысячами кубометров гелия; 3700 гражданских техников и военных, подготовивших эксперимент, покинули остров в последнюю минуту. Репортеры, Дебре и командующий испытаниями адмирал находились в день взрыва, 3 июля, в 50 километрах на борту военного корабля с особым защитным покрытием и многочисленными установками для быстрейшего удаления радиоактивных частиц. Перед самым взрывом

всем зрителям было приказано повернуться спиной к Моруроа. Но уже через минуту с небольшим они могли без помех любоваться огненным столбом, «светившим ярче солнца, и красивым радужным облаком, с безупречной симметрией распространившимся во все стороны».

Через шесть часов военные корабли вернулись на Моруроа, и все общество сошло на берег. Дебре первым делом искупался в лагуне. На окружающие острова, чье население не было эвакуировано, никто не высаживался. Жители Туреиа давно вернулись на родной островок, и на сей раз генеральный штаб пренебрег их горячим желанием совершить новую поездку на Таити, чтобы участвовать в патриотическом праздновании 14 июля.

Видно, журналисты все-таки интересовались, как распространяются радиоактивные осадки, ибо Дебре удостоил их (как писала «Фигаро» 7 июля 1970 года) следующего успокоительного разъяснения:

«Нельзя отрицать, что проводимые Францией ядерные испытания в Полинезии увеличивают количество радиоактивных частиц в атмосфере. Проблема заключается в том, чтобы определить степень этого увеличения; этим занимается Комплексная служба радиологической безопасности (КСРБ). Перед каждым взрывом она вычисляет степень опасности для населения, а после взрыва измеряет возникшую радиоактивность и изучает сферу ее распространения. Вот как это происходит. Перед каждым испытанием КСРБ снабжают основными данными о расчетной мощности бомбы и точном времени взрыва. Этот же контрольный орган ежедневно получает прогнозы погоды, рассчитанные на сорок восемь часов вперед. На основе всех этих сведений затем вычисляется геометрическая форма облака, количество радиоактивных частиц в нем и последующее их распределение. Эти данные позволяют контролерам разметить на карте образующуюся на высоте 30 километров массу радиоактивных осадков длиной 2100 и шириной 1500 километров».

Поскольку Дебре, как и большинство его предшественников, сам не вызвался принять депутатов Территориальной ассамблеи, они сделали первый шаг и заблаговременно пригласили его на «официальную беседу об актуальных проблемах». На другой день после взрыва Дебре, как это было заведено, ответил, что он, к сожалению, слишком занят и никак не сможет принять уча-

стие в беседе. Правда, у него все же будет случай встретиться с уважаемыми депутатами, поскольку они приглашены на «информационное совещание» в губернаторском дворце 5 июля.

Разумеется, во время неофициальных «информационных совещаний» не велись никакие протоколы; представители общественности и прессы не присутствовали. И если бы депутаты-автономисты сами тайком не делали записей, информация Дебре вряд ли стала бы достоянием гласности. Только собственные записи позволили Теарики в его по-прежнему выходящей только на французском языке газете подробно рассказать, что говорилось в данном случае за закрытыми дверями губернаторской резиденции.

«Встреча состоялась 5 июля 1970 года и началась в 10.40. Присутствовало около 30 человек, в том числе десяток представителей Территориальной ассамблеи, два высокопоставленных чиновника из канцелярии губернатора, члены министерской свиты и руководители Комиссариата по атомной энергии и Центра тихоокеанских испытаний. Царила атмосфера полной секретности. Не считая фотографа, который удалился, сделал три снимка, пресса не была представлена. Зато на встрече присутствовала тайная полиция. Беседа длилась недолго, всего час десять минут, причем 20 минут заняло вступительное сообщение Дебре.

Затем представитель автономистов Бувье взял слово и разобрал по пунктам выступление Дебре. Для начала он выразил сожаление, что Дебре не смог прибыть в Территориальную ассамблею, где все дебаты происходят открыто и записываются на магнитофон и где дозволено присутствовать журналистам. Тогда как на встрече при закрытых дверях слова испаряются, не оставив следа.

Далее Бувье коснулся утверждения министра Дебре, будто полинезийцы, за исключением немногих „сепаратистов“, всей душой привязаны к Франции. „Лично я не знаю среди депутатов ни одного сепаратиста,— возразил Бувье.— Однако истина не позволяет мне скрывать от вас, господин министр, что среди населения есть немало людей, мечтающих о независимой Полинезии“.

Бувье подверг подробному критическому разбору сообщение Дебре о том, как и для чего были созданы французские ядерные силы. Министр обороны говорил, что до

прошлого века Франция по численности населения занимала первое место в Европе, а потому была самой могущественной страной. Во всяком случае, ни одна отдельно взятая страна не могла бросить ей вызов. А вот в нашем столетии из-за падения рождаемости мощь Франции ослабла. Оттого и возникла необходимость компенсировать численное отставание *качественно* превосходящей обороной. Вот почему генерал де Голль уже в 1945 году решил начать исследования военного применения атомной энергии и с 1958 года всячески подстегивал эти исследования. „Ныне наши ударные силы достигли такой мощи,— заявил Дебре,— что ни одна держава в мире не решится напасть на Францию“.

Бувье отвечал, что, разумеется, оценивать мощь армии числом солдат — анахронизм. В наш атомный век ситуация, естественно, совсем другая. Но чтобы страна на самом деле могла „устрашать“ врага, располагающего ядерным оружием, она должна иметь примерно равную с ним огневую мощь, измеряемую мегатоннами. Такое равновесие налицо между США и СССР, но его нет между Францией и любой из названных держав. „Я сказал бы даже, что для Франции было бы самоубийством применить ядерное оружие против любой из этих великих держав“, — добавил Бувье.

Слова Бувье произвели впечатление взорвавшейся атомной бомбы. Лицо Дебре исказилось гневом, и он воскликнул дрожащим голосом:

„Господин Бувье, я запрещаю вам высказываться таким образом о нашей обороне и предупреждаю, что, если вы будете продолжать в том же духе, я покину помещение!“

После этого, несколько овладев собой, министр принялся перечислять все благотворные научные достижения и изобретения, которые без дополнительных затрат сопутствовали военным исследованиям в области атомной энергии. Однако Бувье был наготове и процитировал доклад, недавно опубликованный французским Национальным центром научных исследований. Вопреки утверждениям Дебре, из доклада следовало, что заставлять французских специалистов в области ядерной техники заново открывать то, что ученые других стран открыли и развили 20 лет назад,— чудовищное расточительство. Мало того, что они потерпели неудачу по всем

основным показателям; принудительное определение курса научных работ привело к тому, что были запущены другие, более полезные для общества области исследований.

Дебре назвал это рассуждение ребяческим и привел в качестве примера страну, далеко отставшую от Франции из-за отсутствия ядерной мощи,— ФРГ.

Бувье в ответ только улыбнулся и попытался выяснить, что сделано учеными Дебре для защиты гражданского населения Французской Полинезии от вредных последствий серии ядерных испытаний. Широко разрекламированное купание министра в лагуне Моруроа было воспринято всеми как яркое свидетельство „чистоты“ и безопасности французских бомб. Но в таком случае, заметил Бувье, Дебре на очередном заседании Совета министров с полным основанием может предложить, чтобы дальнейшие ядерные испытания производились во Франции. Такое решение не только успокоит жителей Французской Полинезии, но и намного удешевит ядерную программу.

На сей раз Дебре не нашелся, что ответить. Вернее, он ответил невпопад, заявив, что прыгнул в воду, потому что стояла жара и было очень заманчиво искупаться. Но Бувье не собирался так просто прекращать разговор о проблеме здоровья и задал министру еще один, гораздо более коварный вопрос. Во Франции есть подчиненная министерству социального обеспечения Национальная лаборатория по атомной радиации, призванная наблюдать за тем, чтобы гражданское население не подвергалось опасному облучению. Почему на этот институт не возложена также ответственность за защиту от радиации жителей Французской Полинезии? Почему вместо этого важнейшая задача контроля военных ядерных взрывов поручена *военному* органу — упоминавшейся ранее Комплексной службе радиологической безопасности? И наконец, почему французское правительство до сих пор не ответило на требование Территориальной ассамблеи, чтобы Французскую Полинезию посетила международная контрольная комиссия? Если, как утверждает французское правительство, нет никакой опасной радиации, оно должно быть заинтересовано в том, чтобы в этом убедились беспристрастные ученые.

Озадаченный градом вопросов, Дебре предложил

Бувье обратиться к специалистам из КАЭ и ЦТИ. Но хотя руководители обеих этих организаций присутствовали здесь же, они ничего не смогли объяснить, и воцарилась долгая напряженная пауза.

Нарушил молчание другой автономист, Даниэль Милло, который с невинным видом выразил горячее сожаление, что региональная реформа де Голля не осуществилась. А если все-таки можно хотя бы во Французской Полинезии провести предусмотренную его программой обширную децентрализацию? Скажем, расширить полномочия Территориальной ассамблеи и возложить исполнение всех ее решений на местное правительство, состоящее из выборных министров. Хотя Дебре отвечал только за оборонные дела, он не стал отмалчиваться, и было похоже, что его мнение совпадает с мнением Милло, а именно: министр считал вполне „нормальным, чтобы в такой территории, как Французская Полинезия с ее быстрым развитием в экономической и социальной областях, депутатам были предоставлены большие полномочия“.

Если они захотят обратиться к министру по делам заморских территорий, заверил Дебре, эти справедливые предложения, несомненно, встретят благожелательный отклик. Тот факт, что общительного баскского автономиста Эншоспе недавно сменил лидер голлистской фракции в Национальном собрании Анри Рэй³⁶, ничего не меняет. Ибо новый министр, как и его предшественник, стоит за политику открытых дверей. Кстати, он вскоре посетит Французскую Полинезию, чтобы обсудить с депутатами, как наилучшим образом решить немногие оставшиеся местные проблемы».

34. ЗАМОРСКИЕ ВОЯЖИ МИНИСТРОВ

Первого августа 1970 года местные газеты поместили телеграмму агентства Франс Пресс, извещающую о предстоящем визите министра Рэя во Французскую Полинезию. Министр должен был прибыть в Папеезе рейсовым самолетом 11 сентября и тотчас подняться на борт военного корабля, чтобы совершить инспекционную поездку на далекие Маркизские острова, расположенные в 700 морских милях к северо-востоку от Таити. 16 сентября он должен был самолетом вернуться в Папеезе и открыть

там две школы и плавательный бассейн. До вылета в Париж утром 18 сентября он еще намеревался посетить остров Муреа.

Депутаты Территориальной ассамблеи с удивлением столкнулись с этой программой, спрашивая себя, как же министр Рэй выберет время для обещанных Эншоспе и Дебре откровенных дискуссий о необходимых реформах. Губернатор заверил их, что вскоре будет получена подробная программа и они убедятся, сколь хорошо учтены их пожелания. Тщетно прождав две недели, Фрэнсис Сэнфорд сделал следующее заявление:

«Я обвиняю французское правительство в том, что оно высокомерно и пренебрежительно обращается с полинезийцами и их выборными представителями. Уже три года французское правительство отказывается дискутировать с нами. Министр Бийот дошел до того в своей бесцеремонности, что захлопнул дверь перед носом делегации Территориальной ассамблеи. В свою очередь, нынешний министр Рэй недавно отказался выслушать меня в Национальном собрании. И это несмотря на то, что премьер-министр перед тем в своем вступительном слове говорил о готовности правительства вести переговоры с представителями заморских территорий. Видимо, эта готовность распространяется только на жителей Французского Сомали и Коморских островов.

Обитатели других островов Тихого океана явно пользуются бóльшим расположением. Возьмем наших полинезийских и меланезийских соседей на Науру, Раротонге, Самоа, Фиджи и т. д. Они либо получили автономию, либо полностью независимы! Правительство в Париже допускает серьезную ошибку, упорно отказываясь вести переговоры с нами, представляющими большинство народных избранников. Это вредит его престижу не только здесь, на островах, но и во всем мире. Действуя таким образом, президент Помпиду обнаруживает свое намерение обращаться с нами так же недостойно, как обращался бывший президент де Голль. Он явно забывает о том, что мы, полинезийцы, в последнем референдуме голосовали отрицательно именно потому, что требуем большей справедливости и более широкой автономии.

Через три недели сюда прибывает с визитом министр по делам заморских территорий. Почему он начинает свое посещение с Маркизских островов? Может быть, со-

бирается проверить, нельзя ли там производить подземные испытания ядерного оружия? Привычные к тому, что нами пренебрегают, мы спрашиваем себя, захочет ли министр Рэй уделить нам несколько минут? Нашему терпению есть предел, и этот предел теперь достигнут».

Видно, так и надлежало действовать, ибо Париж почти сразу же сообщил, что, по счастливому совпадению, программа визита как раз утверждена во всех деталях. Из нее следовало, в частности, что четверг 17 сентября отведен для «беседы министра Рэя с выборными представителями территории». Выборные представители еще не забыли проведенные ранее никчемные беседы при закрытых дверях, а потому настаивали на настоящих переговорах и четких решениях. Поскольку Рэй в этом визите выполнял поручение премьер-министра, Сэнфорд направил премьеру Жаку Шабан-Дельмасу³⁷ следующую телеграмму:

«Большинство депутатов Территориальной ассамблеи и нижеподписавшийся протестуют против программы визита министра заморских территорий, включающей главным образом посещение удаленных архипелагов, тогда как следовало отдать предпочтение переговорам о проблемах Французской Полинезии с нами, выборными представителями народа. Мы расцениваем решение министра как попытку уйти от ответственности, а разработанную программу как туристскую поездку. Если программа не будет пересмотрена согласно нашим пожеланиям и министр не будет уполномочен вести с нами переговоры о желательных реформах системы правления, мы с настоящего момента будем изыскивать другие способы выражения нашего недовольства».

Поскольку Шабан-Дельмас и не подумал ответить, Постоянный комитет Территориальной ассамблеи постановил провести 12 сентября в 9 часов утра «дебаты о необходимых реформах системы правления», пригласив на них министра Рэя, который должен был прибыть на Таити накануне вечером. Согласно требованиям протокола, приглашение было передано губернатору, который ответил (разумеется, после консультации с Парижем) мастерски составленным посланием. Из него следовало, что министр отвергает это приглашение, поскольку «в официальных дебатах подобного рода участники высказываются с большой осторожностью, что мешает всесторон-

нему и откровенному обмену мнениями и влечет за собой высказывания, которые сами по себе, быть может, и обоснованны, но рискуют сорвать дебаты». Видимо сомневаясь, что столь изящно завуалированная угроза будет понятна всем адресатам, губернатор тут же уточнил:

«Это означает, другими словами, что пересмотр программы министра в этом важном вопросе неизбежно внесет такую неорганизованность в предлагаемые вами официальные переговоры, что невозможно будет принимать серьезные решения».

Единственным способом избежать нежелательных осложнений губернатор считал, как обычно, встречу с министром Рэем при закрытых дверях, и он призвал депутатов «в интересах дела» согласиться на этот испытанный метод.

Автономисты стояли на своем, и дело застопорилось. После долгих размышлений голлистское меньшинство в Территориальной ассамблее предложило компромиссное решение, явно подсказанное каким-то опытным дипломатом высокой квалификации. Речь шла о том, чтобы в роли приглашающей стороны выступал только Постоянный комитет, а не вся Территориальная ассамблея. По правилам, депутаты, не входящие в состав Постоянного комитета, могли присутствовать и высказываться, так что им было все равно, от кого будет исходить приглашение. А преимущество этой, казалось бы, ничего не значащей поправки заключалось в том, что министр мог не опасаться нежелательного присутствия прессы и общественности, ибо заседания комитета не являются открытыми. В то же время правила предусматривали ведение протокола; следовательно, все сказанное вскоре было бы предано гласности. День проведения дебатов с комитетом предоставлялось назначить самому министру Рэю.

Полагая, что единогласное требование скорее будет принято, автономисты согласились на предложенный голлистами хитрый компромисс. Расчет оправдал себя, министр Рэй не замедлил сообщить, что прибывает в зал Территориальной ассамблеи 17 сентября.

Хотя губернатор Анжели напирал на то, как важно обеспечить на предстоящих переговорах спокойную и непринужденную атмосферу, он сам всего через несколько дней допустил серьезный промах, вызвавший всеобщий переполох, а именно: 8 сентября 1970 года он выс-

лал с Таити французского нотариуса, который до той поры был надежной опорой и искусным защитником колониальной системы. Как обычно, губернатор воспользовался старым указом от 1932 года, позволяющим ему без всяких объяснений и судебных постановлений выслать любого человека — французского гражданина или иностранца. Упомянутого нотариуса под ложным предлогом пригласили в полицию к 8.30 утра и продержали там до 16.00, после чего отвезли на аэродром и посадили в самолет, вылетающий в Париж. Тот факт, что он по прибытии остался на свободе, был для него плохим утешением, так как ему пришлось оставить на Таити семью и свое дело. Всем нам было совершенно очевидно, что губернатор попросту отомстил нотариусу за то, что тот основал новую газету и дал возможность журналистам критиковать колониальную администрацию. Французские предприниматели и местные голлисты, считавшие нотариуса своим человеком, энергично протестовали против губернаторского произвола. Стремясь отвести от себя их гнев, губернатор проделал отнюдь не дипломатический маневр, заявив вдруг, будто нотариус втайне поддерживал Сэнфорда, Теарики и остальных злодеев-автономистов. Понятно, они возразили, что это, к сожалению, неправда; в то же время их крайне возмутило откровенное признание главы колониальной администрации, что сочувствие лидерам автономистов — достаточное основание для высылки. И снова Сэнфорд лучше других выразил общие чувства:

«Губернатор ведет себя словно диктатор. Никто не может чувствовать себя в безопасности. Любой может быть выслан. Это грубый произвол. Совсем как в прошлом, когда по велению короля заточали в Бастилию».

Пора, пора было явиться министру Рэю, чтобы одернуть темпераментного и неблагоразумного губернатора. Однако вопреки всем расчетам и ожиданиям министр, прибыв 11 сентября, сразу стал на сторону губернатора в новом споре, который тот тем временем успел затеять. На сей раз речь шла об одной, не возникавшей ранее протокольной проблеме. Должны ли депутаты явиться в здание администрации, чтобы приветствовать министра? Или ему следует прежде всего прибыть в зал Территориальной ассамблеи и обменяться рукопожатиями с народными избранниками? Губернатор считал первый ва-

риант единственно правильным. Депутаты не медля объявили, что они за второй. И сослались при этом не только на протокол, но и на то, что они хотят, чтобы министр Рэй открыл новое замечательное здание парламента. Вместо того чтобы пойти им навстречу, Рэй поддержал губернатора и через несколько часов отправился на Маркизские острова, не встретившись с негодующими депутатами.

Гнев их достиг предела, когда таитянское радио через несколько дней передало содержание речи, произнесенной министром Рэем в деревушке Таиохоаэ на острове Нуку-Хива. Он заявил, в частности, что «система управления территории вполне удовлетворительна и нет никаких причин изменять ее». Его слова не вызвали возражения у 400 обитателей Маркизских островов, которых интересовали исключительно цены на копру, морской транспорт и иные прозаические вопросы. На Таити же этот косвенный ответ лидерам автономистов, естественно, привел последних в ярость.

В назначенный день и час — в четверг 17 сентября в 9 утра они явились в здание Территориальной ассамблеи с портфелями, туго набитыми документами и записями, при помощи которых намеревались доказать свое конституционное право на самоуправление. Единственным, кого не доставало, когда председатель открыл заседание, был министр Рэй. Причину своего отсутствия он объяснил в письме, которое зачитал председатель:

Папезте, 16 сентября 1970 года

Господин председатель!

Во время моего нынешнего визита в Полинезию представители партий большинства в Территориальной ассамблее бойкотировали утвержденную программу, хотя она включала многие из предложенных ими пунктов.

Вследствие этого я не намерен присутствовать на завтрашнем внеочередном заседании Постоянного комитета. Представитель правительства не может мириться с тем, что во время официального посещения одной из территорий республики программа вдруг изменяется по причинам, с которыми он не может согласиться.

В доказательство моей готовности совместно с избранными народом представителями территории служить подлинным интересам Французской Полинезии я настоя-

щим приглашаю всех на встречу, которая состоится завтра утром в губернаторской резиденции.

*С глубоким уважением
Анри Рэй.*

«Встреча», на которую приглашал депутатов Рэй, была задумана по обычному сценарию — короткий разговор при закрытых дверях, без ведения протокола, с самим министром в роли главного оратора. В довершение всего время этого пустопорожнего мероприятия совпадало с собственным заседанием депутатов в зале Территориальной ассамблеи. А потому они спокойно продолжали обсуждать, каким образом вернее всего привлечь внимание к своим требованиям. Сэнфорд выдвинул предложение, которое всем понравилось: «Перед нашим зданием стоят три новехоньких флагштока. Давайте как зримое выражение наших стремлений поднимем посередине флаг ООН, справа — французский флаг, а слева — таитянский».

Затем он объяснил смысл каждого из трех символов. Трехцветное знамя означало, что полинезийцы желают сохранять определенные связи с Францией. Флаг ООН символизирует обещание, данное Францией этой международной организации, — помочь народам своих колоний стать свободными. Таитянский флаг (три продольные полосы — две красные и посередине белая), естественно, намекал на право и желание полинезийцев освободиться от зависимости. Закон предусматривал вывешивание французского флага на официальных зданиях; депутаты не обнаружили никаких постановлений, запрещающих использовать новые флагштоки задуманным ими способом. К тому же имелось несколько прецедентов официального использования таитянского флага, начиная со времен королевы Помарэ. Так, фронтовики поднимали его всюду, где им довелось сражаться, и никто им не мешал. Кроме противника, разумеется. Что до флага ООН, то многие депутаты видели его на флагштоках Парижа. Убежденные, что никаких юридических проблем не возникнет, члены Территориальной ассамблеи единогласно одобрили отличное предложение Сэнфорда.

Вот как получилось, что министр Рэй в тот же день, во время проводимой им в губернаторском дворце пресс-конференции, к своему удивлению и возмущению вдруг

увидел, что перед расположенным по соседству зданием Территориальной ассамблеи развеваются на ветру голубое полотнище ООН и какой-то совсем неизвестный красно-белый флаг. Губернатору и его секретарю было тотчас поручено проштудировать все кодексы, чтобы найти юридически безупречный способ прекратить оскорбительный для французской нации спектакль. Однако единственным законодательным актом, более или менее подходящим к случаю, оказался указ от 1932 года, запрещающий издавать газеты и журналы на иностранных языках. В том же указе говорилось о запрещении политических эмблем, «не выражающих достаточного уважения к французским властям». А что такое флаг, как не эмблема? И губернатор, торжествуя, позвонил председателю Территориальной ассамблеи и приказал немедленно убрать недозволенные флаги.

Председатель не возражал против необходимости соблюдать действующие постановления и напомнил губернатору, что все его обращения к Ассамблее должны быть оформлены письменно. Как только письмо губернатора будет получено и надлежащим образом зарегистрировано, председатель включит его рассмотрение в повестку дня, после чего Ассамблея обсудит и решит интересный вопрос — применим ли в данном случае названный указ. Всего доброго, мосье губернатор...

35. РОКОВАЯ ОПЛОШНОСТЬ

Поскольку министр Рэй предпочитал неофициальные встречи, автономисты решили явиться на аэродром утром 18 сентября 1970 года, когда министр вылетал во Францию. Правда, помещения аэропорта так же мало подходили для серьезной беседы, как и дворец губернатора. Но если все придут в специально заготовленных майках с полосами, повторяющими цвета таитянского флага, и надписью «автономия» через грудь, это напомнит Рэю напоследок, какой широкой поддержкой пользуется требование не медлить с реформами. Местные голлисты, проведая о задуманной демонстрации, в последнюю минуту ухитрились мобилизовать несколько сот приверженцев, которые обзавелись майками под цвет французского флага и с надписью «Французская Полинезия». Напуган-

ный толпами полинезийцев, собравшихся еще с ночи на аэродроме, губернатор направил туда все наличные военные подразделения. Вооруженные автоматами солдаты заняли стратегические позиции в здании аэропорта и вокруг него.

Когда министр Рэй, сопровождаемый губернатором Анжели, в 7.15 приехал на аэродром, он увидел толпу, которую разделял узкий проход посередине, охраняемый двумя шеренгами жандармов. Памятуя указания Сэнфорда и Теарики, демонстранты стояли спокойно и не произносили ни слова. В конце прохода ожидали лидеры автономистов; по бокам стояли два знаменосца, один с французским флагом, другой с таитянским. Не оглядываясь по сторонам, министр Рэй и губернатор Анжели быстро прошли через толпу и остановились там, где должна была состояться обычная прощальная церемония. Рядом с ними стояли начальник тайной полиции комиссар Арригьи и жандармский капитан Пигайо. На глазах у всех Арригьи наклонился к Пигайо и что-то прошептал ему на ухо. После чего жандармский капитан решительно прошагал к таитянскому знаменосцу, вырвал флаг у него из рук, сломал древко, швырнул обломки на пол и демонстративно наступил на полотнище. Не давая окружающим опомниться, он подобрал остатки и направился к уборной, сообщив на ходу, что собирается спустить эти остатки в унитаз.

Второй знаменосец не замедлил последовать примеру капитана. Бросил на пол французский флаг и принялся топтать его ногами, в чем ему охотно помогли стоявшие поблизости полинезийцы. Окружающие стали напирать, но Теарики и Сэнфорд удерживали их, крича, что ни в коем случае нельзя отвечать на провокацию и что вооруженные французские жандармы только и ждут повода вмешаться. Тем временем министр Рэй и губернатор Анжели удалились. Подчиняясь призыву Сэнфорда и Теарики, автономисты быстро покинули аэропорт и собрались перед зданием Территориальной ассамблеи, чтобы выразить свой протест против изощренного надругательства над таитянским флагом и снова поднять три полотнища, которые, согласно принятому накануне решению, постоянно должны были развеваться на новых флагштоках. Однако первым оратором был не Теарики и не Сэнфорд, а человек поменьше ростом и пошире в плечах —

исслуженный борец за свободу Пуванаа а Оопа! Он не считал окончательно, как рассчитывали французские врачи и правители, а чудом восстановил свои силы после двухлетнего отдыха и даже обрел былой пыл. Одетый, как и все автономисты, в красную с белым майку, он с прежним красноречием обратился к собравшимся, воодушевляя их такими же зажигательными лозунгами, как и 25 лет назад, когда он был первым и самым выдающимся лидером полинезийского народа.

В связи с этим митингом Постоянный комитет Территориальной ассамблеи провел заседание и единогласно принял резолюцию, где говорилось, что «оскорбление, нанесенное всему полинезийскому народу в присутствии губернатора Анжели и министра Рэя, может быть смыто только немедленной отправкой во Францию и наказанием ответственных за это лиц — начальника тайной полиции, который был инициатором позорного акта, и жан-дармского капитана, который был исполнителем».

Уже через несколько часов последовал первый ответ Анжели в виде наспех сформулированного и скорее всего противозаконного постановления, запрещающего вывешивать на официальных зданиях любые флаги, кроме французского. Вторым ответом явилось опровержение версии Постоянного комитета о происшедшем в аэропорту:

«Вы утверждаете, что это произошло при министре Рэе и при мне. Другими словами, представляете дело так, будто министр и я безучастно могли наблюдать такой инцидент. Это совершенно ошибочное толкование. Конечно, я обратил внимание, что в зале ожидания царил некоторое возбуждение, когда мы туда вошли, однако я не наблюдал ничего похожего на какой-либо инцидент с флагом».

Председатель Постоянного комитета ответил с тонкой иронией:

«Мы утверждаем, что инцидент произошел в вашем присутствии и в присутствии министра Рэя, не говоря и даже не намекая на то, что вы его *наблюдали*. Чтобы наблюдать инцидент, вам надо было смотреть в ту сторону. Не полагаясь на собственную зрительную память, я на всякий случай опросил других очевидцев, и все они подтверждают мое мнение: министр Рэй и вы упорно глядели прямо перед собой, вероятно для того, чтобы не ви-

деть великое множество стоявших слева автономистов».

Когда члены Правительственного совета на очередном заседании поинтересовались судьбой резолюции Постоянного комитета, губернатор продолжал настаивать на том, что он не заметил на аэродроме никакого инцидента, а потому не намерен ставить на обсуждение вопрос о каких-либо наказаниях. В знак протеста против столь откровенной лжи все члены совета покинули зал. К сожалению, действующие постановления были сформулированы так, что они не имели права обсуждать какой-либо вопрос, если губернатор был против. В итоге комиссар Арригьи и капитан Пигайо остались на Таити и продолжали исполнять свои обязанности.

В тот же день, как об этом стало известно на Таити, газеты поместили высказывание, сделанное министром Рэем по возвращении в Париж. Министр считал, что «во Французской Полинезии нет никаких политических проблем. Я объяснил это местным лидерам, подчеркнув, что французское правительство всегда добросовестно выполняло все свои обязанности».

36. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ КОМИССАРА АРРИГЬИ

При таком обилии антифранцузски настроенных лиц в Территориальной ассамблее комиссар Арригьи считал своим патриотическим долгом в дальнейшем попристальнее следить за ними. А потому он приказал двум из своих наиболее способных агентов регулярно являться в зал заседаний и внимательно слушать дебаты. Поскольку все дебаты происходят при открытых дверях, фиксируются в протоколах и публикуются, такая мера может показаться излишней. Но если учесть, что речи произносятся по-разному, что протоколы не отражают оскорбительные интонации и презрительные жесты, нетрудно понять оправданность дополнительного наблюдения. На беду для одетых в гражданское агентов они оказались единственными слушателями на гостевых скамьях, так что Сэнфорд, Теарики и прочие автономисты тотчас обнаружили слежку. Даже когда опытные люди Арригьи искусно маскировались при помощи темных очков, им, увы, не удавалось провести депутатов.

Желая показать Арригьи всю смехотворность его не-

уклюжих потуг, один из лидеров автономистов 30 октября 1970 года вынес на рассмотрение Ассамблеи вопрос: как объяснить, что два полицейских агента в рабочее время сидят и слушают дебаты? Дескать, не может же быть в свободной, демократической стране, чтобы они делали это по приказу начальства. Так что единственное возможное объяснение заключается в том, что они пренебрегают служебными обязанностями исключительно ради того, чтобы удовлетворять свой страстный интерес к механике действия парламентской системы.

Как ни лестно было депутатам наблюдать такую тягу к самообразованию, они все же постановили обратиться к губернатору с предложением, чтобы тот наложил взыскание на упомянутых государственных служащих за прогулы...

Вскоре агенты исчезли с гостевых скамей, и депутаты заключили, что комиссар Арригьи все же не совсем лишен чувства юмора. Однако этот вывод оказался преждевременным. Просто комиссар на два месяца уезжал в отпуск во Францию. Когда он возвратился на Таити в феврале 1971 года, Постоянный комитет Территориальной ассамблеи принял следующую резолюцию:

«Общеизвестно, что начальник тайной полиции комиссар Арригьи после двухмесячного отпуска возвратился на Таити, чтобы вместе с губернатором подготовить агитационную кампанию проправительственного кандидата на предстоящих выборах в муниципалитет Панаэте.

Цель настоящей резолюции — стремление выяснить, какова же политическая деятельность администрации. Поэтому мы просим губернатора Анжели проинформировать нас относительно: 1) своей политической деятельности и такой же деятельности комиссара полиции Арригьи; 2) законов и постановлений, позволяющих им заниматься такой деятельностью».

Губернатор по привычке ответил, что Территориальная ассамблея не вправе заниматься вопросами такого рода. Но так как на сей раз речь шла не о вопросах обороны, Постоянный комитет решительно заявил, что «вопросы местной политики — исключительная прерогатива населения и его выборных представителей, а вот администрации и полиции они не касаются». Губернатор предпочел в дальнейшем помалкивать.

Французское правительство придавало столь большое значение назначенным на май 1971 года выборам в муниципалитет потому, что исход их был определяющим для более важных выборов — в Сенат, которые должны были состояться позже. Согласно действующим правилам, Французская Полинезия выбирала сенатора раз в девять лет; в коллегия выборщиков наряду с депутатами Территориальной ассамблеи входили только муниципальные советники четырех городов территории — Папеэте, Утуроа, Фааа и Пираэ. В Ассамблее автономисты располагали значительным большинством, в Фааа также впереди шли автономисты; в Пираэ преимущество имели голлисты, а в Утуроа силы были равны. Таким образом, все зависело от результата муниципальных выборов в Папеэте. Если бы бывший мэр Альфред Порои вернулся на этот пост, он мог бы считать, что место сенатора ему обеспечено.

Как приверженцы, так и противники Порои видели в нем ведущего представителя устарелой колониальной системы и самого яркого защитника ядерных баз, «обеспечивающих благосостояние территории». Его надежды на реванш после досадного поражения в 1966 году основывались прежде всего на том, что тысячи французских военных, технических специалистов и предпринимателей, командированных или добровольно обосновавшихся в Папеэте после начала ядерных испытаний, несомненно должны были отдать ему свои голоса. Если добавить гарантированную мощную поддержку со стороны администрации (в виде «служебной информации», бесплатного печатания агитационных материалов и устного запугивания избирателей), было похоже, что троице Анжели — Арригьи — Порои обеспечена победа. Однако никто не учел, что в Папеэте появилась новая многочисленная категория избирателей — около 15 тысяч полинезийцев, обитателей жалких трущоб в предместье, переселившихся на Таити в 1964—1968 годах с Туамоту и Тубуаи, с Маркизских и Подветренных островов. Такой капитальный просчет со стороны партийных стратегов может показаться непонятным; скорее всего он объясняется тем, что перепись населения не производилась и никто толком не знал, сколько жителей в городе. Как бы то ни было, новые пролетарии проголосовали за автономистских кандидатов, те победили на выборах с пере-

весом в тысячу голосов и заняли все 27 мест в муниципалитете. Вряд ли можно считать случайностью, что комиссар Арригьи навсегда покинул Таити уже через неделю после выборов.

Таким образом, Порои пришлось оставить всякую надежду на возвращение в ряды сенаторов: из 118 выборщиков, которым предстояло голосовать 26 сентября 1971 года, две трети составляли автономисты. Единственным кандидатом, пользовавшимся их доверием, был Пуванаа а Оопа. Правда, ему исполнилось 76 лет и его изнурило долгое заточение. Но после того, как генерал де Голль исчез с политической арены, Пуванаа мало-помалу оправился. А после политического реванша во время инцидента с флагами он вновь даже начал разговаривать с речами по трущобам и сельским местностям. Его несложная программа оставалась прежней: Полинезию полинезийцам. Порои даже не стал выдвигать свою кандидатуру, и единственным соперником Пуванаа был голлист Эмиль Ле Кай. На голосование явилось 111 выборщиков, и им потребовалось меньше пяти минут на то, чтобы опустить бюллетени в урну. Подсчет показал, что Пуванаа получил 74 голоса, Ле Кай — 37. Новый сенатор ограничился следующим кратким заявлением:

«Я по-прежнему требую полной реабилитации для себя. Данные выборы ничего не изменяют в этом смысле. Меня избрал полинезийский народ. Но в 1958 году меня осудило французское правительство. Однако я виню не французские законы — они превосходны, а виню я тех, кто применяет их так, как это было в случае со мной.

Моя политическая карьера началась 50 лет назад, когда я вернулся с первой мировой войны. Уже тогда я обнаружил, что в метрополии гражданские права и свободы стоят гораздо больше, чем во Французской Полинезии. Мое участие в данных выборах, приведшее к избранию меня сенатором, вызвано тем, что наша борьба за свободу Полинезии еще не увенчалась успехом».

37. ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕФОРМА

К этому времени Анри Рэя на посту министра по делам заморских департаментов и территорий уже сменил бывший министр обороны и бывший офицер иностран-

ного легиона Пьер Месмер. На Таити это было воспринято как дурной знак, говорящий о том, что Помпиду намерен взять строптивых автономистов в ежовые рукавицы. Однако Месмер всем на удивление принялся разглагольствовать о том, что необходимо предоставить полинезийцам больше прав и ответственности. Из чего многие сделали вывод, что Рэю пришлось уйти с министерского поста, потому что ему недоставало гибкости и такта.

Увы, очень скоро выяснилось, что задуманная Месмером реформа подразумевала изъятие одной четверти годового бюджета, которым располагала Территориальная ассамблея, и распределение этих средств между четырьмя десятками новых коммун. Депутаты ассамблеи немедленно возразили, заявив, что, во-первых, согласно действующему законодательству, образование новых коммун является *их* прерогативой, и они намереваются и впредь заниматься этим по мере надобности и возможности; а во-вторых, когда они несколько лет назад собрались образовать семь новых коммун, именно французское правительство своими темными маневрами сорвало это дело.

Случившееся затем показывает еще раз и, пожалуй, с особенной отчетливостью, как мало весят голоса избранных полинезийского народа и как легко Франции навязывать им свои решения. Ибо агентство Франс Пресс вскоре бодро известило, что десять голлистских и союзных с ними депутатов, никогда не бывавшие на островах, выдвинули в Национальном собрании «либеральный» проект резолюции, призывающий предоставить жителям Французской Полинезии «коммунальную автономию». Ближайшее изучение этого проекта обнаружило, что предполагается не только изъять часть сумм из бюджета Территориальной ассамблеи, но и подчинить новые коммуны новому органу, в котором будут преобладать колониальные чиновники! Таким образом, подлинной и весьма реакционной целью «либеральной» реформы было лишить и без того слабую Территориальную ассамблею части ее полномочий.

Губернатор Анжели, всегда послушный своим начальникам в Париже, поспешил совершить несколько поездок по островам, чтобы объявить там радостную новость: наконец-то жители Французской Полинезии получают ав-

тономии, которой так долго добивались. «Нельзя мириться в XX столетии,— говорил он,— чтобы вами правили властители, находящиеся в сотнях километрах за горизонтом». Число километров ясно показывало, что подразумевалось избавление от гнета Территориальной ассамблеи, а не правительства в Париже. Добавим, что, когда Территориальная ассамблея в 1964 году задумала образовать семь новых коммун на Таити, тогдашний губернатор Сикурани по указанию из Парижа помешал этому, непомерно затянув рассмотрение проекта. Противодействуя автономистам, Сикурани напирал на то, что проектируемые коммуны имеют столь малочисленное население, что не смогут быть жизнеспособными».

Когда Национальное собрание приступило к обсуждению голлистской резолюции, Сэнфорд ловко начал свое выступление чтением длинных цитат из подробного обоснования Сикурани, почему во Французской Полинезии невозможно создавать новые коммуны. При этом он воспользовался случаем преподать десяти авторам резолюции необходимый урок географии:

«Во время референдума в апреле 1969 года на 30 обитаемых островах группы Туамоту — Гамбье насчитывалось 3065 избирателей, приписанных к 40 избирательным участкам. Получается в среднем 77 избирателей на один округ; фактически в двух округах было меньше 20 избирателей и только в одном — более 200. На десяти Маркизских островах насчитывался 1791 избиратель. Они были приписаны к 18 избирательным участкам, в среднем по 100 на округ. Однако в трех округах было меньше 40 избирателей, и только в одном больше 250. На пяти островах Тубуаи числилось 13 избирательных округов и 1816 избирателей, в среднем по 140 человек на округ. На пяти Подветренных островах было 5130 избирателей, приписанных к 27 участкам, то есть в среднем по 190 человек на округ. Наконец, на трех обитаемых Наветренных островах — Таити, Мурее и Маиао на избирательный участок приходилось 458 человек, поскольку округов было 25, а количество избирателей составляло 11 463».

Эти красноречивые цифры дали повод Сэнфорду слегка подшутить над нелепым и нереалистичным предложением голлистов «сгруппировать далеко разбросанные избирательные округа в трех десятках коммун, причем в каждой будет жизненный центр, призванный своей

активной деятельностью удерживать население на родных островах». Вот едкий комментарий Сэнфорда:

«В данном случае авторы проекта пытаются обмануть не только Национальное собрание, они обманывают сами себя. Неужели они верят, будто что-нибудь изменится, если они на бумаге соединят в одной коммуне население трех-четырех островков, с большим трудом кормящееся рыбной ловлей и заготовкой копры? Оттого, что вы назовете один из островов „жизненным центром“, разделяющие их расстояния в 100, 200, 300 километров несколько не сократятся. Видел ли кто-нибудь, чтобы во Франции объединение трех деревушек в одной коммуне помешало бегству жителей из деревни? Вряд ли. В Полинезии, как и во Франции, чтобы удержать население на месте, прежде всего нужны новые производственные объекты, а не пустопорожние бюрократические конструкции.

Создание на бумаге множества новых полинезийских коммун приведет лишь к необходимости найма легиона бюрократов для заполнения никому не нужных бумаг, к дальнейшему строительству излишних административных зданий, к бессмысленной растрате и без того недостаточных ресурсов территории. Авторы проекта считают важным аргументом в пользу своей реформы „сближение администрации и граждан“. Забавный аргумент, если учесть, что первым следствием „реформы“ будет передача Парижу полномочий, до сих пор принадлежавших Территориальной ассамблее в Папезте».

Выступление Сэнфорда было встречено язвительными возгласами голлистов, после чего авторы проекта под бдительным оком Месмера не поленились нажать кнопки с надписью «да» за трехсот отсутствующих коллег. Таким образом, инспирированная правительством резолюция была принята подавляющим большинством голосов. Оставалось выяснить мнение Сената. Сенат, как это нередко бывало, счел решение Национальной ассамблеи скороспелым и недостаточно продуманным. К тому же оказалось, что не учтено одно важное положение конституции, а именно: что в таких случаях надлежит запрашивать мнение Территориальной ассамблеи той заморской территории, о которой идет речь. Естественно, на все это потребовалось время. И когда проект в октябре 1971 года наконец вернулся в Сенат, полинезийская Тер-

риториальная ассамблея успела отредактировать его почти до неузнаваемости. Большинство сенаторов решило, что следует дать полинезийцам возможность самим распоряжаться своей судьбой, и одобрили новую версию. Однако по голлистской Конституции 1958 года последнее слово принадлежит Национальному собранию. И когда этот вопрос в конце декабря 1971 года вновь появился в его повестке дня, «войско» Месмера немедленно восстановило первоначальный текст и утвердило его электронным большинством.

Как только весть об этом парламентском трюке дошла до Таити, Территориальная ассамблея обратилась в Государственный совет и потребовала объявить новый закон о коммунах недействительным, поскольку он противоречил параграфам 40 и 74 французской конституции. На этом депутаты Ассамблеи выиграли только двухмесячную отсрочку. Сразу после того как Государственный совет отверг требование депутатов, губернатор Анжели назначил на 16 марта 1972 года экстренное заседание Территориальной ассамблеи, чтобы доложить, как он намеревается проводить в жизнь новую «либеральную» реформу. Для начала он с гордостью сообщил радостную весть: только что стало известно, что президент Помпиду постановил провести референдум по вопросу о Европейском экономическом сообществе и обитатели Французской Полинезии удостоены чести участвовать в этом референдуме. К великому разочарованию губернатора, слушатели восприняли эту весть равнодушно. Они не стали бурно ликовать по поводу того, что им представляется возможность эффективно воздействовать на мировые события, а ухватились за слово «референдум» и предложили незамедлительно провести такое мероприятие во Французской Полинезии с целью выяснить мнение жителей о муниципальной реформе, которую французское правительство так настойчиво, с применением всяких уловок навязало им.

Но сперва полинезийцам пришлось волей-неволей участвовать 23 апреля 1972 года в абсурдном народном опросе, призванном выяснить отношение французов к давным-давно решенному в Брюсселе вопросу о присоединении Англии, Ирландии и Дании к «Общему рынку». Даже французских избирателей было не так-то просто заинтересовать столь отвлеченной проблемой, что

же тогда говорить о далеких тихоокеанских островах, где об Англии, Ирландии и Дании знали примерно столько же, сколько знали в Европе о Маркизах, Гамбье и Тубуаи. Бедняга губернатор совершенно выбился из сил, распространяя бюллетени и агитационные материалы; по радио и телевидению одна за другой звучали зажигательные пропагандистские речи. Тем не менее когда наступил великий день, 56 процентов полинезийцев воздержались от голосования; за предложенное решение проголосовали лишь 30 процентов. Во Франции соответствующие цифры были немногим лучше — 40 процентов и 35.

Территориальная ассамблея надеялась, что теперь-то наверняка состоится предложенный ею куда более важный референдум о судьбах коммунальной реформы. Но французское правительство и губернатор, как и следовало ожидать, успели утратить интерес к дальнейшим народным опросам. Вместо этого в один прекрасный день был обнародован указ о выборах тысячи советников для 44 новых муниципалитетов. Что ни говори — невиданная прежде демократия: отныне каждый полинезиец мог рассчитывать хотя бы раз в жизни побывать на месте мэра или муниципального советника! Возможно, по этой причине день выборов 9 июля 1972 года вылился в большой народный праздник, в ходе которого на время были забыты все политические тревоги и проблемы.

38. «РАДИОТЕРАПИЯ» И ТЕЛЕУПРАВЛЕНИЕ

Непредвиденный референдум в апреле 1972 года и внезапно назначенные два месяца спустя муниципальные выборы оказались тем более некстати, что в программе года давно уже значилось другое, более важное мероприятие. Речь шла об очередных выборах в Территориальную ассамблею, назначенных на 10 сентября 1972 года. Вновь встала на первый план вечная проблема, связанная с разбросанностью населения и недостаточно развитым воздушным и морским сообщением между Таити и остальными островами. Как обычно, единственным способом победить расстояние и поддерживать связь было выступать с предвыборными речами по радио. (На Таити важную роль играло еще и телевидение.) Согласно конституции продолжительность времени вы-

хода в эфир должна была регулироваться соглашением между французской государственной радио- и телевизионной компанией ОРТФ и Территориальной ассамблеей. Но годы шли, а соглашение все еще не было заключено, несмотря на повторные напоминания депутатов.

Так, сразу после крупной победы на территориальных выборах 1967 года автономисты предложили следующий проект резолюции, который был единогласно утвержден Ассамблеей:

«Статья 40 указа № 67/812 от 22 июля 1957 года предписывает, что между Территориальной ассамблеей и французским государством должно быть заключено соглашение относительно организации и использования радио и телевидения. Исходя из указанного выше, мы ходатайствуем, чтобы Правительственный совет незамедлительно разработал проект такого соглашения, обеспечивающий территориальным органам возможность информировать население по радио и телевидению о своей деятельности и своих решениях. Мы считаем также, что во время предвыборных кампаний политические партии должны иметь доступ к этим современным средствам массовой информации для контакта с избирателями. Еще лучше было бы, если бы ОРТФ проводила дискуссии с участием политических деятелей и журналистов. Ибо нет никаких уважительных причин лишать нас, французских граждан Полинезии, доступа к средствам массовой информации, открытым для наших соотечественников во Франции. Кто станет утверждать, будто мы, полинезийцы, не способны достойно и выдержанно участвовать в дискуссии за круглым столом? Возможно, первые попытки не будут идеальными, но мы несомненно способны освоить нужные приемы. Все прогрессивные люди согласятся, что осуществление нашего предложения будет способствовать информации населения и стимулировать интерес к актуальным проблемам».

Губернатор Сикуруани ответил с похвальной быстротой уже 12 января 1968 года, но ответил лишь для того, чтобы снять с себя всякую ответственность.

«Господин председатель!

Недавно вами переслана выписка из протокола относительно резолюции, принятой Территориальной ассамблеей 19 декабря 1967 года, в которой выражается пожелание воспользоваться передатчиками ОРТФ.

Я немедленно переслал все документы министру заморских территорий с просьбой направить их в правление ОРТФ, поскольку лишь оно уполномочено заключать соглашение о том, кому разрешается пользоваться аппаратурой „Радио Таити“».

Прошло полгода, а правление ОРТФ не потрудились даже подтвердить получение документов. Тогда депутаты Ассамблеи столь же единодушно утвердили новую резолюцию, которая снова пошла по бюрократической лестнице в правление ОРТФ. Новая резолюция на всякий случай излагала сказанное в первом варианте, но дальше тон был куда более резким:

«Нашему терпению пришел конец, и мы требуем, чтобы:

1) губернатор напомнил правлению ОРТФ, что документы ему направлены, и потребовал быстрее решения вопроса;

2) социально-экономическому комитету Ассамблеи немедленно было поручено разработать проект соглашения в соответствии с высказанными нами пожеланиями. После одобрения нами этого проекта он может явиться основой для переговоров с ОРТФ».

Однако разработанный проект соглашения постигла та же печальная участь, что и многие другие проекты и послания, переправленные губернатором в Париж. Он попал в кипу «текущих дел», уже много лет обраставших пылью в министерстве по делам заморских территорий в Париже.

Таким образом, четыре года спустя, когда подошел срок третьих и последних выборов, проводившихся в 1972 году, все электронные средства массовой информации по-прежнему контролировались губернатором. Поскольку пятерка членов Правительственного совета представляла автономистов, они проявили дерзкую инициативу: 16 августа 1972 года выдвинули предложение, чтобы местная теле- и радиостанция во время предстоящей предвыборной кампании каждую неделю отводила один час для четырех местных партий. Требование весьма скромное, и местная дирекция ОРТФ вполне могла бы его удовлетворить, не нарушая никаких параграфов. Но губернатор не признавал за местной дирекцией права решать такие вопросы. И он обратился в Париж, к министру по делам заморских территорий. Когда полинезийские

«министры» неделей позже опять собрались на заседание совета, губернатор выразил удивление по поводу того, что ответ до сих пор не получен, и, напустив на себя мрачный вид, добавил, что боится, как бы эта задержка не оказалась предвестием отрицательного вердикта. Члены Правительственного совета были к этому готовы и требовали четкого и ясного ответа. Трое из них даже покинули зал заседаний в знак своего недовольства.

Как всегда перед важными выборами, губернатора в это самое время вызвали в Париж для консультаций. Правительственный совет выдвинул прекрасное предложение: почему бы ему не воспользоваться случаем лично напомнить министру, чтобы тот не мешкал с ответом на послание от 16 августа? Губернатор добросовестно выполнил это поручение и привез предельно ясный ответ. Увы, *отрицательный*. На этот раз все пять членов совета с возмущением покинули зал. Разумеется, это никак не повлияло на свершившийся факт — продукт изощренной тактики проволочек. До выборов оставалось всего четыре дня, и время уже не позволяло подготовить предвыборные выступления по радио и телевидению.

Непосвященный человек может заключить, что категорический запрет в одинаковой мере касался всех четырех политических партий. Ничего подобного. Во-первых, на стороне местных голлистов было огромное преимущество, заключавшееся в том, что губернатор, высокопоставленные чиновники и именитые гости частенько выступали по радио и телевидению, превознося программу своей партии. В разряд именитых гостей входили прежде всего голлистские деятели, которым предоставлялась возможность спокойно и не торопясь излагать, почему большинство жителей Франции голосует за правящие партии. Так, во время кратковременного визита на Таити генерального секретаря партии «Союз демократов в защиту республики» Томазини все, что говорилось им и его приверженцами на партийном митинге, было передано по радио и телевидению, хотя они разглагольствовали два часа сорок минут! А вот на выступления Пуванаа, Теарики и Сэнфорда был наложен строжайший запрет. Даже когда они устраивали пресс-конференции, местная радиостанция уделяла этим событиям всего несколько минут, причем заявления самих лидеров «излагались» репортерами ОРТФ. На телеэкране при этом показывали

лишь портреты выступавших, и только изредка дирекция позволяла режиссерам подняться до уровня немого фильма — давать кинокадры без звукового сопровождения.

Не будем также забывать, что активная агитация, которую вели губернатор и чиновники колониальной администрации, эффективно дополнялась многочисленными офицерами и техническими специалистами ядерных сил: пользуясь быстроходными военными кораблями и самолетами, они посещали даже самые маленькие и удаленные острова и произносили там патриотические речи. Да и сами они имели право голосовать во Французской Полинезии, хотя находились там во временной командировке.

Было бы ошибочно думать, однако, что *все* французские военные и техники поддерживали голлистских кандидатов. Среди них имелись и сторонники Петэна, и политически нейтральные люди. Тем не менее с появлением в каком-нибудь избирательном округе нового гарнизона или новой базы неизменно увеличивалось число голосов, поданных за голлистских кандидатов. Еще больше весили на политических весах голоса новых переселенцев из Франции. К 1972 году количество иммигрантов, привлеченных после 1964 года на Таити возможностью хорошо заработать на военных объектах, достигло 10 тысяч; из них около тысячи составляли бывшие колонисты из французских владений в Северной Африке. И пусть не все иммигранты преклонялись перед генералом де Голлем, им все равно было выгодно голосовать за местных голлистов, поскольку лишь они ратовали за сохранение колониальной системы и военных баз, кормивших переселенцев.

Новым фактором на территориальных выборах 1972 года, больше всего ущемившим автономистов, было появление почти тысячи новых муниципальных советников, которые выдвигали кандидатов, руководствуясь местническими соображениями, и отняли тем самым много голосов у основных партий.

Следствием более или менее замаскированной предвыборной агитации официальных лиц и перемен в расстановке избирателей явилось то, что голлисты выиграли два мандата и завоевали в целом девять мест в Ассамблее. Три новых представителя были обязаны свои-

ми мандатами прежде всего коммунальным деятелям и предпочли образовать свою маленькую фракцию. Первый и по-прежнему единственный профсоюзный лидер территории Шарль Тауфа и двое его приверженцев также победили в своих округах. Остальные 15 мандатов достались двум автономистским партиям — Пупу хере аиа и Те эа апи. Когда один из только что избранных автономистов повздорил со своими коллегами и перешел на сторону пестрой коалиции, сколоченной противниками автономистов с великим трудом, губернатор, пресса и радио приветствовали это как «обнадеживающее выражение патриотического духа и решительного отказа населения поддаваться на сепаратистские призывы Сэнфорда».

39. КИТАЙСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ

Всего полгода спустя избирателям представился новый и более удобный случай ясно выразить свое отношение к «сепаратистской» политике Сэнфорда. Не позже марта 1973 года предстояло обновить состав Национального собрания Франции, и Помпиду так опасался за исход выборов, что с назначением даты тянул до последнего. Причиной его пессимизма было множество финансовых скандалов и дел о взятках, в которых были замешаны то один, то другой из его министров.

Помпиду еще до выборов назначил премьер-министром Пьера Месмера, занимавшего пост министра по делам заморских департаментов и территорий.

В таком решении был свой смысл. Месмер являл собой прямую противоположность хватким профессиональным политикам с плохо скрываемыми «левыми» доходами, снискавшим дурную славу партии голлистов. Даже внешние приметы обличали цельность и прямоту натуры Месмера. Так, он всегда смотрел собеседнику прямо в глаза. Просто ходить и прогуливаться Месмер не умел, он мог только маршировать, сохраняя военную выправку. Разумеется, в ногу с Помпиду, когда они где-нибудь появлялись вместе. Его положение «вольно» весьма походило на стойку «смирно». Все это производило прекрасное впечатление. К сожалению, очень скоро выяснилось, что в остальном Месмеру сильно недоставало тех черт характера, без которых невозможно управлять Фран-

цией. Хуже всего с точки зрения предстоящих выборов было то, что в речах его не было души, и слова не доходили до сознания слушателей, не запечатлеваясь в их памяти.

Во Французской Полинезии Месмеру, понятно, надо было любой ценой помешать переизбранию антифранцузского подстрекателя Сэнфорда и всячески способствовать победе истинного патриота, голлистского кандидата Гастона Флосса. Задача несомненно труднейшая. На территориальных выборах в сентябре 1972 года 14 949 избирателей отдали свои голоса автономистам; противный лагерь собрал лишь 13 359 голосов, и только искусные маневры помогли его представителям заручиться минимальным большинством в Территориальной ассамблее. Однако многократно выезжавший в Океанию в бытность военным министром и министром по делам заморских территорий Месмер отлично знал, как усилить ряды «правоверных» избирателей.

Три тысячи китайцев, ставших французскими гражданами после того, как де Голль в 1964 году признал коммунистическое правительство Китая, демонстрировали свою благодарность, систематически голосуя на всех выборах за правительственных кандидатов. К сожалению, оставалось еще полторы тысячи китайцев, получивших французское гражданство совсем недавно и поэтому еще не имевших права голоса: закон предписывал пятилетний «проверочный» срок. До той поры никто, и сами китайцы тем более, не возражал против такого порядка. Но в ноябре 1972 года один из голлистских депутатов Национального собрания неожиданно выступил с острой критикой «устарелого и несовершенного законодательства колониальных времен, до сих пор применяемого подчас в некоторых заморских территориях». Дальше из его страстного выступления стало ясно, что негодование борца за справедливость направлено не на множество старых указов, делающих народных избранников бессильными против губернаторского произвола, а на то, что целая категория французских граждан еще лишена права голоса.

Сэнфорд и другие депутаты из оппозиционного лагеря выступили против этой неуклюжей попытки срочно предоставить право голоса остающимся полутора тысячам китайцев, чтобы они могли участвовать в предстоящих

выборах. Разумеется, это не помешало голлистскому большинству в Национальном собрании утвердить законопроект 20 декабря 1972 года. Вслед за тем, впервые после признания Парижем коммунистического правительства Китая, на Таити прибыли два советника китайского министерства иностранных дел «для дискуссий с местным населением китайского происхождения». С дипломатической и правовой точки зрения этот визит выглядел довольно странно и нелогично, ибо китайцы во Французской Полинезии теперь формально были французскими гражданами, а в душе оставались рьяными сторонниками Чан Кайши. Тем не менее гастролирующие советники, горячо поддержанные губернатором, явно оказались искусными агитаторами, потому что все полторы тысячи новых французских граждан потребовали, чтобы их немедленно включили в списки избирателей.

После этого повторного и прискорбного доказательства, что все важные решения, касающиеся блага полинезийцев, принимаются без консультации с ними в Париже, Сэнфорд официально предупредил французские власти, что среди лидеров автономистов растет недовольство: «Если правительство и впредь будет обращаться с нами как с ничтожествами, как с малыми детьми, Таити через десять лет будет независимым государством. Я не стремлюсь к этой цели, но таково будет неизбежное следствие нынешнего политического курса, хуже которого не придумаешь».

Губернатор Анжели поспешил оттенить правоту Сэнфорда, выступив со следующей угрозой: «Я понимаю желание некоторых ослабить давление администрации. Но если кто-нибудь попытается оспорить само существование нынешней формы правления, он будет иметь дело со мной». На всякий случай он добавил, что независимое полинезийское государство не сможет рассчитывать на экономическую помощь Франции, а это будет равносильно полному банкротству.

Как обычно, французское правительство развернуло агитацию за местного голлистского кандидата задолго до официального открытия предвыборной кампании. На сей раз дело дошло до того, что ставший премьером Месмер отправил в «инспекционную поездку» по Французской Полинезии нового государственного секретаря по делам заморских департаментов и территорий опытного чинов-

ника с трудно произносимым для полинезийцев именем — Ксавье Деньо³⁸. Проявив необычное рвение, Деньо посетил все архипелаги, кроме Маркизского, и везде твердил об огромных денежных суммах, которые Франция даровала и будет впредь даровать полинезийцам — разумеется, при условии, что они выкинут из головы все мысли об автономии. Впрочем, и Маркизские острова тоже не были забыты. Всех мэров этих островов доставили на самолете на один из атоллов Туамоту для встречи с министром.

Возвратившись в Париж, Деньо радостно поведал прессе о результатах своей «инспекционной поездки»: «Я не встретил ни одного противника ядерных испытаний... И никто ничего не говорил о независимости. Это слово — табу, оно ни разу не произносилось в моем присутствии во время многочисленных бесед с представителями разных группировок, как правых, так и левых. Кто-то настаивает на реформе правления, но сепаратистов нет. Напротив, в ходе моих личных контактов у меня сложилось впечатление, что жители наших заморских территорий скорее опасаются разрыва с Францией, поскольку все их будущее оказалось бы под угрозой».

Несколько неожиданно наибольшее недовольство это искажение истины вызвало у премьер-министра Месмера. Его явно не устраивала такая характеристика, подрывающая основы успешно применявшейся до сих пор тактики французского правительства: изображать Сэнфорда, Теарики и Пуванаа как антифранцузских сепаратистов. И он сделал следующее уточнение репортеру агентства Франс Пресс, которое не замедлило его передать по своим телетайпам:

«Подлинный смысл выборов на заморских территориях совершенно ясен. Избирателям надлежит решить, хотят ли они входить в состав французской нации или нет. Коммунисты и автономисты преследуют одну цель, они хотят, чтобы жители заморских территорий и департаментов перестали быть французскими гражданами».

Старая тактика голлистов — запугивать избирателей коммунистической угрозой — еще могла действовать на кого-то на вест-индских островах с их крупными коммунистическими партиями. Но пускать ее в ход во Французской Полинезии было не слишком остроумно: коммунистов здесь были считанные единицы, да и те — фран-

цузские военнослужащие и переселенцы, работавшие на военных. Что до депутата Фрэнсиса Сэнфорда, то он только что вступил в парламентскую фракцию реформатора Серван-Шрейбера.

Когда наконец официально началась предвыборная кампания, снова была выдвинута кандидатура Сэнфорда, а кандидатура Теарики была вновь выдвинута в качестве заместителя Сэнфорда. Последнему противостояли два соперника. Один — председатель голлистской партии Гастон Флосс. Второй — молодой профсоюзный лидер Шарль Тауфа, только что основавший свою партию. Главные два пункта предвыборной программы Сэнфорда сводились к требованию немедленной реформы управления и немедленного прекращения всех ядерных испытаний. Флосс продолжал горячо ратовать за ядерные испытания, все с той же мотивировкой: они-де повлекли за собой бурный «экономический рост». Тауфа ничего не говорил про атомные взрывы, ограничиваясь выступлением за предоставление большей власти полинезийцам.

Поскольку доступ к радио и телевидению трем кандидатам по-прежнему был закрыт, оставалось искать маршруты для предвыборных турне на судах или самолетах. Как обычно, все определялось их воззрениями. Так, Флосс и его штаб многократно приглашались военными и администрацией в ставшие вдруг совершенно необходимыми служебные поездки на удаленные архипелаги, тогда как Сэнфорд дальше Подветренных островов не попал. Его дерзкая попытка слетать на военном самолете на свой родной остров Мангарева была в корне пресечена ловким финтом. Военное начальство потребовало, чтобы он явился с паспортом. Как и следовало ожидать, Сэнфорд вознегодовал и отказался от полета.

В день выборов все французские военные, технические специалисты, чиновники и предприниматели, как обычно, дружно прибыли на избирательные участки. Их примеру почти единодушно последовали китайцы. Поскольку новых избирателей допустили к выборам в последнюю минуту и для них был оборудован отдельный избирательный участок, оказалось возможным точно установить результаты голосования. Как и следовало ожидать, они отдали большинство голосов Флоссу. Однако на этот раз голоса французов и китайцев весили не так много, как во время выборов в Территориальную ас-

самблею, когда их концентрация в немногих округах сыграла на руку голлистским кандидатам. На выборах в Национальное собрание все голоса по Французской Полинезии подсчитывались в одной графе. К тому же Сэнфорду помог один новый демографический фактор. Высокая цифра рождаемости после 40-х годов (около 4 процентов) привела к тому, что число голосующих полинезийцев со времени предыдущих выборов в Национальное собрание возросло на 3 тысячи с лишним. Большинство новых избирателей, по примеру своих родителей, проголосовало за автономистов. Итогом была крупная победа Сэнфорда в первом туре — 17 240 голосов; Флосс получил 12 513, а Тауфа — 5698 голосов. Все же Сэнфорду не хватило нескольких сот голосов до необходимых для избрания 50 процентов, и был назначен второй тур. Тауфа снял свою кандидатуру, и Сэнфорд взял верх над Флоссом с преимуществом в 2500 голосов.

В опубликованном на другой день послании полинезийскому народу Сэнфорд отмечал, что результат выборов означает прежде всего поражение губернатора Анжели, «все официальные или тайные попытки которого лишить выборы подлинно демократического характера, к счастью, потерпели полную неудачу». «Я вижу,— продолжал он,— в Анжели наиболее типичного представителя тоталитарной колониальной системы, против которой мы боремся». Не забыл Сэнфорд и верного оруженосца Анжели — директора государственного радио и телевидения. «Он явно был удручен, когда в воскресенье вечером сообщал результаты выборов. У меня сложилось впечатление, что он нуждается в длительном отдыхе на родине после перенесенного им глубокого потрясения».

Заняв свое место среди сторонников Серван-Шрейбера в Национальном собрании, Сэнфорд первым делом выдвинул при поддержке своих единомышленников проект резолюции, призывающий дать автономию Французской Полинезии. Одновременно Пуванаа а Оопа поставил на голосование такой же проект в Сенате. Хотя голлистская партия потеряла 89 мандатов, правящая коалиция оставалась в большинстве — 275 мандатов против 215, причем прочие оппозиционные партии отнюдь не придерживались единой политики. Так что надеяться на утверждение резолюции Сэнфорда не приходилось.

40. СОВЕРШЕННО БЕЗВРЕДНЫЕ ОСАДКИ!

Тем временем как в 1971, так и в 1972 году происходили новые испытания бомб, в первый год — пять, во второй — три. При этом в 1971 году была взорвана водородная бомба мощностью около одной мегатонны. Министр обороны Дебре гордо заявил, что успешные эксперименты вскоре позволят Франции изготавливать для танковых войск тактические атомные бомбы мощностью 12 килотонн с радиусом действия 150 километров.

Во Франции те немногие, кто вообще интересовался состоянием атомных ударных сил, отметили, что Дебре умолчал о том, насколько продвинулись специалисты в своих лихорадочных усилиях изготовить пригодные для боя водородные бомбы. В конечном счете именно это было главной целью всей французской ядерной программы, на которую за пятнадцать лет были истрачены десятки миллиардов франков. При основании тихоокеанских полигонов в 1966 году верховное главнокомандование заверяло, что желанная цель будет достигнута в 1970 году. После майских беспорядков 1968 года мы узнали о двухлетней отсрочке. Еще через год конечный срок был перенесен на 1975 год.

Наконец осенью 1972 года пожелавший остаться анонимным представитель правительства в сообщении, распространенном агентством Франс Пресс, посетовал, что первые пригодные для военной цели водородные бомбы будут готовы не раньше 1976 года, а четыре подводные лодки и 18 ракетных установок в Провансе будут оснащены ими только около 1980 года!

В ожидании конечного триумфа (если это слово годится для определения отчаянной попытки повторить то, что было сделано американскими и русскими специалистами двадцатью годами раньше) так называемые французские ударные силы все еще состояли из нескольких десятков атомных бомб устарелой конструкции, созданной в начале 60-х годов после семнадцати испытаний в Сахаре. По данным Комиссии по вопросам обороны Национального собрания, на рубеже 1972—1973 года мощность французских атомных сил составляла всего 20 мегатонн.

«Могут ли при таких условиях наши ударные силы сдержать противника? Если мы пустим в ход наши бом-

бы, единственным следствием будет полное уничтожение Франции четверть часа спустя».

Этот решительный приговор французской ядерной программе вынес не кто иной, как Франсис Перрен, который только что оставил пост руководителя Комиссариата по атомной энергии в знак протеста против безумия. И тем самым наконец-то подтвердил правоту своего прежнего противника Теарики!

Если многочисленных французских критиков прежде всего возмущала дороговизна малоэффективных ударных сил, то в странах бассейна Тихого океана общественность протестовала против опасности, которой были чреватые частые испытания. Правда, в первые годы одни лишь японцы выражали недовольство. Но когда в 1968 году была взорвана первая водородная бомба, все страны западного побережья Южной Америки расценили это как враждебный акт и пригрозили разорвать дипломатические отношения с Францией. Лишь после того как французское правительство опубликовало длинную серию успокоительных заявлений и посулило щедрые займы на различные народнохозяйственные проекты, они согласились повременить с исполнением своей угрозы.

Начиная с 1970 года, общественность Австралии, Новой Зеландии и прочих островных государств Океании с каждым годом реагировала все острее. В 1971 году в водах вокруг Моруроа появились первые суда с демонстрантами. В том же году перуанское правительство заявило, что располагает неопровержимыми доказательствами концентрации в тканях морских животных выделенных при испытаниях радиоактивных частиц. Это вызвало такой неблагоприятный отклик в Южной Америке, что французское правительство отменило два последних из намеченных на этот год семи взрывов. Когда в 1972 году испытания возобновились, республики Южной Америки обратились в ООН, а профсоюзы Австралии, Новой Зеландии и Фиджи начали бойкотировать французские товары, а также французские авиационные и пароходные линии. При обсуждении вопроса Генеральной Ассамблеей ООН в конце ноября 13 тихоокеанских стран от республик Южной Америки на востоке до Новой Зеландии, Австралии, Таиланда, Филиппин и Японии на западе выдвинули совместный проект резолюции, тре-

бующей немедленного прекращения этих испытаний. Революция была утверждена 105 голосами. Против голосовали только Франция, Португалия, КНР и Албания.

Французское правительство пыталось оправдываться тем, что по пути к Южной Америке, Австралии, Новой Зеландии и Азии радиоактивность осадков — особенно стронция-90 и цезия-137 — настолько уменьшается, что не может причинить никакого вреда. Однако ученые названных выше стран решительно утверждали: «пороговых доз» не существует, всякое облучение, даже самое слабое, вредит живым организмам, и к тому же оно обладает кумулятивным свойством. Австралийские исследователи подсчитали, что только в их стране радиоактивные осадки повлекут за собой 500 новых случаев заболевания раком и лейкемией на протяжении 20 лет. И каждый раз все страны задавали один и тот же, остающийся без ответа, неприятный вопрос: если взрывы так безвредны, как вы утверждаете, почему вы не проводите их во Франции?

К сожалению, во время этой международной конфронтации все забывали (поскольку всякий народ, естественно, думает прежде всего о собственной безопасности), что 120 тысяч человек, жители Французской Полинезии, живут куда ближе к Моруроа и подвержены несравненно большей угрозе. Даже при «успешных» взрывах десятки островов оказывались в пределах зоны, где помимо радиоактивных веществ с длительным периодом распада (стронций-90 и цезий-137) в большом количестве выпадали также менее «живучие» частицы, например йод-131, рутений-103, рутений-106, цирконий-95 и цезий-144. Добавим, что не все испытания проходили «успешно». Хотя все происходящее на Моруроа строго засекречено и целая армия военных и гражданских охранников следит за тем, чтобы технические специалисты не проговорились, заслуживающие доверия лица и учреждения сообщили о трех серьезных неудачах.

Во-первых, это уже упоминавшийся преждевременный взрыв, произведенный по приказу де Голля во время его визита в 1966 году, когда четыре дня спустя на островах Самоа выпали обильные радиоактивные осадки. Столь короткий интервал ясно показывает, что ветер, вопреки расчетам, понес осадки не на восток и дальше

вокруг земного шара, а на запад. Комплексная служба радиологической безопасности, которую так превозносил министр Дебре, ни словом не обмолвилась об этой промашке и предпочла не публиковать результаты контрольных измерений, несомненно проведенных ею. Мы узнали о случившемся исключительно благодаря новозеландской лаборатории по атомной радиации; она опубликовала отчет, из коего следовало, что на Самоа радиоактивность дождевой воды в цистернах в десять раз превосходила максимальную дозу, допускаемую международными контрольными органами. Пробы воды из источников полудюжины других британских или независимых островов, где находились новозеландские наблюдатели, дали примерно такие же результаты. Вряд ли на Таити и других островах Общества, а также на Туамоту, расположенных куда ближе к Моруроа, положение было лучше. Скорее всего, осадки на наших островах были намного обильнее и опаснее.

Вторая неудача, случившаяся годом позже, документирована еще лучше благодаря одному отважному французскому священнику, стремившемуся информировать своих соотечественников о совершаемых под покровом военной секретности преступлениях против ни в чем не повинного островного народа. В своей книге «Бомба или жизнь», вышедшей в 1969 году, аббат Тула́ предоставляет слово пилоту французского военного вертолета Филиппу Кринену, который служил на Моруроа в июне — июле 1967 года: «Серия испытаний включала три бомбы небольшой мощности (20 килотонн), дающие несравненно меньше радиоактивных осадков, чем взорванные впоследствии атомные и водородные бомбы. Первые две были подвешены на аэростате. Однако третья бомба из-за технических неполадок взорвалась на уровне моря, что значительно увеличило степень риска. Через два дня мне приказали вылететь на Туреиа (126 километров к северу от Моруроа) за двумя метеорологами, которые во время взрыва находились на острове вместе с шестью десятками местных жителей. Мне было приказано не надевать оранжевый защитный комбинезон, чтобы не вызывать тревоги островитян, но я надел защитные сапоги и перчатки. Я провел на атолле около трех минут — столько времени потребовалась, чтобы забрать двух метеорологов. Как только мы вернулись на плавучую базу,

мы сразу подверглись обработке. Я принял душ и помылся с мылом, а метеорологов поместили в санчасть. Кроме того, перед вылетом в отпуск в Папэте я прошел специальное обследование, и в щитовидной железе у меня был обнаружен радиоактивный йод. Хотя доза его не внушала тревоги, я три дня находился под наблюдением врачей. Что же касается метеорологов, то их продержали неделю на карантине в больнице на острове Хао.

Я призадумался. Если понадобилось подвергнуть санобработке меня, находившегося на Туреиа всего три минуты, и выдержать в карантине двух метеорологов, живших там месяц, то как же обстоит дело с островитянами? Какому облучению подверглись они? Их не эвакуировали и даже не обучали мерам безопасности. Они продолжают есть кокосовые орехи и выловленную в лагуне рыбу, берут в руки камни. Они живут и размножаются в радиоактивной среде».

За месяц до начала испытаний в 1968 году Кринен и еще один пилот ходатайствовали о переводе во Францию, ссылаясь на то, что не могут смотреть, как ни в чем не повинные люди подвергаются опасной радиации. Их ходатайство было удовлетворено весьма своеобразно: обоих тотчас доставили самолетом в военную тюрьму в Шербуре, после чего разжаловали и уволили из армии. Все же протест вертолетчиков привел к тому, что жителей Туреиа, как говорилось выше, в том году отправили «в отпуск» на Таити.

Третья неудача состояла из ряда мелких происшествий на островах к востоку от Моруроа. Военные начальники и все министры, от Месмера до Дебре, утверждали, что проведенные высококвалифицированными метеорологами предварительные исследования позволяют ограничить распространение осадков после каждого взрыва узким коридором с такой точностью, что риск поражения какого-либо из 10 островов, отстоящих всего на 10, 20 или 30 морских миль от «боков» этого коридора, практически отсутствовал. Конечно же, вскоре выяснилось, что такая точность неосуществима, и военные на ряде островов срочно соорудили убежища. Особенно уязвимым был остров Мангарева (принадлежащий к архипелагу Гамбье) с населением 500 человек. Нижеследующая инструкция, напечатанная типографским способом и розданная жи-

телям острова, свидетельствует о серьезном беспокойстве властей:

«Когда вам предложат пойти в убежище, данная инструкция поможет вам принять необходимые меры предосторожности.

1. *Прежде чем оставить дом:* а) позаботьтесь о домашних животных. Привяжите их, чтобы они не наделали бед. Оставьте им корм и воду на три дня; б) позаботьтесь об оставляемых предметах. Хорошенько затворите все двери и окна. Поместите в раздаваемые пластиковые мешки все лодки, домашнюю утварь, корма и продукты. Потушите все лампы и керосиновые холодильники. Выключите все моторы; в) упакуйте в один или несколько свертков ваши ценные вещи и документы, белье и, самое главное, если у вас есть грудные дети, бутылочки и соски, а также термосы, детское питание, серебряные ложки и вилки. Разрешается брать с собой 20 килограммов багажа. Можно также захватить карты, гитары, циновки и одеяла. Животных брать с собой нельзя.

2. *Когда наступит время идти в убежище:* После того как подан сигнал церковными колоколами, в вашем распоряжении два часа, чтобы дойти до убежища; держитесь семьями, чтобы легче было вести подсчет; транспорт будет предоставлен больным, старикам и беременным женщинам».

Конечно, можно в этом документе усмотреть похвальное стремление военных защитить гражданское население. Остается, однако, без ответа главный вопрос: насколько эффективны описанные методы? Ведь после отбоя семьи возвращаются в незащищенные дома, вся обработка которых сводится к поливанию водой, текущей затем по садам и огородам. Как бы то ни было, самый факт таких мероприятий показывает, сколь бессовестно лгали при строительстве атомных полигонов гражданские и военные начальники, когда сыпали бодрыми высказываниями вроде: «Взрывы будут производиться только при направлении ветра к югу, то есть в ту часть акватории, где нет никакой суши» (губернатор *Грима*, 28 марта 1963 года); «Ни один населенный остров не будет поражен радиоактивными осадками» (верховный комиссар *Франсис Перрен*, 20 июля 1965 года).

41. НИКЧЕМНЫЙ КОНТРОЛЬ

Помимо прямого облучения, которому мы, жители Французской Полинезии, подвергаемся в разной степени свыше десяти лет, нам, вне всякого сомнения, не раз и не два приходилось есть радиоактивную пищу. В Европе и Америке в 50-х годах, до прекращения испытаний, главную проблему составляло молоко, потому что в организме коровы быстро накапливаются выпадающие на траву йод-131, стронций-90 и цезий-137. Единственный остров во всей Французской Полинезии, где держат молочных коров,—Таити, да и тут потребителей молока можно сосчитать по пальцам. Зато все полинезийцы практически ежедневно едят рыбу, а также множество улиток турбо, двустворчатых и головоногих моллюсков, в тканях которых, как показали исследования сотрудников французского Музея естественной истории в начале 60-х годов, скапливается особенно много радиоактивных частиц. Опасной для здоровья может оказаться даже рыба, не подвергшаяся прямому облучению, если она кормится радиоактивным планктоном. Некоторые виды рыб, например тунцы, совершают миграции на тысячи морских миль; за считанные недели и месяцы они могут из района Моруроа достичь областей на западе, где находятся сотни обитаемых островов. А скопления планктона переносятся течениями во все концы Океании.

Именно на это указывал Теарики, как только в 1963 году на Таити стало известно решение де Голля перенести экспериментальные взрывы из Сахары во Французскую Полинезию. Однако министры, губернаторы, генералы, адмиралы и инженеры с негодованием отвергали все обвинения и не без укоризны подчеркивали изумительную эффективность принимаемых мер безопасности. Вот, к примеру, что говорилось в послании командующего атомными силами генерала Тири Территориальной ассамблее 9 октября 1963 года: «Если люди на протяжении ряда лет будут питаться зараженной рыбой, риск заболевания лейкемией и раком, конечно, возрастет. Вот почему в зонах возможных осадков будет вестись контроль, чтобы население не употребляло в пищу зараженную рыбу».

Руководитель Комиссариата по атомной энергии

Франсис Перрен высказывался в том же духе в длинном письме, которое он направил Теарики 16 мая 1966 года и которое мы частично воспроизвели в главе 24, где показано, с какими непреодолимыми трудностями столкнулся муниципалитет Папэте, пытаясь выяснить результаты исследований, проводимых военными контролерами. В частности, Перрен тогда объявил, что власти будут вводить «временные запреты на потребление определенного рода пищи с соответствующей справедливой компенсацией местному населению». Говорилось также о запрете высадки на необитаемых островах, «пока не будет установлено, что радиация вновь упала до достаточно низкого уровня». Чтобы стало понятно, насколько нереалистичными и неосуществимыми были эти, пусть даже искренне задуманные, меры, достаточно напомнить, что Французская Полинезия насчитывает свыше ста островов на площади, равной территории Европы. Для проверки того, что именно из рыбы, моллюсков и прочих продуктов моря повседневно потребляют жители далеко разбросанных островов, понадобилось бы постоянно держать там тысячи контролеров! И конечно, военное командование за десять с лишним лет, когда проходили испытания, ни разу даже и не пыталось вводить какие-либо «временные запреты».

Официальное объяснение столь явного упущения звучит предельно просто, откровенно и убедительно. Во всяком случае, по первому впечатлению. Вот что говорят военные, с небольшими вариациями: оказалось, что вводить запрет на потребление рыбы и других морских продуктов нет надобности; с 1966 года наши специалисты постоянно берут пробы на всех островах Французской Полинезии; эти пробы анализируются нашей прекрасно оборудованной лабораторией на Таити, и до сих пор в исследованном материале не обнаружено опасной для здоровья концентрации радиоактивных частиц; точно так же мы систематически получаем пробы всех остальных видов продовольствия во Французской Полинезии, как растительного, так и животного происхождения; в них тоже не найдено вредной радиоактивности; кроме того, мы регулярно проверяем состояние здоровья населения и не установили ни одного случая заболевания.

Теарики и Сэнфорд столь же регулярно возражали на это: все названные исследования осуществлялись техниками и врачами, находящимися на службе у проводящей испытания военной организации, и нам трудно поверить, чтобы эти люди были достаточно объективными и свободными в своих действиях; если, как вы утверждаете, вам нечего скрывать, почему вы так упорно возражаете против проверки важных данных не только международной контрольной комиссией, но даже *специалистами французской национальной радиологической лаборатории?*

На этой стадии повторяющегося десять лет диалога генералы, министры и губернаторы, как правило, резко осуждают полинезийских депутатов за их оскорбительное и дерзкое недоверие к правительству и вооруженным силам страны. После чего выдвигают свой главный аргумент, призванный подвести итог дискуссии: результаты контрольных исследований, осуществляемых военными медиками из Комплексной службы радиологической безопасности, ежегодно направляются в ООН, и Научный комитет по действию атомной радиации после тщательного изучения этих материалов неизменно приходит к одному и тому же выводу: ядерные взрывы на Моруроа и Фангатауфе совершенно безвредны для гражданского населения.

Казалось бы, если так, то в интересах властей щедро раздавать экземпляры докладов ООН всем скептически настроенным лицам во Французской Полинезии. Как ни странно, дело обстоит наоборот. Даже когда Сэнфорд, Бувье и Теарики особенно громко протестовали, ни губернатор, ни командование ЦТИ не прибегали к этому простому способу окончательно зажать им рот. Больше того, полинезийские лидеры тщетно добивались возможности ознакомиться с результатами исследований военных. Гектографированные документы ООН предназначены для внутреннего пользования и не продаются издательским отделом, тем не менее несколько экземпляров в конце концов неофициальными путями дошли до Таити. Даже беглое знакомство предельно ясно показывает, почему французские власти упорно не желали распространять этот примечательный документ. Остановимся хотя бы на докладе А/Ас. 82/G/L 1381 от 23 июня 1971 года, озаглавленном «Ра-

диоактивные осадки после ядерных взрывов в Полинезии. Май — декабрь 1970 года».

Первые 12 страниц отведены подробному описанию методов измерения, хотя в них нет ничего необычного и неизвестного. Дальше на 23 страницах текст и карты показывают, как радиоактивное облако многократно обогнуло земной шар. Единственные приводимые цифры касаются *среднегодичного* количества стронция-90, содержащегося в молоке во Франции, Сенегале, Гайане, Колумбии, Эквадоре, Боливии, на Реюньоне, Таити и Новой Каледонии. Для жителя Французской Полинезии, интересующегося дозами облучения в период взрывов, эта таблица не представляет никакой ценности: ведь в Полинезии практически не употребляют свежее молоко. И читатель с нетерпением обращается к следующему разделу, с многообещающим названием «Результаты измерения». Увы, весь раздел занимает всего шесть страниц, и снова речь идет преимущественно о молоке в Южной Америке!

Правда, под конец следует ряд приложений, и разочарованный читатель начинает надеяться, что он все-таки найдет какие-то сведения о радиоактивности во *Французской Полинезии*. Первое приложение — таблица с данными о наблюдениях, проведенных «станциями» на пяти островах. Однако ближайшее рассмотрение показывает, что речь идет о средней величине бета-излучения во время 12 *десятидневных* периодов, причем «станции» размещены на островах Таити, Раиваваэ, Рапа, Бора-бора и Хива-оа, расположенных очень далеко от Моруроа. Вот и все данные по Французской Полинезии; остающиеся 30 страниц подводят итоги наблюдениям, проведенным различными организациями в Южной Америке, Африке, Франции и на Реюньоне. Если авторы доклада ухитрились размахнуться здесь на 30 страниц, это объясняется тем, что результаты наблюдений кроме таблиц представлены также в графической форме. О каких «станциях» идет речь, мы так и не узнаём; очень похоже, что наблюдатели весьма поверхностно знакомы с перечисленными островами, потому что два названия из пяти написаны с ошибкой.

Последний блок приложений, «Радиоактивность биосферы», занимает целых 64 страницы. Однако чи-

атель вскоре начинает спрашивать себя, уж не ошиблись ли брошюровщики, взяв блок из совсем другого доклада ООН. Ибо страница за страницей вновь толкуют о молоке в таких различных районах, как Боливия, Камерун, Чили, Колумбия, Эквадор, Гайана, Перу, Сенегал, Французское Сомали и остров Реюньон! Где-то среди этой международной мешанины после долгих поисков обнаруживаешь наконец десяток таблиц, из коих следует, что:

— в один из дней третьего квартала 1970 года на трех островах архипелага Тубуан было взято по *одной пробе* пяти видов овощей, пяти различных мелководных рыб и нескольких кусков мяса;

— во втором и третьем кварталах 1970 года на одном из Маркизских островов взято также по *одной пробе* шести различных продуктов питания;

— хотя на Таити проверено гораздо больше продуктов питания, военные специалисты все равно ограничивались *одной пробой* в квартал;

— несколько недатированных проб взято также на трех островах из группы Туамоту (Пукапука, Макемо и Анаа), лежащих в стороне от сферы распространения осадков.

При таком беспорядочном и ограниченном отборе проб, когда старательно обходили наиболее употребительные продукты моря (улитки турбо, двустворчатые и головоногие моллюски, тунцы), в тканях которых, по утверждениям специалистов французского Музея естественной истории, накапливается особенно много радиоактивных частиц, неудивительно, что приводимые показатели — почти исключительно по стронцию-90 и цезию-137 — в целом очень низки. В тех немногих случаях, когда высокий уровень показателей вызывает тревогу, нет никакой возможности определить их динамику и масштаб заражения, поскольку цифры всегда изолированы во времени и пространстве.

Остальные разрекламированные доклады, представляемые Францией ежегодно с 1967 года в секретариат ООН, не превосходят рассмотренный нами ни тщательностью, ни надежностью. Скорее, наоборот. Приведем только один пример, ставший известным благодаря высказыванию одного из военных контролеров, Легена, в таитянской газете «Депеш» от 18 июня

1971 года. После первого взрыва в 1966 году вся рыба в лагуне Моруроа была поражена радиацией. «Речь шла о бомбе, которую взорвали на барже, стоявшей на якоре в лагуне. Хотя мощность бомбы была невелика, она отравила морскую фауну, особенно вокруг места взрыва. Многие радиоактивные частицы были причиной вторичной радиации. В 1966—1967 годах состоялось три таких взрыва». В официальных французских докладах об этих неприятных происшествиях не говорится ни слова.

Если взять на себя труд протудировать протоколы Научного комитета по действию атомной радиации и Политического комитета ООН, а также дебаты Генеральной Ассамблеи, можно увидеть многочисленные критические замечания и жалобы по поводу того, как трудно (а то и вовсе невозможно) сделать скольконибудь надежные выводы о риске облучения на основе таких фрагментарных докладов.

Небезынтересно также отметить, что летом 1972 года в Стокгольме Международная конференция по вопросам охраны окружающей среды осудила французские испытания ядерного оружия как раз со ссылкой на указанные доклады.

У Сэнфорда и Теарики эти документы ООН вызвали особенно много вопросов. Почему, например, в них не сказано ни слова о регулярном медицинском обследовании населения, обещанном с самого начала генералами и губернаторами? Может быть, военные не желали выполнить свое обещание? Почему с началом ядерных испытаний территориальные органы здравоохранения перестали публиковать статистические данные о причинах заболеваний и смертности? И почему возникла необходимость строить на Таити особенную, секретную военную больницу, куда направлялись для лечения даже полинезийцы, работавшие на полигонах в архипелаге Туамоту? Почему запрещено ввозить и использовать счетчики Гейгера? И наконец, почему доклады совсем не содержат данных о радиоактивности на тех обитаемых островах Туамоту, которые ближе всего расположены к Моруроа и Фангатауфе?

Как депутат Национального собрания Сэнфорд мог обращаться с письменными запросами к любому из министров французского правительства. Теперь он вос-

пользовался этим правом. Вот что сообщал о результате его запроса «Журналь офисьель»:

«Вопрос № 1711. 25 мая 1973 года. Господин Сэнфорд спрашивает министра здравоохранения и социального обеспечения: 1) может ли министр сообщить ему статистику смертности от рака во Французской Полинезии за последнее десятилетие; 2) может ли министр сообщить или получить данные об уровне радиации на следующих трех островах: Хао, Туреиа и Мангарева.

Ответ; датирован 15 сентября 1973 года. Министр здравоохранения и социального обеспечения доводит до сведения уважаемого члена парламента, что его компетенция не распространяется на Французскую Полинезию. Тем не менее он может сообщить: 1) в последнее десятилетие во Французской Полинезии не отмечено каких-либо изменений в статистике заболеваний раком и лейкемией; 2) радиация на всех островах Французской Полинезии держится в пределах колебаний естественного фона».

Этот уклончивый ответ еще лучше, чем хитрые доклады для ООН, подтверждает вывод, к которому давным-давно пришли на основе здравого смысла полинезийские противники ядерных испытаний.

После трех новых испытаний, проведенных в 1972 году, число взрывов в атмосфере над Моруроа и Фангатауфой достигло 29.

42. НЕОТЛОЖНАЯ ПОМОЩЬ

Новый министр здравоохранения и социального обеспечения Мишель Понятовский³⁹, от которого депутат Сэнфорд получил в высшей мере неудовлетворительный ответ, стал впоследствии еще более самоуверенным и могущественным деятелем. Близкий друг президента Жискара д'Эстена, он занял пост министра внутренних дел. А тогда он был одним из немногих новых людей в правительстве, формирование которого в апреле 1973 года Помпиду опять поручил Месмеру, хотя тот в большой мере был повинен в не слишком удачном исходе выборов. Еще одним новичком был молодой умеренный депутат Бернар Стази⁴⁰, получив-

ший, ко всеобщему удивлению, пост министра по делам заморских территорий.

Разумеется, Месмер вскоре распорядился продолжать экспериментальные взрывы в Океании. Депутат-социалист Делорм тотчас выступил с протестом, приведя превосходный довод в пользу того, чтобы вовсе поставить крест на ядерной программе: Франция рисковала совершенно понапрасну приобрести кучу врагов среди народов стран Тихоокеанского бассейна. Государственный секретарь при военном министре Эймар Ашиль-Фульд⁴¹ резко возразил, что с критикой в этих странах совсем не обязательно считаться, ибо она продиктована исключительно партийно-политическими соображениями, а не заботой о здоровье населения. В конце выступления Ашиль-Фульд повторил обычные несостоятельные доводы, подробно рассмотренные в предыдущей главе. На сей раз они были воплощены в следующих словах: «Поскольку мы принимаем особые меры безопасности для защиты населения, позволяем международным организациям проверять результаты наших проб — обращаю внимание на позитивные высказывания Научного комитета по действию атомной радиации ООН за последние годы, — наконец, поскольку мы должны быть в состоянии защитить свою свободу, правительство твердо намерено проводить запланированные испытания, как намечено».

Фрэнсис Сэнфорд, не скрывая своего возмущения, потребовал слова, чтобы разоблачить пропагандистскую ложь и от имени полинезийского народа выступить против продолжающегося отравления окружающей среды и людей. К сожалению, порядок дня не позволял ему участвовать в дебатах — время было зарезервировано для уже заявленных крупными партиями ораторов. Все же председатель сжалился над Сэнфордом и решил предоставить ему слово по окончании дебатов «для ответа на личный выпад» — предлог, к которому иногда прибегали, чтобы обойти драконовские правила. Но не успел Сэнфорд толком начать, как председатель объявил, что отведенные ему минуты истекли. Да и какая, собственно, разница, если учесть, что Ашиль-Фульд задолго до этого демонстративно покинул зал...

Возвратившись в свой номер в гостинице, Сэнфорд

предпринял новую попытку привлечь внимание власть имущих. Вместе с сенатором Пуванаа он составил «Открытое письмо полинезийских парламентариев французскому народу», размножил его и разослал 200 газетам, журналам и радиостанциям. Вот что они написали:

«Дорогие соотечественники! Возможно, это прямое обращение к вам несколько удивит вас, ведь мы, парламентарии, обычно обращаемся только к своим собственным избирателям, да и то главным образом во время выборов.

Наше выступление может показаться тем необычным, что мы не относимся к числу известных партийных лидеров и пытаемся привлечь ваше внимание к проблемам, которые, казалось бы, касаются только народа, живущего на другом конце земного шара. Однако вы сейчас поймете, почему мы выбрали этот путь, так как наши объяснения несомненно напомнят о знакомых вам проблемах.

Главная причина, по которой мы обращаемся к вам,— упорное нежелание правительства выслушать нас. Но проблема слишком серьезна, чтобы мы смирились с замалчиванием. Вот почему мы призываем вас выслушать нас.

Французское правительство уже много лет обращается с нами, полинезийскими гражданами Франции, так, как вы, французы метрополии, никогда не позволили бы с вами обращаться. Это потому, что вас 50 миллионов, а нас всего 120 тысяч. Считаете ли вы такой подход демократическим? Мы не можем в это поверить.

Мы, жители Французской Полинезии, хотим знать ваше мнение. У вас есть возможность ясно выразить свою позицию, либо промолчав, что будет равносильно одобрению преступлений, совершаемых правительством в отношении нашего народа, либо выразив энергичный протест против участи, на которую нас обрекли. Вам надлежит сказать, считаете ли вы правильным и справедливым, что Французскую Полинезию используют как испытательный полигон для атомных взрывов и проживающие там ваши соотечественники подвержены всем вытекающим из этого последствиям теперь и в будущем.

Мы обращаемся к каждой матери, каждому отцу во Франции и спрашиваем, могли бы вы согласиться на проведение в вашей стране ядерных испытаний вроде тех, что со 2 июля 1966 года ежегодно распространяют радиоактивные облака над нашими островами. Судя по протестам, раздающимся во всех странах Тихоокеанской области, чьи жители наверное не уступают вам в мужестве, надо думать, что вы сказали бы „нет“.

Наш дорогой президент, как и его славный предшественник, любит проводить референдумы. Мы считаем, что ему следует незамедлительно обратиться к нации со следующим вопросом: „Согласны ли вы, чтобы мы, в ответ на критику со стороны правительств стран южного полушария, отныне проводили все ядерные испытания во Франции?“

Не опасаясь за исход, мы настоящим официально призываем президента Помпиду возможно скорее организовать такой референдум.

Начиная с 1963 года сперва наш депутат Джон Теарики, а затем и мы, нынешние парламентарии, вместе с Территориальной ассамблеей неоднократно протестовали против ядерных испытаний и требовали приглашения международной контрольной комиссии, чтобы она на месте изучила степень радиоактивного заражения окружающей среды. На все наши обращения правительство в Париже неизменно отвечало глубоким, презрительным молчанием.

На все наши запросы об опасности для здоровья людей мы получили только один вразумительный ответ, весьма циничный по своей логике, а именно: случись неудача во время взрыва, число жертв в Полинезии будет гораздо меньше, чем в густонаселенной Франции. Если и впрямь испытания именно поэтому проводятся на другом конце земного шара, то за такой дар мы отнюдь не благодарны Франции.

Мы никогда не смирились с этим. После того как мы стали французскими гражданами, мы дважды приносили большие жертвы для спасения нашей общей отчины. Взамен мы требуем, чтобы нас освободили от роли подопытных кроликов в безумных бомбовых экспериментах, которые если и дадут какой-то результат, могут лишь привести к тому, что какая-нибудь из великих держав

соотрет Францию с лица земли. Стоит ли выжимать налоги из вас, французов метрополии, и подвергать опасности жизни французских граждан в Полинезии только для того, чтобы произошла такая катастрофа?

Помогите вашим соотечественникам в Океании остановить это безумие».

Французские газеты и журналы частенько помещают статьи о Таити и других островах Французской Полинезии. Еще ярче говорит о большом интересе во Франции к этой заморской территории популярность записок путешественников по Полинезии и фильмов с полинезийскими мотивами. Во всех этих статьях, книгах и фильмах острова предстают в виде земного рая. Пресыщенной цивилизацией французам внушают, что они без всяких затрат и трудностей могут построить себе хижину и свободно прокормиться, вылавливая из лагуны крупную рыбу и собирая в девственном тропическом лесу спелые кокосовые орехи и плоды хлебного дерева. Разумеется, чаще всего в очаровательных иллюстрированных изданиях фигурируют полинезийские плясуньи — прелестные, нылки и к тому же всячески старающиеся ублажать европейских мужчин.

А тут вдруг на редакционные столы легло письмо, говорящее в основном о французских ядерных силах — тема, которая ровным счетом никого не интересовала во Франции. Тот факт, что авторами были два полинезийца, ничего не менял: казалось, они явились из преисподней, а не из земного рая. К тому же на место на газетной полосе претендовало столько других, более важных новостей. Нападения и ограбления, личная жизнь кинозвезд, любовные дела особ королевской крови, футбольные матчи, скачки и демонстрация мод. Французские редакторы отлично знали, что нужно читателям. Из 200 разосланных экземпляров открытого письма французскому народу только один попал в печать.

Его опубликовал «Экспресс», издаваемый Серван-Шрейбером⁴² — единственным французским депутатом, который сочувствовал и старался помочь Сэнфорду, почему последний и записался в особую парламентскую фракцию, известную под названием «реформаторы».

Серван-Шрейбер много лет критиковал безрассудную военную политику де Голля, и когда он весной 1973 года увидел, как близко к сердцу его товарищ по фракции

принимает свою неудачу, он не долго думая посоветовал тому организовать на Таити большой митинг протеста, пригласив побольше французских ораторов, включая, разумеется, и его самого.

Сэнфорд давно мечтал об энергичных действиях такого рода. Однако ему не удавалось добыть необходимые средства, и он не встречал еще ни одного француза, готового совершить за свой счет далекое путешествие на Таити, чтобы поддержать полинезийцев в их борьбе. Неожиданное содействие Серван-Шрейбера позволяло решить все эти проблемы. Еще важнее, конечно, было то, что он обладал редкостной для французских политиков способностью возбуждать острый интерес к забытым несправедливостям и обидам. Меньше чем за две недели Серван-Шрейбер уговорил двух депутатов-социалистов, одну женщину-депутата из числа «реформаторов», католического священника, протестантского пастора, двух борцов за охрану среды, профессора философии, писателя, выступающего против атомной бомбы, и, наконец, французского генерала-пацифиста Пари де Боллардьера⁴³ составить «летучий отряд». Благодаря тому что Серван-Шрейбер располагал газетой, французская пресса в конце концов обнаружила, что на островах Сэнфорда и Пуванана происходит что-то интересное.

Оставалось выяснить, решатся ли полинезийцы участвовать в подобного рода официальном митинге протеста. Помимо того что многие из них служили в правительственных учреждениях или французских фирмах и опасались репрессий, сама форма протеста была совершенно чужда их психологии и традициям. Как-никак, немногочисленные проходившие до сих пор на Таити массовые митинги и уличные демонстрации организовали французские предприниматели против Пуванана и автономистов. Однако уже на рассвете намеченного дня — субботы 23 июня 1973 года — стало ясно, что полинезийцы на этот раз преодолели свои колебания. Автобус за автобусом доставлял из сельских местностей островитян; мужчины, женщины и дети направлялись к мэрии из трущоб в долинах и на пригорках вокруг города. Когда около восьми часов в сопровождении автономистских лидеров явился «летучий отряд» Серван-Шрейбера, в саду и на улице перед мэрией Папеэте — старым двухэтажным деревянным зданием в типично колониальном стиле, с лоджией

вдоль всего фасада,— собралось уже более 5 тысяч человек, в том числе с десятков европейцев, но ни одного китайца.

Как все политические собрания в Полинезии, митинг начался с молитвы, после чего один за другим выступали приезжие ораторы, рассказывая, какие экономические, военные, религиозные и моральные соображения побудили их решительно осудить стремление правительства обдвинуть собственным атомным оружием. Все, что они говорили, тщательно переводилось на таитянский язык Фрэнсисом Сэнфордом. Хотя слушатели, судя по аплодисментам, всё отлично понимали, самое сильное впечатление производили на них не столько более или менее меткие аргументы, сколько тот простой факт, что специально приехавшие французы, среди них два деятеля церкви, открыто выступили на стороне Пуванаа, Теарики и Сэнфорда. Они привыкли к тому, что проживающие или гостящие на островах французы всегда защищают существующий порядок и диктуемую Парижем политику, а тут вдруг нашлись французы с иными убеждениями, готовые поддержать полинезийцев.

Это обстоятельство придало им храбрости, и после трехчасового митинга они прибегли к еще одной широко известной французской форме протеста. Выстроившись группами, согласно месту жительства, они прошли через весь город до губернаторского дворца и дальше. По указаниям партийных лидеров демонстранты заготовили транспаранты с лозунгами. Поначалу довольно робко, но затем все более уверенно они подняли их для всеобщего обозрения. Вот некоторые из них: *Нет всем ядерным испытаниям — американским, русским, китайским или французским! Мы хотим автономии! Прекратите преступные эксперименты! Перенесите ядерные испытания во Францию! Мы не торгуем кровью наших детей! Мы не хотим быть подопытными кроликами!*

Нужно ли добавлять, что, когда Сэнфорд предложил закончить демонстрацию, все участники мирно и спокойно, распевая песни, разошлись и разъехались по своим домам. Вызванные для наблюдения за порядком французские жандармы, многие из которых привыкли иметь дело с бретонскими и корсиканскими автономистами, взрывающими административные здания и похищающими видных деятелей, чтобы добиться выполнения своих

требований, не верили собственным глазам. Жандармы, прибывшие из других заморских территорий Франции, тоже были приятно удивлены тем, как уважительно полинезийцы относились к закону и порядку. Так, на Мартинике незадолго до того демонстрация в связи с визитом Месмера вылилась в жестокую потасовку. Были подожжены машины и дома, 40 человек ранено, один убит. Но именно потому, что полинезийские автономисты вели себя столь сдержанно, Париж не обратил на их демонстрацию никакого внимания.

43. ПО ДОБРОЙ ВОЛЕ

Примерно с таким же презрительным равнодушием отнеслось французское правительство к одновременным протестам Австралии, Новой Зеландии и ряда южноамериканских стран против новой серии ядерных испытаний летом 1973 года. Ашиль-Фульд задал нужный тон цитированным в предыдущей главе заявлением, что на эти протесты нечего обращать внимания, так как они продиктованы исключительно партийно-политическими соображениями. Лейбористские лидеры Норман Керк в Новой Зеландии и Гоф Уитлэм в Австралии в ходе предвыборных кампаний обещали добиваться прекращения французских ядерных испытаний, если победят на выборах. Они победили, притом с большим перевесом.

Еще одним примером того, как мало считалось французское правительство с зарубежным общественным мнением, служит так называемая белая книга, выпущенная им в конце июня 1973 года. Анонимные авторы этого путаного, небрежно написанного сочинения (очевидно, бюрократы, никогда не бывавшие в Океании) ограничились повторением старой пропагандистской лжи: что на всех островах Французской Полинезии систематически измеряется радиоактивность пищевых продуктов, воздуха, почвы и воды, что в ООН ежегодно направляются подробные доклады, а Научный комитет ООН по действию атомной радиации полностью оправдывает Францию и т. д., и т. п. Единственный новый аргумент свидетельствовал об оскорбительно низкой оценке читательского интеллекта. Авторы пытались доказать, что косяки тунцов, пораженные радиацией в водах у Моруроа, со-

вершают долгое странствие в Тихом океане и к тому времени, когда они достигают западного побережья Южной Америки, они уже совершенно безвредны. Ибо странствие это длится полтора года. Слабость этого довода настолько очевидна, что даже как-то неловко на нее указывать. В самом деле, кто поручится, что тунцы будут держаться маршрута, предписанного им французскими военными, ни разу не подходя к обитаемым полинезийским островам!

Правительства стран Южной Америки в качестве ответного хода только и сделали, что еще раз обратились в ООН и пригрозили разорвать дипломатические отношения с Францией. Ночной сон президента Помпиду от этого ничуть не пострадал. Несколько сметливее оказались лейбористские премьеры в Новой Зеландии и Австралии. Уже в мае 1973 года они обратились в Международный суд в Гааге, требуя, чтобы Франции было предписано прекратить распространение радиоактивных веществ над территорией других суверенных государств. Однако французское правительство легко парировало этот выпад, отказавшись признать компетенцию суда в «вопросах обороны». После чего премьер-министр Керк, выходец из рабочих, не признающий юридических и дипломатических тонкостей, выполнил предвыборное обещание, которое все считали опрометчивым и бессмысленным: он направил к Моруроа новозеландское сторожевое судно. Помпиду и этот жест воспринял совершенно спокойно, ведь речь шла лишь о «символическом» протесте, новозеландцы вовсе не намеревались обстреливать французский атомный полигон или топить французский флот.

Итак, похоже было, что и в этом году останется в силе прежний сценарий, а именно: все протестующие правительства и группы общественности в странах Тихоокеанского региона осознают свое бессилие и замолкнут.

И если случилось иначе, если Франции в конце концов пришлось прекратить ядерные испытания в атмосфере, то этим мы, в частности, обязаны Дэвиду Моуди и его спутникам на старой датской посудине «Фри».

Новым действующим лицом в полинезийской атомной драме оказался 27-летний американец, бывший студент. Подобно многим своим сверстникам, он не прижился в уважаемом обществе, созданном при участии его состоятельного отца, крупного предпринимателя. Поль-

зуюсь распространенным, хотя и не очень четким, термином, назовем Дэвида «хиппи». Но это был необычный, морской хиппи: на средства отца Дэвид приобрел суденышко длиной 25 метров, водоизмещением 100 тонн, построенное в датской гавани Свенборг в 1912 году. Вместе с женой Эммой и молодыми друзьями, отвергающими буржуазный образ жизни, он странствовал по мировым океанам. Большинство членов экипажа «Фри» занималось изготовлением керамики, и им удавалось сбывать в портах захода достаточно кувшинов и блюд, чтобы обеспечить себя и судно всем необходимым. Правда, проблема снабжения значительно упрощалась тем, что Моуди и его компания были вегетарианцами. В области политики и философии их объединяло то, что все они были пацифистами и сторонниками методов пассивного сопротивления в духе Ганди.

С 1970 года «Фри» ходило в прибрежных водах Новой Зеландии, где обилие пустынных заливов и островов позволяло экипажу без помех разбивать лагерь и работать. Впервые широкая общественность услышала о них в марте 1973 года, когда в новозеландских газетах промелькнуло сообщение, что «Фри» будет служить своего рода базой снабжения для судов, направившихся в знак протеста в Моруроа. В этой новости не было ничего сенсационного. Уже не первый год с началом испытаний на атолле туда направлялись частные суда. Большинство вынуждено было возвращаться с пути из-за аварий или непосильной борьбы с волнами и ветром. Те немногие, кому удавалось одолеть все препятствия, держались на почтительном расстоянии от Моруроа, и о них мало кто вспоминал. Только в одном случае французское командование вмешалось и отогнало незваных гостей: летом 1972 года французский крейсер бесцеремонно таранил канадскую яхту «Гринпис», после чего ее капитан Дэвид Мактэггерт был вынужден прекратить патрулирование. Мировая пресса почти не обмолвилась об этом преступлении, совершенном в международных водах. Словом, на успех новых актов протеста надеяться не приходилось. После того как 24 марта 1973 года газеты сообщили, что накануне вечером «Фри» вышло в плавание с международным экипажем в составе 13 человек, о нем долго ничего не было слышно.

Почтенный возраст не придал прочности «Фри».

Сквозь щели в днище просачивалось столько воды, что семеро мужчин и шесть женщин (одна из них была на третьем месяце беременности) постоянно сменяли друг друга на помпе. Они подсчитали, что за двухчасовую вахту в среднем делалось 1200 движений рычагом. В штормовой зоне между 40 и 45 градусами южной широты, где они шли с попутным ветром, налетали подчас такие сильные ветры, что парус рвался раньше, чем команда успевала взять рифы. Первые недели всех преследовала морская болезнь; кое-кого она вообще не отпускала. Вот почему они облегченно вздохнули, подойдя на сорок седьмой день к острову Питкэрн, лежащему в 500 морских милях к юго-востоку от Моруроа. В 1790 году мятежники знаменитого корабля «Баунти» избрали этот остров своим последним прибежищем по той причине, что здесь нет природной гавани. И членам экипажа «Фри» пришлось по очереди отправляться к берегу на шлюпке, чтобы поразмяться и добыть провиант, между тем как судно продолжало лавировать в море. К великому огорчению гостей, выяснилось, что 80 жителей Питкэрна весьма положительно относятся к ядерным испытаниям на Моруроа. Ибо к Питкэрну стали часто подходить военные корабли, команды которых закупали у островитян в большом количестве деревянные фигурки, плетеные корзины и прочие сувениры. Наряду с французами обитателей Питкэрна навещали также американцы, англичане с кораблей, неизменно появлявшихся в водах у Моруроа, когда начиналась очередная серия взрывов.

Вот почему добрые островитяне были изрядно шокированы, когда гости с «Фри» перед своим отплытием 13 мая попросили местного старосту Первиса Янга заверить следующий документ: «Все мы, покидающие сегодня Питкэрн в составе команды „Фри“, настоящим заявляем, что намереваемся войти в зону, которую французы обычно объявляют опасной для судоходства и закрывают. Ибо мы считаем, что ни одна страна не вправе действовать так в международных водах, которые должны быть открыты для всех людей, без препятствий и опасностей в виде неконтролируемых ударных волн и радиоактивных осадков от ядерных взрывов.

Мы совершаем это плавание, озабоченные судьбой друг друга и всего человечества, хорошо сознавая риск, грозящий человечеству в более далекой перспективе, и

непосредственную опасность, которой подвергаем себя. При этом мы освобождаем нашего капитана от всякой ответственности за грозящие нам последствия радиации как в опасной зоне, так и за ее пределами, потому что вина в данном случае всецело ложится на тех, кто производит ядерные взрывы. Мы готовы умереть или же подвергнуть себя и своих будущих детей пагубной радиации, чтобы всем было ясно, что речь идет о преступных действиях, о преступлении против всего человечества».

Десять дней спустя «Фри» подошло к Моруроа, где уже находилось канадское суденышко «Спирит оф пис» с четырьмя борцами против ядерных испытаний на борту. Условились по радио встретиться под приметным облаком во второй половине дня 26 мая, и поскольку большинство обеих экипажей были английского происхождения, а встреча состоялась в пять часов, событие было отмечено чашкой чая с кексом. На другой день оба экипажа начали патрулировать вдоль двенадцатимильной границы, твердо настроившись не отступать. Моуди и его товарищи чуть ли не с военной точностью меняли галс в шесть утра и в шесть вечера. В зависимости от силы бокового ветра и сноса длина галса колебалась в пределах 40 и 50 морских миль. Борцы против ядерных испытаний пригласили французского командующего на Моруроа посетить их и выпить чаю с кексом, чтобы потом обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес, однако в ответ на любезное приглашение этот нелюдим лишь время от времени посылал разведывательный самолет проверить, не убрались ли восвояси незваные гости.

44. ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОНЕВОЛЕ

Как раз в это время Серван-Шрейбер, пообещав Сэнфорду поддержку, собрал свой летучий отряд, который тут же вылетел в Папеэте для участия в уже описанном массовом митинге. Правда, как опытный газетчик, он тотчас понял, что этого мало; необходимо атаковать главный бастион врага — Моруроа, чтобы заинтересовать французские средства массовой информации.

Найти во Франции желающих присоединиться к демонстрации Моуди на судне «Фри» было нетрудно. Самым примечательным кандидатом был генерал Жак Пари

ис Боллардьер, который числился в «запасе» с тех пор, как он во время войны в Алжире громко протестовал против применяемых французами пыток. Предавшись на некоторое время исследованиям и размышлениям, бывший герой войны стал убежденным борцом за мир и настойчиво практиковал метод пассивного сопротивления. Упомянутый выше аббат Тула́, до тех пор преимущественно выступавший в печати против французских ударных и черных сил, также записался в отряд, забыв о том, что он болезненно худой, совершенно нетренированный и абсолютно непрактичный человек. Немногим лучше был подготовлен к испытаниям такого рода третий кандидат — пацифист и профессор философии Жан-Мари Мюллер. Четвертый и последний — издательский работник, борец за охрану среды Брис Лалонд был молодой и физически крепкий мужчина, но он тоже совсем не был знаком с морем.

Оставалось найти судно, которое доставило бы их к Моруроа. Новозеландская организация «Пис Медиа», помогавшая финансировать плавание «Фри», сообщила, что на Фиджи есть подходящая шхуна. Пари де Боллардьер и его соратники незамедлительно вылетели к антиподам. И обнаружили по прибытии, что шхуна настолько мала и оснащена таким хилым мотором, что на путь от Фиджи до Моруроа понадобилось бы не менее двух месяцев. Начало личного знакомства с Океанией уже помогло им представить себе здешние расстояния, и они приняли превосходное по идее решение лететь на Таити, лежащий на 2 тысячи морских миль ближе к цели.

Откуда им было знать, что Сэнфорд тщетно пытался уговорить кого-нибудь из таитянских судовладельцев пренебречь немилостью гражданских и военных властей, которая явилась бы непременно следствием согласия предоставить в аренду судно для подобной цели. А на календаре было уже 21 июня, «летучий отряд» рисковал не успеть вовремя к Моруроа. Похоже было, что остается только один выход — не мешкая вылетать на Новую Зеландию, где «Пис Медиа» сумела подыскать другое судно. Одно плохо: путь от этого становился вдвое длиннее.

Два дня спустя Пари де Боллардьер с товарищами прибыл в Окленд. Здесь их ожидал новый и более при-

ятный сюрприз. «Пис Медиа» сообщила, что есть возможность арендовать моторное судно поближе к цели, а именно на острове Раротонга в архипелаге Кука, к западу от Таити. По счастливому совпадению, в тот самый день вылетал самолет, совершающий раз в неделю рейс Окленд — Раротонга. Изрядно утомившиеся борцы за мир купили билеты, поднялись на самолет и погрузились в беспокойный сон. Через 12 часов самолет приземлился на крохотном островке Раротонга. Острова Кука — бывшее новозеландское владение, получившее автономию в 1965 году; в ведении Новой Зеландии остались только вопросы обороны и внешнее представительство. Местный премьер принял гостей с исключительным радушием. Как же, судно есть, все правильно. Вот только с мотором что-то неладно, и на ремонт уйдет не одна неделя. Так что лучше всего, пожалуй, будет вернуться на Новую Зеландию.

Несколько часов спустя, когда четыре удрученных француза подкреплялись в единственном кафе на острове (шесть столиков, в меню — четыре блюда), они услышали от других мореплавателей, что неполадки носили, скорее всего, дипломатический характер. Премьер-министр Новой Зеландии распорядился, чтобы все протесты у Моруроа осуществлялись военным кораблем «Отаго»; внезапное появление частных судов только внесет ненужную путаницу. Власти на островах Кука вполне разделяли его мнение. Новые знакомые летучего отряда — одна австралийская чета — располагали хорошим судном, и Пари де Боллардьер, естественно, спросил, нельзя ли арендовать его. Австралийцы ответили, что не видят никакого смысла в предстоящей акции протеста. Вот если бы речь шла лишь о том, чтобы подвести французов до Моруроа, где они смогут присоединиться к экипажу «Фри», это был бы уже не политический, а денежный вопрос. Четырех тысяч долларов оказалось достаточно, чтобы они согласились.

Судно «Аруэн» вышло в путь только 30 июня. Тарахтя мотором, оно взяло курс на зону попутных ветров у 40-й параллели. Поспеют ли вовремя? Они поддерживали постоянную радиосвязь с «Фри», и, поскольку на Моруроа ничего не происходило, надежда росла с каждым днем. 15 июля подошли к условленной точке и, к своему великому облегчению, увидели качающееся на сильной

полне «Фри». Пересадка прошла благополучно, если не считать того, что один ялик пропал, а аббат угодил в воду. Доставленные «Аруэном» провиант и горючее пришлось очень кстати, так как все припасы на «Фри» подходили к концу.

Тридцать шесть часов спустя, на рассвете 17 июля, из облаков вынырнул французский военный самолет. Сразу вслед за тем экипаж «Фри» увидел силуэт крейсера на фоне утреннего неба. Быстро приблизившись, корабль лег в дрейф, и с него спустили на воду резиновую лодку. Три человека сели в лодку и подошли на веслах к «Фри». Им было поручено доставить письмо от командующего испытаниями адмирала. Распечатав конверт, Моуди обнаружил текст указа, только что опубликованного во французском «Журналь офисьель», временно запрещающего всякое судоходство в радиусе 60 морских миль, считая от двенадцатимильной границы Моруроа. Опасная зона, которой всем предписывалось избегать с началом бомбовых испытаний на Моруроа, была *еще больше*: она была ограничена окружностью радиусом в 120 морских миль! (Иначе говоря, зона включала еще с полдюжины островов, в том числе Туреиа.) Поскольку мореплаватели других стран вряд ли подписывались на «Журналь офисьель» и это издание не распространяется в розничной продаже в Океании, со стороны адмирала было весьма предусмотрительно ознакомить экипаж «Фри» с утвержденными в последнюю минуту мерами.

Моуди и его экипаж, включая только что прибывших французов, вежливо, но твердо заявили, что не могут мириться с произвольным и даже противозаконным решением французского правительства объявить запретной обширную область *за пределами национальной двенадцатимильной зоны*. На всякий случай они вручили посыльным копии своего питкэрнского манифеста и телеграфного приглашения адмиралу посетить «Фри». Резиновая лодка вернулась на крейсер, и тот мигом скрылся за горизонтом. А «Фри» возобновило свое долгое патрулирование границы двенадцатимильной зоны. В половине третьего вдруг появились сразу три военных корабля. На сей раз к «Фри» подошли две надувные лодки; в каждой сидело шестеро солдат, в руках они держали длинные резиновые дубинки, к правому бедру

был привязан широкий нож. Командир абордажного отряда передал новое адмиральское послание. Оставив без внимания вежливое приглашение, адмирал сообщал суровым телеграфным стилем: *«Вы не покинули запретную зону вокруг Моруроа. Чтобы защитить вас, мы вас отбуксируем».*

Моуди с присущей ему мягкостью возразил, что они не хотят никакой защиты. Скорее, наоборот. Но командир стоял на своем и приказал солдатам закрепить буксирный конец. Пока кто-то из экипажа «Фри» обрубал конец, генерал Пари де Боллардьер и аббат Тула торжественно предупредили, что с этой минуты все члены экипажа будут оказывать пассивное сопротивление. После чего Моуди и радист, раздевшись, прыгнули в воду, одна из девушек забралась на мачту, а все остальные участники протеста улеглись на палубе и запели песни борцов за мир. Разумеется, военные пираты сочли это ребяческой выходкой, хотя им пришлось изрядно потрудиться, чтобы выловить из воды двух пловцов и снять девушку с мачты. Правда, тем временем к ним прибыло подкрепление в количестве 30 солдат, и, сознавая свое численное превосходство, они потешались над бестолковым сопротивлением «пассивистов».

Однако через несколько часов, когда «Фри» отбуксировали к пирсу на Моруроа, солдатам стало не до смеха. Командир сердито приказал членам экипажа выходить на палубу с паспортом в руках для немедленной отправки на родину. К непритворному удивлению офицеров и солдат, из большой рубки, где засел экипаж, не последовало никакого ответа. «Тогда мы вас вынесем!» — прокричал командир, вслед за чем 12 жандармов, которым явно было не впервой преодолевать пассивное сопротивление, спустились в рубку и стали одного за другим выволакивать упрямцев. Однако ни у одного из них не оказалось при себе паспорта, и все молчали как рыбы. Высылать на родину беспаспортных и безвестных личностей в нашем мире, помешанном на визах и анкетах, трудновато. Между тем пленники, за исключением генерала Пари де Боллардьера и аббата Тула, оставались для французского командования анонимными. С трудом сдерживая ярость, 12 жандармов тщательно обыскали все судно, но так и не нашли паспортов, спрятанных за шпангоутом в грузовом трюме.

Лишенные возможности осуществить планы высылки, жандармы отнесли подневольных гостей в коттеджи и поставили караул — неведомо зачем, ибо наутро все пленники продолжали лежать пластом на кроватях. Сообщение о том, что их доставят на крупную военную базу на острове Хао, лежащем на полпути от Моруроа до Таити, не вызвало никакой реакции. Плечистым жандармам пришлось сопровождать пленников в самолете. На Хао они так же ловко перенесли упрямец в офицерский морской клуб и поспешили принести вкусную еду. Слова замешательство и удивление: Моуди и его соратники заявили, что объявляют голодовку, пока им не вернут «Фри». Чтобы можно было продолжать демонстрацию протеста у Моруроа. Заточенный отдельно Пари де Боллардьер также объявил голодовку.

Три дня жандармы всячески соблазняли пленников самыми изысканными французскими блюдами с офицерской кухни, и все три дня пленники отказывались есть. Правда, они охотно вступали в дискуссию с охранниками, доказывая им полную бессмысленность французской программы ядерного вооружения и опасность взрывов для здоровья населения. 21 июля в распоряжении жандармов оказался мощный аргумент: состоялся первый взрыв сезона. Выходит, бессмысленной-то оказывается не программа ядерных испытаний, а голодовка... Так что лучше всего съесть отличный обед, выложить паспорта и разъехаться по домам.

Благодаря тому что новозеландское сторожевое судно до последнего момента поддерживало радиосвязь с «Фри», весь мир уже знал о его захвате. Особенно неблагоприятное впечатление произвело то, что пиратская акция совершена в международных водах. Одному иностранному корреспонденту на Таити удалось передать пространный отчет о том, как обошлись с экипажем, и об объявленной им голодовке. Это сообщение было предано гласности всеми средствами информации на Новой Зеландии и в Австралии, притом с достаточно едкими комментариями. Через несколько дней в этих странах был объявлен бойкот французским самолетам и судам. А также товарам. Затем почтовые работники дружно отказались обрабатывать корреспонденцию и обеспечивать телефонную связь с Францией. Были подложены бомбы в помещения французских консульств и фирм в Сиднее

и Окленде. Поскольку среди пленников находилось четверо французов, даже французская пресса стала интересоваться проблемой ядерного оружия. Правда, большинство газетчиков возмущалось главным образом тем, как расточительно расходуют средства французских налогоплательщиков, но кое-кто начал задаваться вопросом, как обстоит дело со здоровьем и свободой полинезийцев. Было очевидно, что «Фри» гораздо лучше, чем новозеландское судно, справилось с важной задачей: придать больше уверенности противникам взрывов на Моруроа и снабдить их новыми аргументами.

Явно недовольное тем, что военное командование на месте не сумело справиться с кучкой помешанных хиппи, французское правительство направило во Французскую Полинезию Ашиль-Фульда. 22 июля он прибыл на Хао для дружеской беседы с участниками голодовки. Стремясь обеспечить непринужденную атмосферу, он предложил им виски с содовой. Однако жажду испытывал только Дэвид Моуди, да и тот ограничился обыкновенной водой. Ашиль-Фульд заявил, что он сам моряк, а потому отлично понимает их тревогу за свое судно. Но они волнуются понапрасну: «Фри» стоит у Моруроа в полной сохранности, тамошний комендант даже любезно обещал устранить небольшие повреждения, причиненные судну во время захвата и буксировки. Сразу после этого «Фри» будет отбуксировано или отправлено своим ходом на Хао, и все смогут разъехаться по домам, ибо они совершенно свободны. Все время были свободны, хотя некоторые принятые по отношению к ним меры могли создать у них превратное впечатление. Моуди молча выслушал эту тираду и ответил, что он и его товарищи требуют одного: безоговорочного возвращения судна, чтобы они могли продолжать демонстрацию протеста у Моруроа. Посоветовавшись, члены экипажа решили пойти еще дальше и потребовать письменного заверения, что французские корабли больше не будут их беспокоить. С точки зрения Ашиль-Фульда, это было уже чересчур, и он в гневе удалился.

На другой день роль уговаривающих взяли на себя два высокопоставленных чиновника, один из которых, по фамилии Кастеллани, специально прилетел из Парижа. Но Моуди и его товарищи, выдерживающие голодовку уже восьмой день, стояли на своем. Военные врачи на

Хло, регулярно делавшие анализы, начали серьезно беспокоиться за их здоровье и заявили, что необходим более квалифицированный уход, который может быть обеспечен только в государственной больнице в Папезте. Военное командование, с самого начала настаивавшее, чтобы гражданские власти поскорее освободили его от этих упрямец, не замедлило воспользоваться превосходным медицинским предложением и тотчас приказало отнести их на военный самолет, вылетающий в Папезте.

Голодающие чуть ли не с грустью прощались со своими личными охранниками, к которым уже успели привыкаться. Да и те долго стояли с печальным видом на аэродроме и махали вслед улетающему самолету. Генерала Пари де Боллардьера ожидало еще более роскошное и продолжительное путешествие. Его отнесли на другой самолет, который вылетел с единственным пассажиром через Мартинику в Париж! По прибытии генерала отвезли в госпиталь и особым правительственным постановлением досрочно проводили на пенсию...

Высшим представителем гражданской власти на Таити по-прежнему был губернатор Анжели, обожавший, как известно, прибегать к колониальному указу 1932 года, который позволял ему без всяких формальностей высылать неугодных лиц. И как только команда голодающих была доставлена в больницу в Папезте, туда явился жандармский капитан с аккуратно оформленным документом, объявляющим их «персона нон грата», которые подлежали немедленной высылке. Капитан к тому же потребовал расписку, подтверждающую вручение документа.

Дэвид Моуди спокойно объяснил, что французским властям самим не терпелось залучить экипаж его судна в свою колонию, они даже насильно отбуксировали «Фри» на Моруроа. Так что со стороны властей в высшей степени нелепо и непоследовательно теперь объявлять их нежелательными лицами. Ему в голову не придет принимать такую плохо продуманную бумагу, и лучше всего спрятать ее обратно в портфель. Столь неуважительное обращение с представителем власти было совершенной новостью для бедняги с капитанскими погонами, и он вполне серьезно, даже с просительной интонацией начал объяснять, что это пахнет нарушением та-

ких-то и таких-то параграфов закона. Но Моуди был неумолим. Кончилось тем, что явился специальный посланец Парижа Каstellани и гневно объявил, что их вышлют без всяких церемоний. Если они сейчас же не прекратят голодовку. Весь этот сумбур убедил Моуди и его товарищей, что военные на Моруроа все еще не нашли их паспортов, и команда вновь потребовала, чтобы ей вернули «Фри».

В это время на Таити прибыл в сопровождении американского дипломата отец Моуди; не стесняясь в выражениях, оба дали понять Анжели, что захватывать и задерживать судно, зарегистрированное в США,— дело нешуточное. Очевидно, аналогичные представления были сделаны в Париже, потому что через несколько дней губернатор капитулировал, и военный самолет доставил отряд Дэвида Моуди (кроме беременной женщины, которая была уже на седьмом месяце, и ее мужа) на Моруроа.

Во время двух июльских взрывов судно было накрыто пластиковым чехлом — не очень надежная защита; далеко не все повреждения были толком исправлены. Но экипажу «Фри» так не терпелось возобновить патрулирование, что они махнули на это рукой и ограничились просьбой к военным обеспечить их провиантом, который и получили без промедления. В благодарность они исполнили все положенные для выезда формальности. Даже предъявили паспорта, спокойно достав их из тайника.

Надо думать, весь пиратский спектакль повторился бы перед очередным ядерным взрывом; но тут произошел взрыв в машинном отделении «Фри», от которого моторист получил сильные ожоги. Его переправили на новозеландское судно, которое, к счастью, по-прежнему курсировало в районе Моруроа за пределами опасной зоны. Поломка мотора не обескуражила остальных членов экипажа, хуже было то, что военные на Моруроа не потрудились отремонтировать неисправный руль. К тому же днище протекало сильнее прежнего. После долгих совещаний экипаж волей-неволей взял курс на Папете, единственную гавань в Восточной Полинезии, располагающую хорошо оснащенной верфью. Сразу после ремонта Моуди и его спутники намеревались вернуться к Моруроа.

Однако военные и губернатор Анжели продолжали следить за этими перипетиями отнюдь не с благожелательным интересом. И когда «Фри» 10 августа приблизилось к Таити, у границы двенадцатимильной зоны его ожидал крейсер с посланием от губернатора, содержащим категорический запрет заходить в Папеезе и все прочие порты Французской Полинезии. Чтобы проследить за соблюдением запрета, крейсер продолжал ходить вокруг «Фри». Однако ничто не мешало таитянам плавать за пределами двенадцатимильной зоны, и вскоре к «Фри» подошли на небольшом суденышке Сэнфорд и Теарики с добрым запасом провианта. А также с рабочими судовой верфи, которые захватили необходимые материалы для починки мотора и руля. Ремонт затянулся, пришлось подвозить еще материалы и мастеров, а крейсер день за днем все ходил вокруг «Фри», так что у командира крейсера и у матросов началось головокружение. Военное начальство было вне себя от ярости: ведь крейсер был ему нужен для других целей. В частности, для того чтобы отогнать еще одного незваного гостя, явившегося в эти дни. Канадец Дэвид Мактэггерт, чье судно «Гринпис» таранили в 1972 году, пришел на новом «Гринписе» с мини-командой из двух девушек. В конце концов власти послали другой крейсер для захвата «Гринпис II». Участники abordаж были явно не в духе и сбили Мактэггерта дубинками с ног, причем один удар пришелся ему по глазу. Весть о новом грубом нападении обошла мировую прессу и привела к еще более бурным демонстрациям в Канаде, Новой Зеландии и Австралии.

Тем временем затянувшаяся морская карусель около Папеезе внезапно прекратилась. Вспыльчивый губернатор Анжели, четыре года прихотливо управлявший кормилом власти, уступил место более разумному деятелю, который тотчас разрешил «Фри» войти в порт-убежище на соседнем с Таити острове Мурео. Возможно, главной причиной такого решения был доклад военно-морских экспертов, определивших, что состояние команды и судна не позволяет возобновить демонстрацию у Моруроа. К сожалению, эксперты были правы. 14 сентября Моуди вынужден был сдать курс на запад, к Новой Зеландии.

45. ВЯЛАЯ ПОПЫТКА ПРЕКРАТИТЬ РАЗДОРЫ

Итак, похоже было, что Моуди и Мактэггерт проиграли морской бой за Моруроа. На самом же деле им удалось добиться того, чего тщетно добивались десять лет полинезийские лидеры: Франция оказалась вынужденной обратить внимание на оправданную тревогу тихоокеанских народов за свою безопасность и свое здоровье. Конечно, Помпиду, Дебре и Месмер и не помышляли о прекращении ядерных экспериментов. Но они впервые предприняли серьезную попытку перейти от атмосферных испытаний к подземным.

Еще летом 1972 года, когда торговый обмен Франции с Австралией и Новой Зеландией заметно пострадал от бойкота французских товаров, судов и самолетов, Помпиду отдал распоряжение военным поискать подходящее место для подземных испытаний и провести разведочное бурение. Официально об этом не сообщалось, но всем таитянам, проходившим мимо гавани Папэте в августе 1972 года, сразу было ясно, что военные приготовились оккупировать еще один остров. На огромных ящиках, которые грузили на военный корабль, крупными буквами значилось «Эиао». Так называется уединенный скалистый островок Маркизского архипелага шириной всего 8 и длиной 13 километров.

Малые размеры и уединенность острова не располагали людей селиться на нем, а потому, в отличие от других островов, природа здесь не пострадала. В 1971 году Территориальная ассамблея объявила Эиао заповедником и доверила сотрудникам французского Национального музея естественной истории интереснейшую задачу — всесторонне изучить этот самый девственный уголок всей Французской Полинезии. И вот теперь военные без зазрения совести и в нарушение всех законов вознамерились расправиться с заповедником. Судя по тому что в некоторых ящиках были упакованы бильярдные столы и кинопроекторы, они собирались надолго обосноваться на Эиао.

С присущей им недооценкой психологии людей и реального положения вещей военные пытались внушить свидетелям готовящейся экспедиции, а таковыми были 50 процентов жителей Полинезии, будто речь идет о чисто научных исследованиях, призванных выяснить целе-

сообразность проведения на Эиао горных работ. Дескать, каменное основание острова богато титаном. Откуда они могли это знать еще до начала разведочного бурения, оставалось неясным. Еще труднее было понять, почему французским «геологам» вдруг приспичило отправляться на другой конец земного шара за металлом, которого и в Европе предостаточно.

Лишь после того как министра обороны Дебре сменил Робер Галле, мы услышали сравнительно правдоподобную версию о том, что произошло на Эиао. Случилось это 30 августа 1973 года на пресс-конференции в Папэте, устроенной Галле для умиротворения общественности стран Тихоокеанского региона, все еще взбудораженной тем, как обошлись с экипажем «Фри». Вот суть выступления Галле: французское правительство искренне стремится устранить недоразумения и недовольство, возникшие в некоторых районах Океании, а потому распорядилось провести разведочное бурение на острове Эиао, чтобы выяснить, нельзя ли там производить подземные взрывы. К сожалению, остров Эиао, сложенный из базальтовых пород, как и все острова вулканического происхождения, оказался настолько непрочным, что рассыпался бы от первого же взрыва. По этой причине план использования Эиао был отвергнут. С довольной улыбкой Галле добавил, что во Французской Полинезии, к счастью, нашелся другой остров, отлично подходящий для подземных экспериментов. А потому вся группа геологов, техников и легионеров, работавших на Эиао, уже несколько месяцев назад переброшена на новый объект. С удивлением мы узнали, что новый, идеальный для испытаний остров — Фангатауфа, тот самый атолл в 40 километрах к югу от Моруроа, которого все боялись, как чумы, после проведенного там в 1968 году взрыва водородной бомбы мощностью 2,5 мегатонны. Но почему военное командование сразу не остановило на нем свой выбор, а потратило кучу денег на исследование непригодного для экспериментов Эиао? Галле не смог удовлетворительно ответить на этот вопрос, только заявил, что вскоре группа журналистов сможет посетить Фангатауфу и своими глазами убедиться, сколь удачен выбор. Франции нечего скрывать, она за политику открытых дверей.

Разрекламированная поездка журналистов состоя-

лась двумя месяцами позже, в октябре 1973 года. Из 11 приглашенных французских репортеров один представлял официальное французское агентство Франс Пресс, двое — государственную радио- и телевизионную компанию ОРТФ, а все остальные обслуживали благонадежные правые газеты, поддерживающие голлистский режим. Ни один из членов журналистской бригады основательно не разбирался в вопросах ядерного оружия и радиации. Представитель единственной французской газеты, серьезно занимавшейся этими проблемами, — «Экспресс» Серван-Шрейбера — не был приглашен. После пирушек на Таити допущенные к посещению корреспонденты вылетели на Фангатауфу. Здесь их принял руководитель экспериментов Клод Эйсоберри и гордо показал гостям вышку вроде тех, какие во всем мире применяются для поисков нефти. Тут же, с интересом глядя на гостей, стояли сами бурильщики. Они еще не прошли «ноздrevатый, как швейцарский сыр» (выражение Эйсоберри), коралловый пласт 500-метровой толщины, но под «коралловым сыром» залегала твердая порода. Один из журналистов догадался спросить, какая именно порода. Базальт, конечно, ответили ему. Как и на Эиао, где бурение, по признанию Галле, прекратили, потому что базальт оказался слишком хрупким. Но Эйсоберри надеялся, что на Фангатауфе он окажется прочнее.

Заодно Эйсоберри поведал журналистам, что, честно говоря, не стоило тратить столько труда и денег лишь для того, чтобы утихомирить каких-то полоумных пацифистов. Тем более что подземные испытания вообще связаны с большими техническими трудностями. Наблюдать и измерять параметры взрыва, произведенного в 600 метрах ниже уровня моря, несравненно сложнее, чем на таком же расстоянии над землей. Хотя бы потому, что после каждого испытания надо бурить новые скважины, чтобы взять пробы из «тигля». Правда, продолжал Эйсоберри, быть пионерами в этом деле чрезвычайно увлекательно. Ибо еще никто в мире не пытался решить такую трудную задачу, как подводные ядерные испытания в толще узкого цоколя кораллового островка.

Многие лояльные газеты поместили не только доброжелательные репортажи, но и передовицы, в которых поздравляли правительство с тонким решением всех технических проблем, что позволит скоро положить ко-

пец нелепым дипломатическим конфликтам со странами Тихоокеанского региона. Помпиду и его министры явно ожидали, что полинезийские лидеры тоже угомонятся, услышав столь добрые новости. Однако их так часто и бессовестно обманывали, что они не могли избавиться от подозрений и отнеслись безучастно к новым заверениям и обещаниям. Пусть даже военные на этот раз говорят чистую правду, все равно полинезийцы требуют немедленного предоставления им автономии, говорили они тем немногим репортерам, которые во время своей приятной экскурсии в Океанию не поленились обратиться к ним за интервью.

Даже Гастон Флосс, руководитель местного отделения голлистской партии, неожиданно присоединился к хору недовольных: «Уже целый год я занимаю пост председателя Территориальной ассамблеи и смог лично убедиться, что нынешняя система никуда не годна. Вот почему мы хотим впредь сами вести своими делами».

Флосс выразил смиренное пожелание, чтобы его добрые друзья и товарищи по партии, управляющие Францией, незамедлительно провели необходимые реформы. Четыре «независимых» депутата Территориальной ассамблеи подготовили куда более хитроумное предложение, о котором доложил их руководитель, профсоюзный деятель Шарль Тауфа. Сами того не подозревая, они задумали применить хорошо известную, старую тактику «пятой колонны», а именно проникнуть во все звенья администрации и постепенно взять в свои руки власть в рамках существующих учреждений. Одно было неясно: как они собирались проделать этот трюк незаметно для губернатора и министра по делам заморских территорий. Французов в столь единодушной поддержке давнего требования автономистов не устраивало лишь одно: теперь уже нельзя было с негодованием называть гнусными изменниками родины всех полинезийцев, недовольных закостенелым колониальным режимом.

Итак, положение оставалось неизменным. В январе 1974 года прибыл с инспекционным визитом Бернар Стази — новый (12-й по счету за 12 лет) министр по делам заморских департаментов и территорий. Может быть, вернее будет назвать этот визит учебным, если учесть, что Стази впервые прилетел в Океанию и знал о местных проблемах так же мало, как поначалу все

его предшественники. Примечательно, что Стази не был голлистом, он принадлежал к партии «Центр демократии и прогресса», которая, несмотря на громкое название, представляла умеренно правые круги. Ко всеобщему удивлению, оказалось, что министр принимает почти всерьез довольно расплывчатую программу реформ, выдвинутую его партией. Но о каких-либо встречах с единственными подлинными выразителями интересов полинезийского народа — Пуванаа, Теарики и Сэнфордом, — разумеется, не могло быть и речи. Это вызвало бы в Париже такое недовольство, что ему пришлось бы расстаться с министерским портфелем. Тем не менее Стази, вместо того чтобы по давно заведенному порядку докладывать только о написанных по заказу приветственных речах и оплаченных овациях, включил, например, в одно из сообщений для печати досадную информацию о том, что три названных лидера сумели без труда собрать на митинг в Папезте 4 тысячи полинезийцев, которые громкими аплодисментами и криками «ура» откликались на страстные призывы своих вождей добиваться автономии. Стази даже официально выразил свое удивление тем, что губернатору можно бесцеремонно высылать неугодных лиц и запрещать полинезийцам издавать газеты на своем языке. И он пообещал в ближайшее время аннулировать эти диктаторские полномочия, наследие давно минувших времен. Правда, выполнить это опрометчивое обещание мог только премьер-министр Месмер, а он, конечно же, отправил непродуманное предложение Стази в самый долгий ящик своего письменного стола.

Еще до того Стази совершил куда большую глупость: посетив далекий вулканический остров Реюньон в Индийском океане, числящийся вопреки здравому смыслу департаментом Франции, он обещал положить конец распространенным там выборным махинациям. Естественно, это привело в ярость могущественного голлистского деятеля Мишеля Дебре, который именно на этом острове прошел в депутаты после провала на выборах во Франции. Вскоре затем Стази допустил новый промах, официально осудив военный путч в Чили. За что Помпиду сделал ему публичный выговор. Нетрудно понять, что объективный отчет Стази по возвращении в Париж в начале февраля 1974 года, когда он доложил о настойчивых требованиях радикальных реформ со сто-

роны полинезийцев, был последней каплей, переполнившей чашу терпения Помпиду.

Никто на Таити не был удивлен тем, что Стази был смещен с поста министра, когда 1 марта (в третий раз за два года) Месмер провел реорганизацию своего кабинета. Исчезновение Стази особенно бросалось в глаза, потому что все прежние министры сохранили свои посты в «новом» правительстве. Только Стази не был назначен! Вместо этого премьер-министр Месмер учредил по соседству со своей канцелярией специальный отдел и в дальнейшем сам занимался делами заморских территорий с помощью своего ближайшего помощника Комити⁴⁴, никогда ранее не занимавшегося колониальными проблемами.

В телевизионном интервью Месмер с невозмутимым видом так объяснил своеобразное решение: «Это означает, как, наверное, всякому понятно, что в дальнейшем все проблемы заморских территорий будут предметом самого пристального внимания».

46. НОВЫЙ КУРС ЖИСКАР Д'ЭСТЕНА

Популярность Месмера в стране и в парламенте продолжала падать столь стремительно, что оставалось вопросом времени, когда он сам будет снят. И если ему удалось покинуть сцену более элегантно способом (вроде того как проигрывающего боксера спасает от нокаута гонг), то это, как известно, было следствием давно ожидавшейся и все же внезапной кончины президента Помпиду 2 апреля 1974 года. Для полинезийцев это означало, что им намного раньше предполагаемого срока (Помпиду был избран в 1969 году на семь лет) представился новый шанс стать хозяевами собственной страны и наконец-то добиться прекращения ядерных испытаний.

Гастон Флосс и прочие местные голлисты, сохраняя трогательную верность своей партии, постановили поддерживать кандидатуру обреченного на поражение Шабан-Дельмаса. В отличие от них вожди «независимых» Тауфа и Ванизет поспешили вылететь в Париж и связаться с руководителями предвыборной кампании Жискара д'Эстена. Возвратившись в Палеэте, они радостно объявили, что Жискара д'Эстен, как они и предчувство-

вали, тот самый кандидат, который готов больше других сделать для Полинезии. Мало того что его предвыборная программа предусматривает проведение обширных либеральных реформ, он лично объяснил им, что это подразумевает автономию для заморских территорий. Относительно ядерных сил Жискара д'Эстен считал, что без них невозможно оборонять Францию. А потому испытания будут продолжены, однако Жискара д'Эстен решительно намерен перейти на подземные взрывы. Этот ответ устраивал Ванизета и Тауфу. Среди их избирателей было много представителей деловых кругов, которые хорошо зарабатывали на военных, а также полинезийцы и французы, состоявшие на службе в ЦТИ и КАЭ или связанных с ними фирмах.

Что до Пуванаа, Теарики и Сэнфорда, то они не испытывали ни малейшего доверия к голлистам, как бы те ни именовались — Месмер, Шабан-Дельмас или Жискара д'Эстен. Все эти деятели были ревностными сторонниками реакционной колониальной политики, из-за которой полинезийцы столько пострадали. Так, Жискара д'Эстен много лет занимал важный пост министра финансов, и патроны были им вполне довольны. Иное дело третий кандидат, Франсуа Миттеран. В отпечатанной и распространенной им подробной предвыборной программе отчетливо говорилось, что жители заморских территорий должны сами решить путем референдума, какую форму управления они предпочитают. Миттеран обещал также тотчас прекратить ядерные испытания и в дальнейшем ничего не затевать в Полинезии без согласия населения.

Миттеран уже выдвигал свою кандидатуру на президентских выборах 1965 года, когда с великим трудом победил де Голль. По призыву Теарики полинезийские избиратели в тот раз впервые отказали генералу де Голлю и выразили свой протест против его ядерной и колониальной политики, дружно проголосовав за неизвестного им Миттерана. Но хотя с тех пор полинезийцы восемь лет испытывали на себе горечь голлистского притеснения, это еще не означало, что они снова окажут единодушную поддержку Миттерану, который недавно вошел в блок с коммунистами. Католические и протестантские священники в своих проповедях обрушивали громы и молнии на этих безбожников, и полинезийцам,

почитающим себя добрыми христианами, претило голосовать за кандидата, связанного с «учениками дьявола». Тем не менее Пуванаа, Теарики и Сэнфорд, напирая на щедрые предвыборные обещания Миттерана, призывали своих сторонников отдать голоса левому кандидату.

Вскоре выяснилось, что их противники не стесняются использовать религиозные предрассудки полинезийцев. Особенно после того, как Шабан-Дельмас сошел со сцены и у Миттерана появились хорошие шансы на победу⁴⁵. Местные сторонники Жискар д'Эстена, явно располагавшие неограниченными денежными средствами, расклеили повсюду огромные плакаты и ежедневно печатали на рекламных полосах таитянских газет агитационные материалы на французском и таитянском языках. В тексте неизменно говорилось о жестоких преследованиях, грозящих верующим полинезийцам, если победит Миттеран. Просвещенных полинезийцев, служащих администрации и торговых фирм, пугали тем, что победа Миттерана неизбежно повлечет за собой повышение налогов, девальвацию и страшную безработицу. Что касается французских поселенцев, предпринимателей, техников и военных, то тратить деньги на их просвещение не требовалось. Они наперед знали, за кого будут голосовать.

Выборы прошли как обычно, а именно: обращенные к французским избирателям речи Жискар д'Эстена и Миттерана были переданы таитянским радио и телевидением без перевода на полинезийский язык, и местным лидерам не дали возможности объяснить, почему они поддерживают того или иного кандидата. Не брали их и на борт военных кораблей, развозивших избирательные бюллетени на другие острова. Вовремя разослать избирателям предвыборные обращения и брошюры также не было никакой возможности, ибо почту доставляли торговые суда, а они ходили редко и без надежного расписания. Единственными предвыборными ораторами на дальних островах и на этот раз были французские католические миссионеры, грозившие избирателям вечными муками, если те проголосуют за «кандидата коммунистов» Миттерана.

Несмотря на все эти препятствия, во Французской Полинезии победил Миттеран, собрав 51,23 процента голосов; Жискар д'Эстен получил 48,75 процента. Харак-

терно, что единственными округами, где верх взял Жиска́р, были Маркизские острова и архипелаг Туамоту; там католики составляют соответственно 90 и 70 процентов населения. Разумеется, больше всего Жиска́р д'Эстен преуспел в военной зоне на юге-востоке архипелага Туамоту, полностью закрытой для гражданских лиц.

Офицеры ядерных сил ревностно проповедовали то же евангелие, что и миссионеры. Так, на лежащем в 126 километрах от Моруроа острове Туреиа, обитатели которого давно уже возвратились из оплаченной военными чудесной экскурсии на Таити, был установлен следующий абсолютный рекорд: зарегистрированных избирателей — 45; проголосовали 45; действительных бюллетеней 45; за Жиска́р д'Эстена 45; за Миттерана 0.

Отметим в заключение, что процент поданных за Миттерана голосов полинезийцев на трех других архипелагах, где живет 80 процентов населения территории, был больше, чем об этом можно судить по суммарным итогам, которые включают 10 тысяч бюллетеней, опущенных в урны французскими военнослужащими, техниками, предпринимателями и чиновниками администрации, временно находившимися на островах. Конечно, то, что эти голоса, как обычно, приплюсовывали к голосам полинезийцев, вместо того чтобы учитывать по постоянному месту жительства во Франции, не повлияло на исход президентских выборов. Однако такой метод подсчета способствовал утаиванию важного обстоятельства: подавляющее большинство полинезийцев высказалось за автономию и против ядерных испытаний.

Став президентом и сформировав 28—29 мая 1974 года свое правительство, Жиска́р д'Эстен первым делом торжественно пообещал, что, начиная с 1975 года, ЦТИ будет проводить исключительно подземные испытания. Однако хорошее впечатление от его слов было заметно испорчено в странах Тихоокеанского региона одновременным заявлением президента, что до той поры, к сожалению, придется еще взорвать последнюю серию бомб в атмосфере над Моруроа. Он поспешил добавить, что ООН, как всем известно, неоднократно отмечала полную безопасность французских ядерных испытаний в Полинезии. Новый министр обороны Жак Суффле⁴⁶ с совершенно серьезным видом объявил в Национальном

собрании, что речь идет в основном о бомбометании с истребителей, а такие эксперименты под землей не проведешь. Вроде бы безупречная логика... Да только очень уж неясно выглядели исходные посылки. Какого рода бомбы предстояло испытывать и почему их надо было сбрасывать с истребителей? Великие державы уже давно приспособили для стратегических атомных бомб ракеты-носители дальнего радиуса действия. Постепенно выяснилось, что французские военные специалисты, которым все еще не удалось наладить производство водородных бомб, решили во искупление своей вины и в дополнение к уже упоминавшимся тактическим атомным бомбам мощностью 10 килотонн для танковых соединений изготовить несколько бомб мощностью 25 килотонн, которые могли бы применяться истребителями типа «Ягуар» против «ограниченных целей» на случай «обычной» войны.

Хотя прототип 10-килотонной бомбы, получившей название «Плутон», был готов уже в 1972 году, ко времени прихода Жискара д'Эстена к власти новым оружием оснастили только один полк, причем в полку насчитывалось *шесть* танков. Как заявил министр Суффле, требовался еще не один год, чтобы оснастить все намеченные 36 танков. Поневоле спросишь себя, для чего понадобились французскому правительству такие мало-мощные силы — если их вообще удалось бы создать. Напрашивается вывод, что правительство стремилось как-то утешить и подбодрить высшие чины наземных войск и военно-морских сил, которые с растущей завистью и недовольством следили за тем, как большая часть оборонных ассигнований идет на строительство атомных подводных лодок и ракет.

Серван-Шрейбер, только что поставленный Жискаром д'Эстеном во главе нового министерства, задачей которого было разрабатывать и проводить в жизнь социальные и экономические реформы, предложил для начала отменить заключительную серию атмосферных испытаний и не возобновлять их, пока не будет основательно изучена вся оборонная проблема. Он даже обвинил Месмера в том, что тот поставил Жискара д'Эстена перед свершившимся фактом. Месмер сохранял пост премьер-министра до окончания президентских выборов и, по словам Серван-Шрейбера, воспользовался этой от-

срочкой, чтобы пустить в ход сложную военную машину, которая успела набрать такую скорость, что Жискара, приняв президентские полномочия, при всем желании уже не мог ее остановить, не мог он предотвратить и летнюю программу испытаний во Французской Полинезии. Разоблачения Серван-Шрейбера настолько возмутили министров-голлистов, что некоторые из них пригрозили выйти из правительства. Руководство партии поддержало их, считая отказ от атомного оружия таким же святотатством, как если бы кто-нибудь предложил снести Эйфелеву башню. Фракция Жискара д'Эстена насчитывала всего 70 депутатов, и он всецело зависел от поддержки 173 голлистов. А потому конфликт окончился тем, что «неуживчивому» Серван-Шрейберу пришлось уйти в отставку.

Но перед тем одно, казалось бы незначительное, происшествие убедило нас, жителей Французской Полинезии, в правоте Серван-Шрейбера. За три дня до вступления Жискара д'Эстена в должность президента, со своей базы в Вердене прибыл на Таити отряд из ста жандармов, прошедших специальную подготовку. В нашем краю жандармов и военных предостаточно, но этот отряд мы заметили сразу — его задачей было охранять аэродром на Таити против возможных попыток сорвать ядерные испытания путем диверсий. Понятно, его не стали бы присылать на Таити 25 мая, не будь уже тогда принято решение вскоре приступить к очередной серии взрывов. Вот почему никто на Таити не был особенно удивлен, когда Жискара д'Эстен, отделавшись от Серван-Шрейбера, через несколько дней подтвердил, что скоро будет проведен первый в этом сезоне взрыв.

За первым взрывом последовали с короткими интервалами еще шесть. И когда 25 августа 1974 года ядовитое облако последнего атомного гриба медленно поплыло над океаном, общее число взрывов, проведенных с 1966 года в атмосфере над Моруроа и Фангатауфой, достигло 41. Если Новая Зеландия и Австралия на сей раз не протестовали так энергично, как в 1972 и 1973 годах, то в большой мере благодаря обещанию Жискара д'Эстена, что эти атмосферные испытания — последние. Повлияло, конечно, и то, что новозеландский премьер-министр Керк был при смерти, а его австралийский коллега Гоф Уитлэм погряз в серии внутривластных

скандалов. К тому же «Фри» и другие суда, ранее участвовавшие в демонстрациях протеста, из-за повреждений не могли возобновить патрулирование.

47. МАНЕВРЫ СТИРНА

Едва успел закончиться сезон 1974 года, как представители французского правительства и вооруженных сил объявили, что великие специалисты на Моруроа отнюдь не ограничились тем, что испытали несколько тактических авиабомб. С большим успехом произвели они запуск двух ракет с кассетными боеголовками. «Таким образом, есть все основания рассчитывать, что Франция уже с 1982 года будет в состоянии обновить весь свой ядерный арсенал»,— радостно сказал один генерал. «Нам нельзя отставать,— заявил министр обороны.— Существующее оружие всегда можно усовершенствовать. Так что 1982 год для нас всего лишь этап на пути, конец которого пока не виден».

И вот Франция задумала *начать* соревноваться с великими державами в производстве баллистических ракет. Это звучало совершенно невероятно. Тем не менее вскоре Жискара д'Эстен, выступая по телевидению, подтвердил эти планы, от которых пахло манией величия: «Я много размышлял над оборонными проблемами и пришел к тем же выводам, что генерал де Голль». Новый президент не отрицал, что США и СССР ушли далеко вперед. «Но Франция — третья по силе ядерная держава мира, и это для страны таких размеров, как наша, выдающееся достижение». К сказанному остается только добавить, что не так уж примечательно быть третьим в забеге на 10 тысяч метров, если ты безнадежно отстал и лидеры повторно обходят тебя. Как и следовало ожидать, уже через полгода один представитель министерства обороны выступил с разъяснением, что в осуществлении программы, увы, возникла заминка. Первые французские баллистические ракеты с кассетными боеголовками будут созданы не раньше 1985 года!

Перед выборами Жискара д'Эстен обещал провести обширные реформы и модернизировать все французское общество. На первых порах он и впрямь сделал несколько верных шагов, настояв на некоторых давно назревших

изменениях в законодательстве. Был понижен возрастной ценз избирателей; разрешены в отдельных случаях аборт; упростилась отдающая средневековым процедурой развода. Но поскольку новый курс Жискара в области обороны свелся к попыткам перещеголять самого де Голля, нечего было и помышлять о том, что при нем полинезийцы получают автономию.

А так как их нетерпение продолжало расти, надо было подыскать подходящего министра по делам заморских департаментов и территорий. Выбор Жискара д'Эстена пал на одного из самых молодых голлистов в Национальном собрании, Оливье Стирна⁴⁷. Уже в 28 лет он занял крупную должность в министерстве по делам заморских территорий; в критические годы захвата Полинезии военными он был правой рукой министра Жакино. (Того самого, который торжественно обещал в Национальном собрании, что в Океании никогда не будут проводиться ядерные испытания.) Правильно выбрав момент — на летних выборах 1968 года, когда майские беспорядки в Париже способствовали консолидации консервативных сил в провинции, — Стирн выдвинул свою кандидатуру от голлистов в департаменте Кальвадос и был впервые избран в Национальное собрание. После повторного избрания в гораздо более сложной обстановке 1973 года он был вознагражден постом государственного секретаря при министре по делам парламента. Здесь пришлось весьма кстати его учтивые манеры, ловкость и красноречие: ему поручили осуществлять контакт между правительством и парламентом. Все это время Стирн — единственный среди голлистов — не переставал интересоваться проблемами заморских территорий.

Итак, в отличие от своих 12 предшественников за время существования Пятой Республики, Стирн неплохо разбирался в проблемах заморских территорий. Пожалуй, можно сказать: к сожалению. Ему не надо было совершать ознакомительные поездки, чтобы знать, что во Французской Полинезии все — сенатор, депутат Национального собрания, партийные лидеры и члены Территориальной ассамблеи — хотят автономии. Отдавал он себе отчет и в том, что прежние попытки утихомирить полинезийских националистов с треском провалились, потому что были очень уж неуклюжими. Тут тре-

бовался совсем иной подход — игра на обаянии. Превосходная тактика, и если прежние министры колоний к ней не прибегали, то по очень простой причине: они не обладали необходимыми данными. Зато Стирн знал, в чем его сила, и тотчас начал осуществлять свой новый курс.

Двадцать представителей всех четырех политических партий Полинезии были приглашены совершить за государственный счет поездку в Париж. Министр принял гостей приветливо, даже сердечно, и заявил, что готов с открытой душой выслушать их пожелания и жалобы. Вероятно, он не сумеет всем угодить. Да это и невозможно, очень уж трудно нам, людям, прийти к единому мнению. Все же он намерен удовлетворить пожелания большинства жителей Французской Полинезии, насколько это в его силах...

В марте 1975 года Стирн сам вылетел на Таити, чтобы «продолжить дискуссию в более широком кругу». Неделю с лишним гостил он на островах, и программа его визита весьма напоминала рекламные поездки по городам США кандидатов в американские президенты. Он не только пожимал руки налево и направо, но и частенько во время долгих пеших прогулок останавливался потолковать с рыбаками, докерами, уборщицами, заготовщиками копры, танцовщицами. Двери его временной резиденции в губернаторском дворце были широко открыты для представителей союзов и объединений, стремящихся изложить свои пожелания и поделиться взглядами. Что касается политических лидеров, то с ними он общался запросто и постоянно спрашивал их совета, как улучшить взаимоотношения Франции и Полинезии. Напоследок Стирн созвал конференцию круглого стола, на которой партийные лидеры поочередно излагали конкретные и подробные предложения о реформах. Суть предложений была примерно одинаковой. Все выступали за полинезийское правительство с полинезийским премьер-министром, назначаемым Территориальной ассамблеей. Другими словами, речь шла о такой же демократической парламентской системе, какая существует во Франции и в большинстве других стран Западной Европы. Неизменно любезный и доброжелательный, Стирн слушал, кивал, задавал вопросы. Лучшего представителя нового, либерального, реформаторского

курса Жискара д'Эстена нельзя было себе представить.

В июне лидеров полинезийских партий пригласили совершить еще одну приятную поездку в Париж. С какой целью, они толком не поняли, ибо Стирн объявил им, что он, к сожалению, еще не закончил выработку законопроекта, обобщающего все их требования и пожелания. Кое-кто из его собеседников довольно решительно подчеркнул, что хорошо бы побольше дела и поменьше слов. Тем не менее в целом преобладало оптимистическое настроение.

Оптимизму разом пришел конец, когда в середине сентября почта наконец доставила текст законопроекта. В первый момент депутаты Территориальной ассамблеи готовы были даже заподозрить, что в почтовой экспедиции что-то напутали, ибо присланный текст ничем не отличался от колониальных кодексов прошлого века, хранившихся в пыльных архивах министерства. Народные избранники не только не получали больше прав — их даже лишали ряда полномочий. Они передавались представляющему парижское правительство губернатору. Соответственно губернатор впредь должен быть именоваться верховным комиссаром — громкий титул, который присваивался в середине XIX века наместникам императора Наполеона III во французских колониях. Это было чересчур даже для лидера «независимых» Ванизета, француза по происхождению. Он так красноречиво выразил всеобщее недовольство, что был избран председателем Территориальной ассамблеи взамен голлиста Флосса. Еще больше возмутились полинезийские политики, ознакомившись с изложенной в прессе, по радио и телевидению изящной мотивировкой Стирна, — почему он выдвинул проект, идущий наперекор их пожеланиям. Если отбросить риторiku, суть объяснения заключалась в том, что он, Стирн, лучше сенатора, депутата Национального собрания, всей Территориальной ассамблеи и партийных лидеров знал, какого правления желает полинезийский народ, поскольку он «лично совещался» с множеством авторитетных лиц во время своего короткого мартовского визита на острова! Председатель Территориальной ассамблеи Ванизет потребовал, чтобы его принял президент Жискара д'Эстен, а Сэнфорд обратился к Национальному собранию с посланием, в котором резко осуждал фарисейские маневры Стирна и указы-

вал, что, во-первых, полинезийские партии большинства 20 лет требуют автономии, а во-вторых, его самого неоднократно переизбирали благодаря программе с требованием автономии и прекращения ядерных испытаний.

«Не так давно французское правительство устроило в Полинезии референдум, чтобы выяснить, как мы смотрим на то, чтобы Дания и Ирландия вошли в состав Европейского экономического сообщества, — иронизировал Сэнфорд. — Так почему не дать нам возможность таким же способом решить собственную судьбу? Такой метод выявления воли народа представляется мне гораздо более точным и объективным, чем тот, которым пользуется Стирн».

Волей-неволей пришлось Стирну сбросить маску. Красный от негодования, забыв о всякой элегантности, он выбежал на трибуну и дрожащим голосом заявил, что Полинезия может получить автономию — коли на то пошло, пожалуйста. Но в таком случае тотчас будет прекращена всякая экономическая и техническая помощь со стороны Франции. Это была неудачная угроза; полинезийские автономисты восприняли ее с великой радостью и от души надеялись, что Стирн не замедлит ее осуществить. Да только напрасно надеялись: ведь Франции было необходимо продолжать испытания баллистических ракет на Фангатауфе и Моруроа.

48. ОПЕРАЦИЯ «ОТКРЫТЫЙ АТОЛЛ»

В то время как Стирн проводил столь своеобразные опросы общественного мнения в Полинезии, народы и правительства других стран Тихоокеанского региона все громче и настойчивее спрашивали, чем, собственно, занимаются французские военные на островах Туамоту. Когда журналисты в октябре 1973 года посетили атолл Фангатауфа, руководитель экспериментов заверил их, что в следующем году будет готова первая скважина. Жискара д'Эстен не менее категорически заявил весной 1974 года, что начиная с 1975 года ЦТИ будет проводить только подземные испытания. В феврале 1975 года всем морским судам было запрещено приближаться к Фангатауфе ближе чем на 30 морских миль. После этого месяца за месяцем ничего не происходило.

Но вот в мае кто-то проговорился, что военные мешают из-за недостаточного знакомства с геологической структурой Фангатауфы, Моруроа и прилегающих участков морского дна: если есть трещины, они после атомного взрыва могут увеличиться. Руководство ЦТИ решило вызвать для консультаций французского вулканолога Гаруна Тазиева. Полинезийские партийные лидеры провели об этом, но военные успели спрятать от них Тазиева и вернуть его в Париж, прежде чем посторонние гражданские лица смогли до него добраться. Однако зажать рот Тазиеву было невозможно, и, когда уже во Франции к нему обратился один корреспондент, выяснилось, что знаменитый вулканолог согласен рассказать о виденном и сделанном. «Я против всяких испытаний ядерного оружия,— заявил Тазиев.— Из того, что я принял приглашение военных посетить Фангатауфу, вовсе не следует, что я одобряю эти эксперименты». Подчеркнув затем, что нам очень мало известно о геологическом строении тихоокеанских вулканов, он отметил, что «некоторые горные породы из-за своей ноздреватости и непрочности способны при взрыве пропустить радиоактивные частицы». Он откровенно признал, что видел на Фангатауфе лишь то, что военные соизволили ему показать, а этого мало, чтобы решить, насколько безопасны планируемые эксперименты. Вот его вывод: «Поскольку испытания все равно состоятся, лучше всего поручить наблюдение за ними беспристрастному научному органу».

Вскоре после этого, 7 июня 1975 года, австралийское правительство сообщило, что, по данным сейсмографических наблюдений, в юго-восточной части архипелага Туамоту был произведен подземный взрыв. Два дня спустя французское министерство обороны подтвердило, что в цоколе Фангатауфы, на глубине 623 метров, была взорвана бомба мощностью восемь килотонн. Ежедневник «Пуэн» 16 июня так поведал об этом событии:

«Ликование на Фангатауфе»

После первого французского подземного взрыва на атолле Фангатауфа царившее среди ядерных специалистов и военных беспокойство сменилось ликованием. Все

расчеты оправдались, и первый из запланированной краткосрочной серии четырех экспериментов, следующих один за другим, можно считать во всех отношениях успешным. Тревога была вызвана риском, что атолл даст трещину и произойдет загрязнение океана.

Это был тот самый случай, когда и хочется поверить, да нельзя. В самом деле, военные еще не успели произвести бурение *после* взрыва и проверить, насколько пострадал внутри цоколь атолла, есть ли утечки. Не было у них и водолазного снаряжения для внешнего обследования цоколя на глубине 623 метров. Даже если на сей раз все сошло благополучно, это далеко не означало, что атолл выдержит более мощные взрывы.

Как и следовало ожидать, общественность Австралии, Новой Зеландии и других стран Тихоокеанского региона встретила восторженные французские коммюнике с большим недоверием. Конечно, лучшим способом положить конец этому брюзжанию было бы допустить на острова, где проводились ядерные испытания, комиссию из геологов, специалистов по ядерной физике, биологов и врачей — желательно представляющих разные страны и международные исследовательские организации. И уж конечно членов Научного комитета по действию атомной радиации ООН, заседающих в небоскребе на Манхэттене. Тем более что Генеральная ассамблея ООН незадолго до этого утвердила резолюцию, призывающую комитет осуществлять такие инспекционные поездки. Единственное, что для этого требовалось, — разрешение правительства, проводящего ядерные испытания...

Вместо того чтобы воспользоваться этим превосходным вариантом, Жискара д'Эстен ограничился тем, что по примеру Помпиду в сентябре 1975 года организовал новую поездку журналистов на Фангатауфу и Моруроа. На сей раз было приглашено целых 60 человек, в том числе около десятка представителей оппозиционных французских газет и несколько радио- и телерепортеров из Новой Зеландии и Австралии. Приводимый ниже короткий рассказ об операции «Открытый атолл», как тотчас окрестили эту пропагандистскую затею, основан на информации, полученной от журналистов трех таитянских газет.

Один из них, честно признавая собственную некомпетентность, опросил своих коллег и с удивлением обнару-

жил, что никто из них ничего не смыслил в ядерных взрывах и радиации. Некоторым утешением для них явилось то, что руководитель экспериментов ЦТИ, Клод Эйсоберри, не был ни физиком, ни биологом, ни геологом, а всего лишь бывшим морским офицером, специализировавшимся по электротехнике! Защитой от радиации занимался военный врач Лави.

Фангатауфа совсем маленький остров, 8 километров в длину и 5 в ширину. Лагуну окаймляет узкий коралловый риф — шириной всего от 150 до 300 метров. С внешними водами лагуна сообщается не только через естественные протоки, но и через проложенный военными глубокий канал для судов. Эйсоберри и его компания сразу же повезли гостей на южную часть кольцевого рифа, чтобы показать, где было произведено первое подземное испытание. Они увидели цементную плиту с широкой трещиной, вызванной взрывом бомбы мощностью в каких-нибудь 8 килотонн на глубине 623 метров. Один нехороший газетчик спросил — не могли ли такие же трещины расколоть горную породу, так что радиоактивные частицы просочились в океан? Эйсоберри заверил, что это исключено. Кроме видимой трещины над точкой взрыва появилось лишь несколько маленьких трещинок в цоколе поблизости. «А если заряд будет в 10, в 20 раз мощнее?» — поинтересовался другой журналист. Тут на помощь Эйсоберри пришел доктор Лави, который совершенно серьезно заявил, что, по его расчетам, радиоактивным частицам понадобится полторы тысячи лет, чтобы просочиться через горную породу в океан, а к тому времени они, естественно, будут безвредными. Эффективный ответ с указанием точной цифры произвел на слушателей огромное впечатление, и они примолкли. Пользуясь этим, Лави поспешил рассказать о ежегодных докладах ООН, опровергающих выдвигаемые недругами Франции обвинения, будто она своим 41 взрывом загрязнила окружающую среду. Правда, у Лави почему-то не нашлось ни одного экземпляра упомянутых докладов для раздачи журналистам.

Затем состоялся показ буровой вышки в северной части рифа, где вскоре должен был состояться второй взрыв. Эйсоберри объяснил, что на поверхности диаметр скважины 2,5 метра, но на глубине 500 метров она сузится до одного метра. В скважину опускаются сталь-

ные трубы, которые последовательно соединяют сваркой. Пространство вокруг получающейся в итоге сплошной шестисотметровой трубы заливают цементом. Далее вниз опускают бомбу с измерительными приборами, провода от которых выводятся на поверхность, после чего всю скважину доверху закупоривают особыми цементными пробками, чтобы преградить путь радиоактивным газам и частицам.

Однако данных, получаемых от помещенных внизу приборов, недостаточно, а потому необходимо возможно скорее после взрыва пробурить под острым углом наклонную скважину до возникшей в толще породы полости, чтобы взять положенные пробы. Правда, тут возникает небольшая проблема: как при отборе проб предотвратить выход радиоактивных газов на поверхность через подсобную скважину? Впрочем, при первом испытании все обошлось благополучно, и Эйсоберри не сомневался, что дальше тоже не будет никаких происшествий. «Но ведь скважина полна воды», — заметил вдруг один журналист. Против этого трудно было возразить. Однако Эйсоберри, опережая следующий вопрос, поспешил заявить, что из этого вовсе не следует, будто после взрыва зараженная вода может просочиться в океан. Ибо морская вода, заполняющая скважины во время подготовительных работ, при взрыве испаряется. Журналисты успели изрядно устать и проголодаться, а потому, чем ломать себе голову над этой загадкой, они предпочли сесть в машины, которые мигом доставили их в офицерскую столовую, где гостей ожидал вкусный обед и обилие разных вин.

В заключение их самолетами перебросили на Мору-роа, где они прослушали новую лекцию. Это мероприятие состоялось внутри одной из двух 15-метровых пирамид, на которые ушло 90 тысяч тонн цемента и 32 тысячи тонн железа, в основном доставленных по воздуху из Франции в 1964—1965 годах. После прекращения атмосферных испытаний эти пирамиды оказались такими же бесполезными, как укрепления линии Мажино. (Впрочем, они могут стать неплохими туристскими достопримечательностями, когда ударные силы уберутся восвоис.) Лектор, также морской офицер, поведал, что первые два взрыва было решено проводить на Фангатауфе из соображений безопасности, поскольку никто не знал тол-

ком, чем они обернутся. Но все постройки — административные, складские, портовые и прочие — находятся на Моруроа, так что лучшее и наиболее экономичное решение — проводить все дальнейшие подземные испытания именно здесь, вместо того чтобы год за годом возить людей и материалы с атолла на атолл. Из тех же соображений экономии техникам и военным, прежде размещавшимся в удобных квартирах на Таити, тоже пришлось, к их великому сожалению, перебраться на Моруроа. В итоге на полоске суши длиной 20 километров и шириной 300 метров скопилось 3 тысячи человек и тысяча автомашин.

Поскольку речь зашла о вопросах экономических, один из журналистов захотел узнать, во что обходится один подземный эксперимент. Эйсоберри не стал утаивать, что две первые скважины на Фангатауфе обошлись каждая в 80 миллионов франков. Однако цена, само собой, будет возрастать с глубиной скважин, которая, в свою очередь, зависит от мощности заряда. Каждая скважина может быть использована только один раз. Еще один минус подземных испытаний заключается в том, что на бурение и оборудование скважины вкупе с прочими подготовительными работами уходит почти год. Сколько всего подземных испытаний понадобится провести Франции? Приблизительное представление об этом можно получить, если взять соответствующие данные для великих держав. С тех пор как они в 1963 году обязались прекратить атмосферные испытания, американцы производили в год около 30, русские — около 15 подземных испытаний. Эйсоберри не скрывал своего мнения, что Франция избрала неверный путь. Дешевле и лучше всего взрывать бомбы в атмосфере. Не говоря уже о том, насколько точнее можно измерять параметры взрыва при помощи совершенной аппаратуры в больших и дорогостоящих бетонных пирамидах, которые теперь простаивают без всякой пользы. Можно не сомневаться, что большинство высокопоставленных французских военных разделяли мнение Эйсоберри.

Нескольким журналистам пришла в голову превосходная мысль взять интервью также и у противника ядерных испытаний, депутата Национального собрания Фрэнсиса Сэнфорда. Он не стал возражать и тут же вручил интервьюерам текст письменного запроса, кото-

рый был направлен им премьер-министру Шираку и министру обороны Буржу 24 мая 1975 года. В запросе был такой абзац:

«В связи с тем что первый намечавшийся для подземных испытаний остров Эиао в Маркизском архипелаге оказался непригодным, хотелось бы узнать, доказано ли проведенными на Фангатауфе и Моруроа научными исследованиями горных пород, что можно не опасаться заражения окружающих вод океана радиоактивными частицами и высокой концентрации этих частиц в морской фауне и флоре... Поскольку исследования структуры названных атоллов носят научный, а не военный характер, прошу поручить ЦТИ и КАЭ предать их гласности».

На этот вполне оправданный запрос министр обороны Бурж ответил 26 августа:

«Проведенные весьма обширные исследования не дают оснований предполагать, что радиоактивные частицы могут просочиться в лагуну или окружающие воды океана. Если же сверх всяких ожиданий произойдет утечка, речь может идти только о безвредных, быстро распадающихся газах. Вообще структура горных пород такова, что радиоактивным частицам требуется весьма продолжительное время, чтобы просочиться через их толщу. В итоге радиоактивность даже долговечных частиц окажется настолько ослабленной, что ее нельзя будет обнаружить существующими методами измерения».

Дождавшись, пока журналисты кончат смеяться, Сэнфорд выложил свой главный козырь. Речь шла о вывезенной тайком пробке из первой скважины на Фангатауфе, переданной ему одним из рабочих. Пробка была ноздреватая, словно швейцарский сыр. А вот итоги тщательных геологических исследований «атомных» атоллов, призванных доказать безвредность испытаний, так до сих пор никто и не видел.

Хуже всего то, что иностранные наблюдатели, следившие за осадками после атмосферных испытаний, не могут измерить радиоактивность от многочисленных подводных взрывов, которые будут произведены на Моруроа в ближайшее десятилетие. Разве что она выявится через много лет, когда жители других островов Океании съедят зараженных радиацией улиток турбо, двусторчатых и головоногих моллюсков, черепах, рыб и других морских животных.

Поскольку военное командование из экономии было вынуждено перевести основную часть своего персонала и снаряжения на Хао и Моруроа, возникла новая «геополитическая» ситуация, в которой французское правительство испытывало большой соблазн повторить нечестный прием, успешно примененный им в другой борющейся за свободу стране — на Коморских островах в Индийском океане. Дело в том, что один из этих островов, Майотта, располагал хорошей гаванью, необходимой французскому флоту. А потому французские агенты всячески поощряли жителей этого острова, заметно отличающихся по языку и культуре от обитателей других островов архипелага, добиваться присоединения к Франции. Инспирированный французами референдум принес желаемый результат, после чего Национальное собрание Франции, несмотря на яростные протесты новой Независимой Федеральной Республики Коморские острова, живо утвердило закон, превративший Майотту во французский заморский департамент. На всякий случай на острове сразу же расквартировали несколько полков иностранного легиона.

Хитрая политика раскола как будто сулила хорошие результаты и во Французской Полинезии, где 80—90 процентов по преимуществу католического населения Туамоту и Маркизских островов неизменно голосовало за де Голля и местных голлистских деятелей, тогда как большинство жителей других островов составляли протестанты и автономисты. Французскому правительству было достаточно перед очередными выборами в Национальное собрание поделить указом Французскую Полинезию на два избирательных округа, восточный и западный: после этого новый голлистский депутат от Туамоту и Маркизов от имени легковерных островитян потребовал бы включения названных островов во Французскую Республику в качестве нового департамента. Естественно, подобный ход событий вызвал бы негодование автономистов на Таити и прочих островах. Ну и что? В новой ситуации французское правительство, несомненно, сразу бы узрело факт, который оно до тех пор упорно отказывалось признавать: стремление широких кругов общественности к автономии и даже к полной независимости. И сняло бы с себя от-

ветственность за непокорные острова. Пуванаа, Теарики, Сэнфорд и прочие беспринципные агитаторы всегда относились к «метрополии» с черной неблагодарностью. Пусть же попробуют сами решать свои проблемы. Без технической помощи и без миллионов, которые Франция так любезно даровала до сих пор.

Однако, прежде чем Жискара д'Эстен успел довести до конца свои планы раздела Полинезии, состоялся ряд международных конференций по морскому праву, исход которых сразу умерил пыл президента и вынудил его, в конце концов, повернуть на 180 градусов. Как известно, проведенные под эгидой ООН упомянутые конференции кончились провалом, и все больше государств, обладающих протяженными морскими границами, стали явочным порядком распространять свой контроль на 200-мильную зону. В итоге тихоокеанские владения вдруг приобрели для Франции новую ценность, уже не военную, а экономическую, поскольку океан вокруг полинезийских и меланезийских островов чрезвычайно богат рыбой, нефтью и железо-марганцевыми конкрециями. Вот почему французское правительство, вместо того чтобы отделить Маркизские острова и Туамоту и обеспечить военным возмощность проводить без помех ядерные испытания, направило в 1975 году на Таити Стирна, поручив ему любыми средствами убедить местных лидеров согласиться на новую конституцию, превращающую Французскую Полинезию в департамент наподобие Майотты.

Энергичнее всех протестовал, как обычно, Фрэнсис Сэнфорд. Случай помог ему публично изложить свою позицию в Париже уже 5 ноября 1975 года, когда на его долю выпала неслыханная честь: ему выделили целых пять минут для выступления в Национальном собрании во время дебатов по вопросу об очередном годовом бюджете заморских территорий. Сэнфорд начал свою речь убедительным сравнением:

«Если остальные острова Океании, бывшие британскими, австралийскими и новозеландскими владениями, давно стали независимыми государствами, то во Французской Полинезии все наши попытки изменить и модернизировать нынешнюю колониальную форму правления, сложившуюся еще во времена парусного флота, неизменно подавлялись, сперва генералом де Голлем, потом его преемником президентом Помпиду».

Проиллюстрировав свои обвинения коротким рассказом о долгих мытарствах Пуванаа, Сэнфорд обрушился с резкой критикой на нового французского президента:

«Не без надежды слушал я 30 мая 1974 года программное заявление Жискара д'Эстена, зачитанное здесь председателем Национального собрания. Лично мне, естественно, больше всего пришлось по душе готовность президента (привожу буквально его слова) „отныне всюду в мире отстаивать дело свободы и право *всех* народов на самоуправление“. Правда, я тогда спросил себя, будет ли эта прекрасная либеральная политика применяться только к британским, голландским, португальским и испанским колониям или также по отношению к французским владениям. К моей радости, новый министр Оливье Стирн тотчас развеял мои сомнения. Во время беседы в его кабинете он заверил меня, что в соответствии с упомянутым выше программным заявлением собирается даровать Французской Полинезии новую конституцию — столь либеральную, что следующим шагом может быть только полная независимость. Мой коллега Рок Пиджо, депутат Новой Каледонии, участвовал в этой беседе и может подтвердить, что именно таким было обещание министра Стирна.

Вскоре после этого господин Стирн посетил Таити, чтобы, как он сам говорил, составить себе лучшее представление о наших проблемах и пожеланиях. Он произнес много прекрасных речей, в которых чаще всего повторялись слова „диалог“, „взаимопонимание“ и „реформы“. Под конец визита мы услышали новое замечательное обещание: в ту же осень 1975 года он представит Национальному собранию исторический правительственный проект, предлагающий даровать нам автономию. Что же видим мы сегодня, год спустя? Мы видим, что, как ни стараются авторы замаскировать этот печальный факт туманным юридическим жаргоном, законопроект, с текстом которого нам наконец удалось познакомиться, не только сохраняет, но и упрочивает существующее колониальное правление. Я позволю себе задать вам вопрос, ясно показывающий, о чем идет речь. Губернатор — назначаемый французским правительством чиновник — выполняет у нас в одно и то же время роль президента и премьер-министра. Сочли бы вы допустимым, чтобы ваша страна, Франция, единолично управлялась чиновником,

который не был бы ответственным перед Национальным собранием? Уверен, что нет. Мы, полинезийцы, требуем всего лишь такой же демократической системы, какая действует во Франции,— с премьер-министром и правительством, утвержденными депутатами нашего парламента и ответственными только перед ним».

Свою поневоле короткую речь Сэнфорд заключил следующим предупреждением:

«В нашей долгой борьбе против колониального господства мы, полинезийцы, до сих пор держались в рамках закона и избегали беспорядков. Но теперь нам становится ясно, что именно наше законопослушание и наша сдержанность повинны в том, что французское правительство пренебрегало и продолжает пренебрегать нашими пожеланиями. Да, к сожалению это так, в чем легко убедиться, если сравнить наше положение с положением во Французском Сомали. Время от времени там происходят беспорядки и кровопролитие, после чего правительство Франции спешит выполнить пожелания сомалийцев. Этот способ позволил им еще десять лет назад добиться того, в чем Париж упорно отказывает нам,— права иметь выборное правительство во главе с премьер-министром, которое самостоятельно ведает делами своей страны. Неужели единственный способ заставить Париж прислушаться к нам — это применить африканские или корсиканские методы?»

Немногочисленные депутаты, присутствовавшие в этот час в Национальном собрании (притом те из них, кто не спал и не писал письма), слушали, как обычно, со скучающим видом разговоры о вещах, не представляющих никакого интереса для них и для их избирателей, и никто не пожелал взять слово. Подчиняясь указаниям лидера большинства, несколько депутатов засеменяли вдоль скамей, нажимая кнопки за отсутствующих коллег; в итоге правительственный проект был тут же утвержден без каких-либо поправок. Больше всего Сэнфорда и других лидеров автономистов возмущало то, что такой же спектакль состоится в день, когда будет поставлен на голосование ненавистный проект о превращении колонии в департамент, пусть даже проект будет идти вразрез с пожеланиями Территориальной ассамблеи.

Конечно, для репутации французского правительства, особенно в свободных государствах Океании, было бы

лучше, если бы Территориальная ассамблея не отвергла категорически проект о «реформах» Стирна. Местные прихвостни министра поспешили предложить способ избежать такого конфуза. Ведь достаточно было трем депутатам Территориальной ассамблеи переметнуться в другой лагерь, чтобы Флосс и его компания оказались в большинстве. Как раз в это время несколько членов Ассамблеи, поддерживавших программу автономистов, испытывали материальные затруднения, а одного к тому же привлекли к суду за вождение автомашины в нетрезвом виде. Почему бы не привлечь их на свою сторону денежными аргументами и обещанием простить все былые грехи? К сожалению, этот расчет оправдался. В качестве дополнительного вознаграждения благодарный Стирн пригласил трех отщепенцев (и их новых голлистских вождей Флосса и Недо Сальмона) на экскурсию в Париж; при этом министр позаботился о том, чтобы в программу визита было включено посещение самых дорогих ресторанов и самых заманчивых ночных клубов.

По правилам, Территориальная ассамблея не могла собираться в отсутствие этих гуляк. Но поскольку противник не гнушался столь низменными внепарламентскими методами, лидеры автономистов решили в виде исключения ответить в том же духе. Покуда отщепенцы веселились в злочных кварталах Парижа, председатель Территориальной ассамблеи назначил экстренное заседание на 19 ноября 1975 года. Дата была рассчитана так, что «туристы» при всем желании не могли вовремя возвратиться на Таити, даже если бы их посадили на военный самолет. В итоге автономисты вернули себе большинство, и Территориальная ассамблея без промедления отвергла «реформы» Стирна самым категорическим образом.

В разгар дебатов в Ассамблее Стирн позвонил из Парижа губернатору и приказал направить всех наличных жандармов, чтобы они прекратили незаконное экстренное заседание. Губернатору хватило то ли мужества, то ли здравого смысла, то ли глупости отказаться, сославшись на то, что это будет еще большим беззаконием. Неожиданная строптивость губернатора до того разозлила Стирна, что он тут же освободил его от должности и отправил ему на смену другого, более энергичного деятеля, эльзасца Шарля Шмитта. Правда, тот прежде в колониях не служил, однако с точки зрения Стирна этот минус

полностью возмещался тем, что Шмитт долгое время был одним из самых верных сотрудников бывшего голлистского министра внутренних дел Франции Раймона Марселлена⁴⁸. С великой досадой новый губернатор обнаружил, что председатель Территориальной ассамблеи Ванизет успел все на том же коротком экстренном заседании распустить депутатов на каникулы на неопределенный срок. Конечно, можно было вызвать жандармов и приказать им силой внести бастующих депутатов в здание Ассамблеи — в крайнем случае, даже привязать их к скамьям, но оставалось одно неодолимое препятствие. Никакие жандармы в мире не могли заставить председателя разомкнуть уста и объявить заседание открытым.

50. ДРУГОГО ВЫБОРА НЕТ

Тем временем автономисты стали настойчиво требовать роспуска Территориальной ассамблеи, справедливо указывая, что она утратила свой представительный характер. Стирн отверг это требование; тогда Ванизет вообще отказался созвать Ассамблею, застопорив тем самым весь парламентский механизм. Последовал беспрецедентный шаг французского премьера Жака Ширака: он издал авторитарный указ, объявляющий последнее заседание Территориальной ассамблеи незаконным. Но таким же незаконным, скорее всего, был и его указ, и автономисты не замедлили оспорить его в Государственном совете.

В ожидании вердикта Государственного совета (а ждать, возможно, придется не один год) сенатор Пуванна, депутат Национального собрания Сэнфорд и председатель Территориальной ассамблеи Ванизет опубликовали совместный манифест, предупреждая французское правительство, что его произвол вынуждает их прибегать к внепарламентским действиям. Вот начало манифеста:

«Если нынешние взаимоотношения между Парижем и Таити не изменятся к лучшему, Полинезия недолго будет оставаться французской. Когда французское правительство наконец сделает вывод из всех упущенных возможностей осуществить деколонизацию? Когда оно перестанет использовать думающих лишь о своей корысти подставных лиц, чтобы на короткий срок продлить существование прогнившей системы, которая только бесчестит

Францию и для которой нет никакого морального оправдания? Когда, наконец, правительство признает существующее в мире положение и станет считаться с волей нашего народа, вместо того чтобы притеснять его?»

Перечислив основные этапы борьбы за последнее время, они продолжали:

«Идет ли речь о Полинезии или о каких-нибудь других территориях, нет ничего опаснее, чем противиться неудержимому движению колониальных народов к большей свободе и демократии. Нынешнее правительство само себя подводит, пытаясь задержать это движение обещаниями, о которых оно тут же забывает, нарушениями закона и угрозами против нас лично. Но это слишком непрочная плотина, бурный поток свободы быстро размочет ее и сметет не только прогнившие конструкции, но и те, которые, возможно, стоило бы сохранить.

Французское правительство держится за контроль над Полинезией, потому что не хочет проводить непопулярные ядерные испытания на собственной земле и потому что 800 тысяч квадратных километров океанского дна изобилуют столь заманчивыми для французских горно-рудных компаний минеральными ресурсами. Однако все его потуги тщетны. Полинезия будет оставаться французской только с согласия ее обитателей. Но для этого у нас должны быть веские мотивы, и лучшим мотивом была бы готовность Франции на деле признать наше право самим ведать своими делами. Вместо того чтобы, как это делает господин Стирн, предлагать нам статус, заимствованный из эпохи, когда в меновой торговле применялись стеклянные бусы. Колониальный период остался позади, господин Стирн. Сейчас 1976 год!»

Этот решительный манифест был опубликован в начале мая, всего за месяц до окончания очередной сессии (1975—1976 года) Территориальной ассамблеи. По правилам, новую сессию 1976—1977 года полагалось открывать не председателю, а губернатору, и он, по указанию Парижа, заранее известил, что при необходимости прибегнет к помощи войск, чтобы открыть двери Ассамблеи. И действительно, в назначенный день, 10 июня 1976 года, губернатор направил к зданию Ассамблеи большой отряд жандармов, оснащенных автоматами, гранатами с слезоточивым газом и шлемами, защищенными забралами. К своему великому замешательству, они обнаружили,

что ворота закрыты, а здание занято двумя тысячами полинезийцев. В сопровождении полицейского эскорта явился на правительственной машине губернатор и тотчас попал в окружение демонстрантов. Обращаться к жандармам, чтобы выбраться из толпы, было рискованно: как бы при этом самому не пострадать. К тому же жандармам все равно было не под силу справиться с разъяренной толпой. Примерно через час губернатор решил выйти из машины и вернуться пешком в свою канцелярию. С типичным для полинезийцев великодушием демонстранты пропустили его, не причинив вреда. После чего открытым голосованием постановили продолжать оккупацию здания Ассамблеи неограниченное время — тихо, мирно и спокойно. Для отражения внезапных выпадов было назначено круглосуточное дежурство. Для удовлетворения телесных и духовных потребностей демонстранты образовали группу снабжения и питания и назначили час ежедневной молитвы. Располагая источником пресной воды во дворе, автономисты явно могли выдержать любую осаду.

Реакция французского правительства показала, как правы были автономисты, решив, что только крайними средствами можно заставить Париж прислушаться к ним. Не прошло и недели после начала оккупации здания Ассамблеи, как Стирн созвал пресс-конференцию и объявил, что поразмыслил над своим законопроектом и решил пересмотреть его, чтобы тот «лучше соответствовал реальному положению вещей в Полинезии». Это вполне устраивало автономистов, которые всегда настаивали на реалистичном подходе к их проблемам. Оставалось проверить, насколько новая версия будет отличаться от старой. Выяснилось, что они узнают об этом, когда уже будет поздно, ибо Стирн намеревался в обход полинезийской Территориальной ассамблеи сразу внести законопроект на рассмотрение французского Национального собрания. Он избрал такой путь, потому что новый вариант мало чем отличался от старого и повторная консультация с выборными представителями полинезийского народа попросту не требовалась.

О необычной для автономистов решимости и агрессивности говорит то, что они немедленно изобрели предельно простой и эффективный метод вынудить французское правительство консультироваться не только с членами Территориальной ассамблеи, но и со всем полине-

зийским народом. Для этого, объявил Сэнфорд на многочисленном митинге, ему достаточно отказаться от звания депутата французской Национальной ассамблеи и заново выдвинуть свою кандидатуру на последующих дополнительных выборах. В основу своей предвыборной программы он положит вопрос об автономии, и тогда выборы автоматически превратятся в референдум.

Выполняя намеченный план, Сэнфорд задолго до дня выборов 12 сентября развернул энергичную предвыборную кампанию. Его главным соперником был лидер местной голлистской партии Флосс. Это облегчало выбор избирателям, поскольку Флосс последовательно поддерживал все планы и маневры Стирна. Вплоть до того что убедил своих сторонников одобрить реакционный законопроект Стирна. Молодой профсоюзный лидер Шарль Тауфа тоже решил баллотироваться. Он выступал за подлинное самоуправление не менее энергично, чем автономисты. Несколько более неожиданным было участие в выборах молодого родственника Пуванаа, Чарли Чина, в жилах которого была примесь китайской крови. Чарли только вернулся из французской тюрьмы, где отбывал двухлетний срок за кражу боеприпасов из военного лагеря на Таити в знак протеста против атомных испытаний. Суть его избирательной платформы сводилась к требованию немедленной независимости. Порядка ради назовем пятого, беспартийного кандидата Элисаиа, который хотел, чтобы Полинезией управлял бог. Разумеется, с его, Элисаиа, бескорыстной помощью.

Хотя Сэнфорд натолкнулся на все обычные препятствия: закрытые двери радио- и телестудии, нехватку денежных средств, мощную правительственную поддержку голлистского кандидата, он победил, собрав больше голосов, чем когда-либо — 22 484 (55,37 процента). Флосс был вторым — 13 884 голоса (34,19 процента), Тауфа третьим — 2933 голоса (7,22 процента). Чарли Чин, которого не признал ни один из лидеров автономистов, включая Пуванаа, получил 676 голосов (1,66 процента), а «пророк» Элисаиа — всего 340 (0,8 процента). Если бы от местных выборов были отстранены (как того постоянно требовали автономисты) временно размещенные в Полинезии 6—7 тысяч гражданских служащих, техников, солдат и офицеров из метрополии, результат голлистского кандидата, естественно, был бы гораздо скромнее.

Для всех жителей Французской Полинезии, за исключением одного-единственного человека, главным итогом выборов было то, что две трети избирателей, а если брать только полинезийцев — четыре пятых голосовали за автономию. Исключение составил губернатор. Выступив по телевидению поздно вечером 12 сентября, он выразил свое удовлетворение результатами голосования, которые, по его личному мнению, свидетельствовали, что 98,34 процента избирателей (все те, кто не поддержал Чарли Чина) не хотят независимости! И с радостной улыбкой губернатор пожелал зрителям спокойной ночи.

К тому времени Жискар д'Эстен освободил от должности премьер-министра Жака Ширака, преобразовал кабинет и подчинил министра по делам заморских территорий своему ближайшему сподвижнику Мишелю Понятовскому. Этот странный ход можно истолковать как выражение недовольства Стирном, но главный смысл его в том, что он подтверждает неуклонное стремление Жискара д'Эстена преобразовать остающиеся французские владения в Тихом океане в департаменты. (В качестве министра внутренних дел Понятовский заведовал департаментами метрополии.)

ПОСТСКРИПТУМ

Недавние события во Французской Полинезии свидетельствуют о наличии серьезных утечек информации на двух уровнях. Как ни стараются руководящие инстанции ЦТИ и КАЭ следить за соблюдением секретности, невозможно помешать французским и полинезийским рабочим, приезжающим с Моруроа в отпуск на Таити, рассказывать своим друзьям и родственникам о виденном и слышанном. Начиная с 1966 года информация, поступающая из этого важного источника, регулярно публикуется в таитянских газетах, и всякий раз она оказывается поразительно точной, хотя подчас нам приходилось месяцы и даже годы ждать официального подтверждения. Так что у нас есть полные основания доверять и следующему сообщению, напечатанному в «Журналь де Таити» 27 декабря 1976 года: «Ходят упорные слухи, что последние подземные испытания на Моруроа, предпринятые около месяца назад, отнюдь не увенчались успехом. Образовавшийся при взрыве радиоактивный газ не пошел по назначенному каналу, и специалисты все еще выясняют, куда он делся. Представители ЦТИ, как обычно, отказываются дать какую-либо информацию или комментировать происшедшее».

Через полтора месяца депутат Национального собрания Фрэнсис Сэнфорд обратился к губернатору с таким письмом: «В вашем письме от 7 февраля 1977 года вы доводите до моего сведения, что для прогресса в нынешних переговорах о статусе территории вы полагаете для меня необходимым вновь отправиться в Париж и встретиться с министром внутренних дел.

С огорчением прочитав последний законопроект, подготовленный французским правительством, я вынужден заявить, что совершенно утратил доверие ко всем высокопоставленным представителям французского правительства и к их многочисленным обещаниям.

Мне довелось лично убедиться, что политика сменяв-

ших друг друга президентов де Голля, Помпиду и Жискара д'Эстена в отношении заморских территорий преследует одну цель, а именно сохранить их зависимое положение.

Вот почему, на мой взгляд, остается лишь один путь, чтобы порвать связывающие нас административные, экономические, социальные и культурные путы, а именно добиться независимости.

Соответственно во Французской Полинезии следует провести референдум, чтобы убедиться, хотят ли ее жители независимости или не хотят. Разумеется, к голосованию должны быть допущены только уроженцы островов, которые автоматически стали бы гражданами свободной Полинезии.

Теперь, когда я совершенно ясно изложил свое мнение, думаю, вам понятно, что мне нет никакого смысла совершать предложенную вами поездку в Париж».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юго-восточная часть архипелага Туамоту — запретная зона. Зона, опасная для судоходства, имеет радиус 120 морских миль с центром на Моруроа; эта зона продлевается на восток еще на 80 миль (сплошная линия). Зона, опасная для самолетов, имеет радиус 200 морских миль с центром на Моруроа; она продлевается на восток еще на 500 миль (пунктирная линия). Почти все острова в этих зонах обитаемы.

² Пу в а н а а а О о п а Т е т у а а п у а (1895—1977). Плотник и каменщик. Активный участник борьбы за независимость Французской Полинезии. Депутат Национального собрания с 1949 г. Лишен депутатского мандата с 12 февраля 1960 г. Приговорен к длительному тюремному заключению. После досрочного освобождения избран в 1971 г. в Сенат Французской Республики. В Сенате входил в центристскую группировку.

³ Весной 1958 г. Франция переживала глубокий политический кризис. Правительство Гайяра ушло в отставку. Новый кабинет возглавил Пьер Пфлимлен, председатель партии МРП (народно-республиканское движение), созданной в 1944 г. 13 мая правые силы начали восстание в Алжире, в ходе которого был создан Комитет общественного спасения во главе с генералом Массю. К восставшим присоединилась Корсика. Соединения французской армии в Алжире готовились к высадке на территории метрополии. 28 мая Пфлимлен подал в отставку. 1 июня Национальное собрание назначило главой правительства генерала Шарля де Голля.

⁴ Д ж о н Т е а р и к и. Род. в 1914 г. Судовладелец. В течение ряда лет депутат Национального собрания Франции от «Демократического объединения населения Таити».

⁵ Л у и Ж а к и н о. Род. в 1898 г. Адвокат. Депутат Национального собрания в 1932—1942 и 1945—1973 гг. Активно сотрудничал с де Голлем в годы второй мировой войны. Неоднократно занимал министерские посты, в том числе министра по делам заморских департаментов и территорий (1961—1966).

⁶ Ж е р а л ь К о п п е н р а т. Род. в 1922 г. Адвокат. Советник Территориальной ассамблеи Французской Полинезии (1957—1967). Член Сената от голлистской партии (1958—1962).

⁷ Эме Сезер. Род. в 1913 г. Преподаватель лицея. Председатель прогрессивной партии Мартиники. Бессменный депутат Национального собрания с 1946 г. С 1974 г. примыкает в парламенте к группе Социалистической партии.

⁸ Жак Фоккар. Род. в 1913 г. Близкий сотрудник де Голля. Генеральный секретарь голлистской партии «Объединение французского народа» (1954 г.). Генеральный секретарь канцелярии президента Республики по делам французского сообщества, африканским и мальгашским делам (1961—1974).

⁹ Альфред Порои. Род. в 1906 г. Театральный импрессиарио. Организатор первой радиостанции на Таити, владелец торгового агентства. Мэр Папеэте (1942—1966). Территориальный советник Французской Полинезии (1942—1972). Сенатор, избранный по списку голлистской партии (1962—1971).

¹⁰ Филипп Жискар д'Эстен. Род. в 1928 г. Инженер. Директор ряда крупных промышленных компаний (СОДЕТЕГ, СОДЕТРА); электронных, электротехнических, телефонных обществ, крупных научных лабораторий.

¹¹ Пьер Месмер. Род. в 1916 г. Примкнул к движению «Свободная Франция» в 1940 г. Участвовал в борьбе с фашизмом в Африке, Италии, Франции и Германии. Губернатор Мавритании, Берега Слоновой Кости (1952—1956). Верховный комиссар в Камеруне, Французской Экваториальной Африке, Французской Западной Африке (1956—1959). Военный министр (1960—1969). Глава французского правительства в 1972—1974 гг. Мэр Сарребурга с 1971 г.

¹² Гастон Палевски. Род. в 1901 г. Директор кабинета де Голля в Лондоне, Алжире и Париже (1942—1946). Один из организаторов голлистской партии «Объединение французского народа». Посол в Италии (1957—1962). Министр научных исследований, атомных и космических вопросов (1962—1965). Член французской академии наук с 1968 г. Председатель Конституционного совета (1965—1974).

¹³ Ален Пейрефит. Род. в 1925 г. Дипломат. Государственный деятель. Писатель. Член французской Академии наук.

Секретарь посольства в Бонне, генеральный консул в Кракове, представитель Франции в Европейской парламентской ассамблее (1959—1962). В 60-х—70-х годах занимал посты министра информации; министра по научным исследованиям, атомным и космическим вопросам; министра национального образования; министра административных реформ и плана; министра по делам культуры и окружающей среды; министра юстиции. Был генеральным секретарем голлистского «Союза демократов за республику» (1972—1973).

¹⁴ Ивон Бурж. Род. в 1921 г. Ответственный сотрудник

ряда префектур в метрополии. Губернатор Верхней Вольты, верховный комиссар Французской Экваториальной Африки, верховный комиссар в Браззавиле (1956—1961). Неоднократно занимал посты государственного секретаря (по вопросам научных исследований, информации, по иностранным делам). Министр обороны в 1975—1978 гг.

¹⁵ Пьер Бийот. Род. в 1906 г. Генерал. Начальник штаба де Голля в Лондоне. Командир танковой бригады в дивизии Леклерка (1944). Руководитель французской делегации в Комитете начальников штабов Объединенных Наций (1946—1950). Министр национальной обороны и вооруженных сил (1955—1956). В 1966—1968 гг. занимал пост министра по делам заморских департаментов и территорий.

¹⁶ На протяжении 1966 г. генерал де Голль совершил ряд поездок в иностранные государства. С 20 июня по 1 июля он находился с официальным визитом в Советском Союзе. Де Голль посетил Эфиопию (27—29 августа). С 30 августа по 9 сентября он был в Кампучии. В Пномпене президент Французской Республики произнес речь, в которой потребовал вывода всех американских войск из Вьетнама и нейтрализации полуострова. Де Голль подчеркнул, что во Вьетнаме не может быть «военного решения» и «только политическое соглашение могло бы восстановить мир».

¹⁷ Морис Ленорман. Род. в 1913 г. Фармацевт. Руководитель «Союза Каледонии». Депутат Национального собрания с 1951 г. Его переизбирали в парламент в 1959, 1962 гг. Был лишен депутатского мандата по решению Конституционного совета 17 марта 1964 г. В Национальном собрании примыкал к центристам.

¹⁸ Фрэнсис Сэнфорд. Род. в 1912 г. Учитель. Сэнфорда избирали в Национальное собрание от Французской Полинезии в 1967, 1968, 1973, 1976 гг. В парламенте примыкал к независимым республиканцам и центристам.

¹⁹ После прихода к власти де Голля 28 сентября 1958 г. состоялся референдум по новой Конституции. Ее одобрили 79,25% избирателей, принявших участие в голосовании. Конституция резко ограничила полномочия законодательной власти (парламента) и значительно расширила права исполнительной власти (президента республики). Глава государства назначает председателя Совета министров, распускает по своему решению Национальное собрание и назначает новые выборы. Конституция запретила совмещение парламентского мандата с правительственным постом.

²⁰ «Комитет действия за Пятую Республику» создан в мае 1966 г. под руководством премьер-министра Жоржа Помпиду для координации тактики партий правительственного большинства в период под-

готовки и проведения очередных парламентских выборов, состоявшихся в марте 1967 г. Кандидаты Комитета получили 37,7% голосов.

²¹ Г а с т о н Ф л о с с. Управляющий предприятием. Род. в 1931 г. Председатель полинезийской федерации голлистской партии «Объединение за республику» (РПР). Президент, а затем член Территориальной ассамблеи Полинезии (1976—1977). Избран в Национальное собрание в 1978 г. Докладчик по бюджету министерства внутренних дел (заморские территории).

²² 19 декабря 1965 г., в результате второго тура голосования, генерал де Голль был избран президентом Французской Республики на новый семилетний срок. Он получил 54,49% голосов. За Франсуа Миттерана, единственного кандидата левых сил страны, проголосовало 10 557 480 (45,50%) избирателей.

²³ Государственный совет — высший орган административной юстиции во Франции. Высказывает также свое предварительное мнение по некоторым правительственным постановлениям и проектам законов.

²⁴ Национальная федерация независимых республиканцев — буржуазная партия, основанная 1 июня 1966 г. после ухода В. Жискара д'Эстена из французского правительства. Группа депутатов — независимых республиканцев существовала в Национальном собрании до создания Федерации. Ее члены были избраны в парламент по голлистским спискам. В мае 1977 г. «Национальная федерация независимых республиканцев» преобразовалась в Республиканскую партию. Вначале ее председателем был Валери Жискар д'Эстен, а затем Мишель Понятовский.

²⁵ 21 декабря 1958 г. состоялись первые выборы президента Пятой Республики во Франции. Были официально выдвинуты три кандидатуры: генерала Шарля де Голля, коммуниста Жоржа Маррана, являвшегося министром в 1947 г., профессора Шатле, почетного декана факультета естественных наук Парижского университета. По сравнению с Третьей и Четвертой Республиками состав коллегии выборщиков был значительно расширен — около 80 тыс. человек. Де Голль получил 77,5%, Марран — 13,6%, Шатле — 8,9% голосов выборщиков. 8 января 1959 г. генерал де Голль официально приступил к исполнению обязанностей президента Республики и французского Сообщества.

²⁶ Ж а к Д ю а м е л ь (1924—1977). С 1969 г. председатель центристской партии «Центр демократии и прогресса». Занимал посты министра сельского хозяйства (1969), министра культуры (1971—1972). Был избран в Национальное собрание в 1962, 1967, 1968, 1973 гг.

²⁷ Р о к П и д ж о. Род. в 1907 г. Земледелец. Депутат Нацио-

нального собрания от «Союза Каледонии», избран в 1964, 1967, 1968, 1973 гг. В парламенте входил в состав центристских группировок.

²⁸ Выборы в парламент состоялись 23 и 30 июня 1968 г. Впервые в истории Пятой Республики голлистская партия «Союз демократов за Республику» получила (вместе с депутатами от партий независимых республиканцев) абсолютное большинство в Национальном собрании — 354 места. «Федерация демократических и социалистических левых сил», возникшая в 1965 г. на основе объединения социалистов, радикалов, ряда политических клубов, располагала 57 мандатами, ФКП — 34 мандатами.

²⁹ Робер Галле. Род. в 1941 г. Инженер. Государственный деятель. В 60-е и 70-е годы неоднократно являлся членом французского правительства (министр по вопросам научных исследований, атомным и космическим вопросам; министр почт и телекоммуникаций; военный министр (1973—1974); министр по вопросам сотрудничества (1976—1978). Мэр города Труа с 1972 г.

³⁰ Морис Кув де Мюрвилль. Род. в 1907 г. Генеральный инспектор финансов. Посол Франции. Государственный деятель.

Член французского Комитета национального освобождения (1943). Посол в Риме (1945), в Египте (1950—1954), постоянный представитель Франции в НАТО (1954), посол в США (1955), посол в ФРГ (1956—1958). Министр иностранных дел (1958—1968). Премьер-министр (1968—1969).

³¹ Мишель Эншоспе. Род. в 1925 г. Генеральный инспектор банков. Директор банка. Эншоспе был избран в Национальное собрание от голлистской партии на выборах 1967, 1968, 1973 и 1978 гг. Государственный секретарь по вопросам заморских департаментов и территорий (1968—1969). Член Европейского парламента с 1977 г.

³² 27 апреля 1969 г. состоялся референдум по вопросам преобразования Сената и региональной реформе. Она вводила новое территориальное деление Франции на 21 район, каждый должен был обладать некоторой административной автономией и ограниченными правами в социальной и экономической сферах. Проект закона предусматривал создание в каждом районе нового органа — Собрания, формируемого из представителей департаментов, профсоюзов, организаций предпринимателей, крестьянских кооперативов (в общей сложности 40% мест) и делегатов, избранных муниципальными и генеральными советами. Однако фактически реальная власть, включая подготовку и осуществление местного бюджета, сохранялась в руках представителя правительства — префекта. В итоге референдума «за» предложенные де Голлем проекты законов проголосовали 10 512 469 избирателей, «против» — 11 945 149. Потерпев поражение, генерал де Голь немедленно ушел в отставку.

³³ Идеи корпоративного государства пропагандировались и преворались в жизнь фашистскими режимами Муссолини и Франко в Италии и Испании. С точки зрения фашистских идеологов и политиков, государство должно представлять собой совокупность служб (корпораций), выполняющих различные социальные и общественные функции. Это было «идейное» прикрытие для террористической фашистской диктатуры, выражающей интересы наиболее реакционных и агрессивных кругов монополистического капитала.

³⁴ Ален Поэр. Род. в 1909 г. Инженер. Сенатор (1946—1948 гг. и с 1952 по наст. время). Председатель Сената с 3 октября 1968 г. Председатель Европейского парламента (1966—1969). 1 июня 1969 г. на выборах президента республики был в первом туре кандидатом вместе с Жоржем Помпиду, Гастоном Деффером, Луи Дюкателем, Жаком Дюкло, Аленом Кривином, Мишелем Рокаром. В результате второго тура (15 июня) Поэр получил 7 943 118 голосов (41,78% от общего числа участников голосования), Помпиду — 11 064 371 голос. Временно исполнял обязанности президента республики в связи с отставкой генерала де Голля (1969) и смертью Помпиду (1974).

³⁵ Мишель Дебре. Род. в 1912 г. Известный деятель голлистской партии. В годы Пятой Республики неоднократно занимал министерские посты (министр юстиции; министр экономики и финансов 1966—1968 гг.; министр иностранных дел в 1968—1969 гг.; министр национальной обороны в 1969—1973 гг.). Был премьер-министром в 1959—1962 гг. Неоднократно входил в Сенат и Национальное собрание (от острова Реюньон). Мэр города Амбуаз с 1966 г. Был одним из официальных кандидатов на выборах президента республики в 1981 г. Выбыл после первого тура голосования.

³⁶ Анри Рэй (1903—1977). Активный деятель голлистского движения. Крупный предприниматель. Государственный министр в 1968 г., министр по делам заморских департаментов и территорий (1969—1971). Назначен членом Конституционного совета в 1971 г. Был избран в Национальное собрание на выборах в 1958, 1962, 1967, 1968 гг.

³⁷ Жак Шабан-Дельмас. Род. в 1915 г. Генерал. Известный деятель голлистской партии. Государственный деятель. Участник движения Сопротивления. Занимал посты министра общественных работ, министра национальной обороны, государственного министра (1954—1958). Глава правительства (1969—1972). Председатель Национального собрания Франции (1958—1969, 1978—1981). Один из кандидатов — участников первого тура президентских выборов 1974 г. (был избран В. Жискара д'Эстен). Мэр Бордо с 1947 г.

³⁸ Ксавье Деньо. Род. в 1923 г. Государственный секретарь

по делам заморских департаментов и территорий (1972—1973). Депутат Национального собрания в 1962—1972 гг.; переизбран в 1973 и 1978 гг. В парламенте примыкал к фракции голлистской партии.

³⁹ Мишель Понятовский. Род. в 1922 г. Один из создателей и руководителей «Национальной федерации независимых республиканцев». Министр здравоохранения и социального обеспечения (1973—1974), министр внутренних дел (1974—1977). Посол — личный представитель В. Жискар д'Эстена (1977—1981).

⁴⁰ Бернар Стази. Род. в 1930 г. Министр по делам заморских департаментов и территорий (1973—1974). Депутат Национального собрания (1968—1973), переизбран в 1978 г. Заместитель председателя партии «Центр демократии и прогресса» (1969—1975) и «Центра социальных демократов» (с 1976 г.). Мэр Эпернея в 1970—1977 гг.

⁴¹ Эймар Ашиль-Фульд. Род. в 1925 г. Администратор ряда промышленных и торговых обществ. В 70-е годы неоднократно занимал посты государственного секретаря, в том числе при военном министре в правительстве Пьера Месмера (1973—1974). Депутат Национального собрания в 1962—1973 гг., 1976—1978 гг. С 1969 г. заместитель председателя партии «Центр демократии и прогресса».

⁴² Жан-Жак Серван-Шрейбер. Род. в 1924 г. Журналист. Политический деятель. Редактор иностранного отдела газеты «Монд» (1948—1953). Основатель и директор издательской группы «Экспресс». Генеральный секретарь (1969), затем председатель партии радикал-социалистов (1971—1975 гг., переизбран в 1977 г.) В 1972 г. основал вместе с Жаном Леканюэ движение реформаторов. Министр реформ в правительстве Жака Ширака (28 мая — 9 июня 1974 г.). Депутат Национального собрания в 1970—1978 гг.

⁴³ Жак Пари де Боллардьер. Род. в 1907 г. Генерал. Служил в Иностранном легионе (в Марокко, Алжире, Камеруне, Габоне, Эритрее, Сирии, Ливии). Командовал парашютистами в Индокитае (1946—1948, 1950—1953). Заместитель командующего вторым армейским корпусом в ФРГ. В отставке с 1973 г. в ранге бригадного генерала. Председатель ассоциации «Французы против бомбы». Автор, вместе с Ж. М. Мюллером и Ж. Ж. Серван-Шрейбером и другими, книги «Батальон мира» (1974).

⁴⁴ Жозеф Комити. Род. в 1920 г. Хирург. Активный деятель голлистской партии. Государственный секретарь по делам молодежи, спорта и досуга (1968—1973), министр по вопросам отношений с парламентом (1973—1974), государственный секретарь по делам заморских департаментов и территорий (1974). Депутат Национального собрания в 1968, 1973 и 1978 гг.

⁴⁵ Президент Французской Республики Жорж Помпиду скон-

чался 2 апреля 1974 г. В результате первого тура президентских выборов 5 мая 1974 г. единый кандидат левых сил Франсуа Миттеран получил 43,24% от общего числа участников голосования, В. Жиска-кар д'Эстен — 32,60%, Жак Шабан-Дельмас — 15,10%. На втором туре президентом республики был избран Валери Жиска-кар д'Эстен.

⁴⁶ Ж а к С у ф ф л е. Род. в 1912 г. Администратор ряда компаний — транспортных, морских. Министр обороны в кабинете Жака Ширака (1974—1975). Сенатор от голлистской партии (1959—1974). Заместитель председателя Сената в 1971—1974 гг.

⁴⁷ О л и в ь е С т и р н. Род. в 1936 г. Занимал посты государственного секретаря при министре по вопросам отношений с парламентом (1973—1974); государственного секретаря по делам заморских департаментов и территорий в кабинетах Ж. Ширака и Р. Барра; государственного секретаря при министре иностранных дел (1978). Депутат Национального собрания в 1968—1978 гг. Заместитель председателя партии радикал-социалистов (1977).

⁴⁸ Р а й м о н М а р с е л л е н. Род. в 1914 г. Адвокат. В 50-х и 60-х годах неоднократно являлся государственным секретарем (по вопросам внутренних дел, промышленности и торговли, информации, административных реформ). Министр здравоохранения и населения (1962—1966), министр промышленности (1966—1967), министр внутренних дел (1968—1974). Депутат Национального собрания (1946—1956), переизбран в 1967, 1968, 1973 гг. Сенатор с 1974 г. Вице-председатель «Национальной федерации независимых республиканцев» с 1966 г.

О БЕНГТЕ И МАРИ-ТЕРЕЗЕ ДАНИЕЛЬССОН И ИХ КНИГЕ

1947 год. Перуанская осень в полном разгаре. Безвестный еще в ту пору норвежец Тур Хейердал в последний раз прикидывал, что не сделано и чего недостает к предстоящему дрейфу на бальсовом плоту через Тихий океан. Финансовые трудности, впрочем как и технические, по постройке плота, были преодолены. Неприятнее выдерживать уговоры и насмешки скептиков, окрестивших самоубийцами готовящихся к выходу в открытый океан пятерых норвежцев. Среди скептиков — военно-морской министр Перу, от которого зависело благополучное завершение строительства самого плота в военном порту Кальяо.

Скрипнула дверь, и норвежец напрягся: «Опять кого-то несет?!» Вошел высокий мужчина в изрядно потрепанной и выцветшей одежде. По громадной лысине и окладистой бороде можно было подумать, что это старик. Но молодые, искристые глаза и совершенно гладкая кожа лица и рук говорили об обратном. «Я где-то видел его,— подумал Тур.— Ах, да, вчера в газете был его портрет. Это шведский этнограф Бенгт Даниельссон...»

— Бенгт Даниельссон,— четко произнес вошедший, протягивая руку для знакомства.

«Сейчас он будет уговаривать меня не плыть на плоту»,— размышлял Тур, пожимая руку.

— Я только что освободился после этнографической экспедиции, которая преодолела сельву Бразилии от Атлантического до Тихого океана. Нельзя ли мне присоединиться к вашей команде и плыть вместе с вами? — сказал Даниельссон.

Удивленный Тур сначала недоверчиво посмотрел на шведа и поджал губы — он всегда поджимал их, когда ожидал подвоха или удара,— затем подумал: «А смелый же этот швед!»

— Да. Нас пятеро. А для удобства несения вахты нужен шестой. Он был, этот шестой, выехал из Норвегии, но в Нью-Йорке вдруг влюбился в девушку и остался там. А время не ждет...

Кто бы мог подумать, что именно с этого момента начнется путь из мглы безвестности под яркие лучи всемирной славы двух

выдающихся современных ученых Скандинавии и мировой науки — Тура Хейердала и Бенгта Даниельссона. 101 сутки дрейфа восьми тысяч километров через водные просторы отнюдь не всегда Тихого океана были маршрутом к небывалой популярности обоих и четырех спутников.

И это был не только путь шведа к славе, но и неожиданный для него самого переход к изучению этнографии народов Океании — области науки о культуре и быте океанийцев, которой с тех пор и на всю жизнь захвачен этот не по-северному темпераментный человек.

Я познакомился с ним и с его супругой в Москве — у известного советского переводчика-скандинависта Льва Львовича Жданова, когда эта иностранная чета в период с 21 по 30 октября 1965 г. впервые посетила нашу страну. Швед строен, крепок физически, очень моложав, и его лучистые, улыбчивые глаза и изумительно красивые зубы — белоснежные, ровные и крупные — как бы лишний раз подчеркивают его здоровье, закаленное многими сотнями дней, проведенными под открытым небом, в туристских походах и научных экспедициях.

Его всегда тянуло в дальние странствия. И когда он был мальчишкой, и когда стал студентом, и когда приобрел после плавания на бальсовом плоту «Кон-Тики» всемирную славу и ученую степень доктора наук, обрел материальное благополучие и семейный уют.

Бенгт Эммерик Даниельссон родился 6 июля 1921 г. в состоятельной семье в местечке Крокек в озерно-лесной провинции Эстергётланд в Швеции. Говорят, что скандинавы рождаются прямо с лыжами. Этим образно хотят сказать, что, когда годовалый младенец учится ходить, он это делает на лыжах.

И до школы, и в средней школе в городе Норрчёпинге Бенгт был незаурядным лыжником и, как все его сверстники, заядлым бойскаутом. С компасом и без него, с палаткой и просто в надежде на лесные избы и укрытие под кронами густых елей он исходил пешком и на лыжах лесно-озерное царство Средней Швеции. Вы не знаете, что это за царство? Почти волшебное!

Стоит выйти из населенного пункта — и турист оказывается в необъятном хаосе скал, могучего леса и непролазной травы. Мох и травы, папоротники и кустарники покрывают пересеченную местность густым ковром, и лишь кое-где выглядывает отвес еще не заросшего шершавого гранита или испещренного волнистыми светлыми линиями гнейса. А над всем сомкнулся густой лес.

Эту непролазную чашу со скалами и разнотравьем называют скугом. Не верьте глазам своим, если в словаре против этого слова вы прочтете только одно слово «лес». Скуг так же, а может быть в

большой степени, отличается от леса, как тайга от городского парка. И такой скуп в Швеции, начинаясь в какой-нибудь сотне метров от шоссе и железных дорог, покрывает всю страну от волнистой равнины Шонена на юге до тундровых пустошей Лапландии на севере. Скуп изрезан реками и речушками, усыпан бесчисленными озерами и болотами.

Число озер в Швеции велико (в основном как раз в Средней Швеции), и только Финляндия может превзойти ее в этом отношении. Недаром здесь в шутку говорят: «Когда бог отделял сушу от воды, он забыл о Средней Швеции — так все и осталось вперемежку!»

Мелкие и мельчайшие озера в скуге нанесены лишь на самых крупномасштабных картах. Но озера так похожи друг на друга, как и сам скуп в любом месте, что нужны незаурядная наблюдательность и немалая практика пользования компасом и картой, чтобы летом и зимой, днем и ночью уметь выбираться из этого лабиринта зарослей и озер. Недаром именно Швеция, как грибами после теплого дождя, усеяна отделениями Союза ориентирования, и именно в Швеции ориентирование на местности поставлено лучше, чем где бы то ни было. А Даниельссон как раз был в числе лучших — и в туристском путешествии, и в индивидуальных способностях по ориентированию.

Время шло. Мир охватила вторая мировая война. Нейтральная Швеция оказалась в кольце оккупированных немецкими фашистами или сражающихся на стороне фашистов держав. Бенгт учился в университете в Упсале, готовясь стать этнографом. Его влекли дальние страны, неведомые племена и народы.

Однако только после войны молодой этнограф мог посвятить себя науке. В 1946 г. Бенгт смог наконец отправиться в Бразилию в составе смешанной финско-шведской экспедиции под руководством известного финского ученого Рафаэля Карстена.

— Двадцать пять лет я видел лишь снег и испытывал нехватку тепла, — говорил он мне в Москве, не то в шутку, не то всерьез. — Ты спрашиваешь, почему нас, скандинавов, можно встретить повсеместно в зоне экватора в несравненно больших количествах, чем еще каких-либо европейцев или вообще белокожих? Да все потому же: осточертел снег, тянет к экзотике тропиков, к вечному лету...

Итак, сельва! Бескрайняя многоводная Амазонка с сотнями впадающих в нее рек. Пароход, катер, наконец, пешая экспедиция с вьючными лошадьми. Тысячи квадратных километров дремучих, труднопроходимых зарослей тропического леса — почти шведского скуга, такого же сырого и темного, взъерошенного и таинственного. Но зато теплого, даже душного, хотя и населенного на каждом

километре хищными четвероногими, ядовитыми или гигантскими пресмыкающимися, насекомыми, а также изумительно чувствительными и осторожными аборигенами чащ — индейцами Бразилии, в каждый миг готовыми пустить отравленную стрелу в причинивших им немало бед белокожих пришельцев.

Экспедиция поселяется у самого, по рассказам, свирепого и кровожадного племени индейцев — хиваро. Это они, убив врага, отрезают у него голову и высушивают ее в горячем песке до тех пор, пока она не уменьшается до размера кулака или яблока. И носят ее, подвесив за волосы, на своей груди. Кровожадны? Страшны?

— Нет,— отвечал Даниельссон на встрече в редакции газеты «Комсомольская правда» в Москве.— Мы жили среди них, изучая их быт и нравы. Когда царил мир, они были простодушны и приветливы, трудолюбивы и человечны не меньше, чем самые мирные европейцы. А засушенные головы? Это то же, что боевые ордена и медали у солдат цивилизованных народов, не больше!

Шли месяцы, прежде чем ученые пробились сквозь сельву, достигли Анд, перевалили через их горные хребты и спустились в Перу. Вся Южная Америка была пройдена с востока на запад в самом широком месте материка. Затем, предоставленный самому себе, Бенгт обратился к норвежцам. Последовал дрейф с пятью коллегами на плоту «Кон-Тики». Правда, швед оказался единственным из экипажа, имеющим специальную подготовку этнографа и владеющим, кроме того, испанским языком.

На парусе плота норвежцем Эриком Хессельбергом был нарисован бородатый бог «Кон-Тики», и именно Даниельссону впервые было присвоено почтительное имя «сеньор Кон-Тики», когда плот финишировал на архипелаге Туамоту, на востоке Французской Полинезии. Лишь позже, во время археологических работ Хейердала на острове Пасхи и Маркизских островах, этот титул переключался к капитану легендарного плота — к самому Туру Хейердалу.

Даниельссона так увлекла экзотика Южных морей, что он после плавания на плоту вновь вернулся туда, поселился на архипелаге Туамоту и стал изучать культуру и быт островитян. Здесь ему в работе помогала жена — француженка Мари-Тереза. Нужно же было так сложиться, что именно в Перу определился путь Даниельссона в этнографию полинезийцев и именно в Перу он познакомился с девушкой из французского посольства и после плавания женился на ней!..

— Я потому и вышла замуж за Бенгта, что мне нравятся его занятия, путешествия, экспедиции, вообще жизнь странника,— сказала Мари-Тереза в Институте этнографии Академии наук СССР на встрече с советскими учеными-этнографами.— Он даже хотел взять

меня с собой на плот. Но и норвежцы хотели взять своих невест. А шесть женщин на плоту — слишком много!

Мари-Тереза, став женой, оказалась незаменимой помощницей в работе Даниельссона на острове Рароиа в архипелаге Туамоту.

— Я помогала Бенгту в его работе этнографа, когда был необходим сбор научной информации среди женщин,— говорила Мари-Тереза.— Ибо женщине легче, а порой только ей и возможно найти общий язык с ними.

Благодаря женитьбе на французской подданной, Даниельссон получил право постоянного жительства во Французской Полинезии. Поселившись сначала на архипелаге Туамоту, Бенгт написал ряд научных статей и диссертацию на тему о культуре и быте аборигенов острова Рароиа. Защитив диссертацию и получив степень доктора философских наук, шведский ученый опубликовал отдельной монографией этот свой труд, а также популярное изложение диссертации под названием «Счастливый остров». Вообще он ярый сторонник того, чтобы труды ученого становились достоянием всех читающих, чтобы наряду с чисто научными исследованиями ученый издавал научно-популярные и научно-художественные книги.

«Счастливый остров» был переведен на многие языки, в том числе и на русский, и издан в СССР большим тиражом. В 1963 г. эта книга вышла в Швеции новым массовым изданием, дополненным главой о китайских поселенцах, влияние которых в повседневном общественном быту в последние годы резко возросло.

Начиная с 1950 г. Бенгт и Мари-Тереза побывали на многих архипелагах Полинезии и исколесили на поезде и своей автомашине бескрайние просторы Австралии. Бенгт изучил жизнь аборигенов Океании и Австралии, и эти наблюдения ученого-путешественника изложил еще в тринадцати научно-популярных, научно-художественных и просто художественных книгах. Пять из них изданы в СССР в переводе со шведского: «Большой риск», «Бумеранг», «Позабывтые острова» — о Маркизских островах и их обитателях, среди которых жил с семьей Даниельссон; «На „Баунти“ в Южные моря» — о мятежном экипаже корабля Блая и судьбе восставших моряков и их потомков, населении острова Питкерн; «Гоген в Полинезии» — о последних годах жизни в Полинезии знаменитого французского художника.

Еще три книги, полностью неизвестные советскому читателю, ибо издавались они у нас лишь фрагментарно в виде отдельных брошюр или же входили в состав сборников, тематически охватывают ту же громадную географическую область от Южной Америки до западных окраин Океании. Это — сборник путевых очерков «Путешествие сквозь джунгли и под парусами через океан», где автор

описывает свое участие в экспедициях в эти места. О путевых приключениях Даниельссона в Южной и Северной Америке повествует сборник: «Алоха — рассказы о путешествиях Бенгта». Научно-популярная книга «Любовь в Южных морях» освещает проблему сексуальных и семейных отношений на островах Полинезии. Ввиду большой популярности она уже вышла в Швеции тремя изданиями. Кроме того, Даниельссоном написаны специально для детей три художественные приключенческие книги, географически также привязанные к району Тихого океана, и одна из них — «Капитан Суматоха» издана в СССР в переводе со шведского.

Незаурядные знания, авторитет ученого с мировым именем, организаторский талант и отмеченная еще Хейердалом большая смелость Даниельссона побудили шведское правительство пригласить его на должность директора Шведского государственного этнографического музея в Стокгольме. Того самого музея, в фондах которого содержится самое большое в мире число вещевых этнографических экспонатов, которые хранятся в помещениях бывших солдатских казарм в ящиках, так как в Швеции нет таких помещений, где можно было бы надлежащим образом экспонировать все вещи или хотя бы часть из них.

Шведские государственные деятели рассчитывали, что смелому, одаренному ученому и организатору удастся расшевелить их самих, заставить выделить такие суммы, которые обеспечили бы постройку здания, по емкости и техническому оснащению отвечающего требованиям современного этнографического музея. Может быть, это было единственное в жизни Даниельссона мероприятие, которое ему не удалось осуществить. Ибо пригласившее его правительство не подалось никаким уговорам и не выделило необходимых ассигнований. После шести лет безуспешных усилий в 1971 г. Бенгт покинул должность директора музея. В это время на него и на Мари-Терезу обрушивается страшное горе: их единственная дочь Маруиа, обучавшаяся в балетной школе в Лондоне, сначала неизлечимо заболевает, а затем умирает в Стокгольме.

«Последние месяцы она лежала в Каролинской больнице в Стокгольме, а мы с Мари-Терезой жили в ее квартире на улице Маэстро Микаэля, рядом с церковью Катарины,— писал 10 января 1979 г. Бенгт переводчику этой книги Льву Жданову.— Все, что было связано с нею и со Швецией тех лет, стало таким болезненным для нас, что мы отвернулись от всего бывшего и ограничили круг наших интересов только Таити. Наша жизнь стала совершенно иной с тех пор, как мы покинули Швецию, и прежде всего после того, как наша дорогая Маруиа ушла из жизни...»

И Бенгт Даниельссон вернулся с супругой в свою усадьбу в

Паеа, возле столицы Французской Полинезии — Папезте на острове Таити. Здесь они похоронили Маруа.

Супруги живут в том же доме, который построили, когда впервые поселились здесь, и в котором родилась Маруа. Это жилой, или спальный, дом. Рядом еще несколько: кухня, дом для работы Бенгта и Мари-Терезы (библиотека с читальным залом), гостинный дом.

У приветливых, улыбчивых, доброжелательных супругов много друзей во всем мире. Особенно в Полинезии. На каждом острове, начиная с Рароа — первого места жительства их в Океании.

Прошло четверть века, с тех пор как Даниельссоны живут на Таити. Ни одно событие ни на одном из островов Французской Полинезии не укрылось от их взоров. Ни одна проблема, волнующая аборигенов этой французской территории, не была для них чужой. И освобождение из французской тюрьмы таитянина Пуванаа а Оопа, и получение народами Французской Полинезии автономии, и общечеловеческая проблема: запрет ядерных испытаний сначала в атмосфере над островами Моруроа и Фангатауфой, грозящих здоровью и жизни людей как Тихоокеанского региона, так и всего земного шара, а затем и испытаний в цоколе атоллов, не менее опасных для народов бассейна Тихого океана, так как через трещины после взрывов в воды океана просачиваются радиоактивные частицы.

Бенгт, имея право на жительство во Французской Полинезии, как супруг французской подданной, не был абсолютно частным лицом. Поскольку в этом обширном владении Франции Швеция не имела своего консула, Даниельссон согласился на общественных началах быть почетным консулом.

Решаясь посвятить свою новую книгу проблеме ядерных испытаний, Бенгт как иностранный подданный ставил себя под угрозу выселения из этой французской территории. Поэтому, чтобы обезопасить себя, он принял несколько профилактических мер: одна из них — он взял себе в соавторы жену и друга жизни Мари-Терезу, французскую подданную. Другая — рукопись была передана депутату Национального собрания Франции Жан-Жаку Серван-Шрейберу — единомышленнику Даниельссонов, который и опубликовал ее во Франции. Третья — эта документальная повесть построена на максимально научном аргументировании, когда в текст вводятся источники, подтверждающие выводы авторов. Однако авторы обращаются не только к ученым и общественным деятелям, но и к самому широкому кругу читателей. В первом, французском издании (1974 г.) — ко всему населению метрополии, в шведском (1977 г.) — ко всем скандинавам, в английском (1978 г.) — по существу, ко всему миру. И это не сухое исследование, а от первой и до последней страницы пронизанное горькой иронией и полное полемического задора произ-

ведение. На отвороте обложки шведского издания Даниельссон призывает: «Читайте! И размышляйте!» А в своем послесловии к этому же изданию он называет свое произведение «книгой протеста».

Книга представляет значительный интерес для советского читателя, мало осведомленного о нынешней гражданской и политической жизни Французской Полинезии, ибо книга — это не только узкополитический протест против испытаний ядерного оружия, но и широкое историко-этнографическое социологическое и публицистическое произведение, написанное со знанием дела и с широким использованием документальных источников.

В 1978 г. супруги Даниельссон написали президенту Франции Жискару д'Эстену письмо, в котором выразили свое критическое отношение к продолжению Францией ядерных испытаний в Полинезии. Реакция последовала незамедлительно. 8 ноября 1978 г. шведский посол в Париже был приглашен в МИД Франции, и ему заявили, что Бенгт Даниельссон, консул Швеции во Французской Полинезии, нарушил статью Венской конвенции (которая говорит, что консулы обязаны не вмешиваться во внутренние дела страны-хозяйки), поэтому он объявлен «*persona non grata*» как дипломат, ибо он «продолжал и усиливал свою личную кампанию против политики и присутствия Франции в Океании». Мид Швеции принял к сведению это заявление, выразил сожаление по поводу того, что французское правительство вынуждено отстранить Даниельссона от занимаемого поста консула Швеции, но подтвердил, что его точка зрения на испытания ядерного оружия Францией в Тихом океане совпадает с точкой зрения Даниельссона, и... закрыл консульство Швеции на Таити.

Таким образом, Бенгт Даниельссон остался лишь частным лицом и на какое-то время находился под угрозой выселения из Французской Полинезии. Его спасло только то, что он — муж французской подданной, живущей там же.

К тому же он с Мари-Терезой после смерти Маруиа усыновил полинезийского мальчика и тем самым стал отцом французского подданного и родственником полинезийской семьи.

Произошло это так. У Даниельссона нередко гостят полинезийцы, особенно с Рароиа. Именно оттуда сначала со своими родителями, а шесть лет спустя, после возвращения Даниельссонов из Швеции, самостоятельно их посещал двенадцатилетний школьник Роберт. Мальчик жил в семье Даниельссонов во время долгих каникул. Они привыкли друг к другу, и Роберт с согласия, по совету своих биологических родителей сказал:

— Я останусь у вас, вы будете моими папой и мамой!

Этот обычай передачи ребенка в дружескую, но не обязательно биологически родственную семью и усыновления его ею широко из-

вестен у многих народов и описан этнографической наукой под названием «аталычество» (от «аталык», тюрк.— воспитатель), подробнее всего для кавказских и скандинавских народов и как раз полинезийцев.

Даниельссоны обеспечили Роберту хорошее образование: он окончил школу в Новой Зеландии, курс социологии при Кентерберийском университете. Юноша вернулся к приемным родителям. Его совершенное знание языков — французского и английского, помимо полинезийского, — дали ему хорошо оплачиваемую и интересную, по меркам Французской Полинезии, работу — в центральном отеле Папезте. В 1983 году ему исполнилось 23 года.

Роберт не единственное, но самое убедительное для полинезийцев свидетельство родства Даниельссонов с аборигенами — кровного и духовного. Даниельссоны искренне считают себя таитянами, живут у моря, одеваются и питаются как таитяне. Во время частых ливней и штормов они углубляются в изучение письменных источников, которые межбиблиотечный абонемент обеспечивает их с помощью рейсового самолета.

Даниельссоны уже с 1948 г. собирали для своих научных изысканий полевой, источниковедческий и историографический материал и к моменту издания книги протеста «Моруроа, любовь моя» оказались обладателями такого количества сведений о Полинезии, что создание многотомной хроники Полинезии стало неизбежным делом.

Именно так и произошло.

— Тридцать лет я мечтал о том, чтобы написать историю Таити, — сказал Бенгт в интервью корреспонденту шведской газеты «Skanska dagbladet» в июле 1980 г., когда вместе с супругой приехал на родину, чтобы отметить девяностолетний юбилей своей матери. — Теперь верю, что я выполнил это. Мы оба, Мари-Тереза и я, с семьдесят шестого года были заняты написанием большого труда в шести томах, по пятьсот страниц, который называется «Mémoires Polynésiennes». Это история аборигенов островов начиная с открытия европейцами этих земель, сделанного Магелланом в 1521 году, и вплоть до нашего времени. Полинезийский народ должен получить представление о том, как много он потерял от контактов с европейцами в течение кто двух, а кто и трех или четырех столетий. Отрадно, что это произведение очень ценится именно полинезийцами.

Весь тираж шеститомника — 4 тысячи экземпляров — самый большой в полиграфической истории этого региона — к 1982 г. был полностью распродан — прежде всего среди 150 тысяч аборигенов и отчасти среди туристов, число которых в последние пять лет держалось во Французской Полинезии на уровне 100 тысяч человек ежегодно. Шведское издательство Бра Бёкера подготовило сокра-

щенный перевод шеститомника с французского на шведский и намерено издать его в 1984 г.

В процессе работы над историей Полинезии супруги Даниельссон коснулись политической символики полинезийцев — красно-бело-красного флага таитян, который был еще во времена королевы Помарэ. Обнаружив, что равноширокие цветные полосы флага случайно совпадали как по ширине, так и по цвету с австрийским государственным флагом, Даниельссоны предложили Территориальной ассамблее в Папэте официально учредить собственный флаг, где белая полоса имела бы ширину, равную обоим красным. Проект утвердили, а сам Бенгт в числе политически активных полинезийцев носит на пиджаке эмблему этого флага с надписью по его белому полю «Хаере и муа», что означает «Вперед!», как пароль, подразумевающий отклик единомышленников — «К самостоятельности!». В числе этих единомышленников — его супруга, она — депутат Территориальной ассамблеи Французской Полинезии — борется за суверенитет этих островов.

— Они пытаются запугать меня, чтобы я молчал! — говорил Бенгт в 1978 г., когда был отстранен от поста почетного консула.

Несгибаемый Бенгт остался верен своим позициям. Например, когда летом 1981 г. полуфранцуженка-полудатчанка Мартин Петро начала систематический сбор материалов о последствиях французских испытаний в Тихом океане, одним из ее добровольных интервьюеров стал Бенгт Даниельссон. Отец Мартин Петро участвовал в работе французских атомщиков и умер от рака.

— Мы все облучены, — сказал Бенгт Мартин Петро. — Люди же, которые работают на Моруроа, заболевают раком, а те, кто хотя бы случайно имел контакт с радиоактивным материалом, страдают от язв на руках, ногах, на теле...

— Рак крови и щитовидной железы обычны во Французской Полинезии, — обобщила информацию, полученную из Французской Полинезии Мартин Петро в интервью шведской газете «Arbetsbladet» в октябре 1981 г. Власти молчат об этом. Они засекретили вообще все сведения о состоянии здоровья населения сразу же после первого испытания атомной бомбы в июле 1966 г. Но население свидетельствует, что рыба вокруг Моруроа мертва, а кораллы почернели.

Стараниями таких борцов против ядерных испытаний, как супруги Даниельссон, юная Мартин Петро, француз Брис Лалонд (один из руководителей «Green Peace» — движения за охрану окружающей среды), который пытался на одноименном корабле достигнуть Моруроа, чтобы помешать новым испытаниям, и который после неудачи передавал по своей радиостанции в эфир изобличающие сведения, стал достоянием общественности тот факт, что атолл Фанга-

тауфа почти разорван изнутри взрывами, а на атолле Моруроа взрывы образовали подводную вертикальную трещину «шириной от 15 до 19 дюймов и почти с километр длиной». В любую погоду, а особенно в штормовую, радиоактивный плутоний вытекает из этой гигантской раны атолла и заражает все большие просторы крупнейшего в мире океана. В предвидении предстоящих испытаний в цоколе атолла Моруроа нейтронной бомбы в борьбу против них включились инженеры из французского комиссариата по атомной энергии. Они подготовили секретный доклад, часть информации из которого стала известной по радиостанции Бриса Лалонда: о гибели или облучениях среди персонала при испытаниях, об опускании атолла Моруроа после каждого взрыва на 2 см, а за все время испытаний (с 1966 г.) — на 1,5 м. Авторы доклада положили его на сохранение в сейф швейцарского банка и грозят опубликовать, если их подвергнут аресту.

Среди писем и бандеролей, полученных автором этих строк от скандинавских коллег, есть письмо в конверте с прямо-таки фантастическими семью почтовыми марками, которые я даже не разобрал по клясерам своей коллекции. На марках изображен райский мир: синие лагуны, лодки под косыми парусами и гребные, пышные зеленые пальмы и очаровательные полинезийки в ярких одеждах и с венками на головах. Это письмо — весточка из мира антиподов, где живут вот уже 35 лет супруги Даниельссон!

Г. И. Анохин

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ю. В. Борисов. Предисловие	3
1. Словно волны цунами	16
2. Волны из Европы	26
3. Полинезию — полинезийцам!	29
4. Забытая речь де Голля	33
5. Реформа и революция	36
6. Чрезвычайно увлекательная история	42
7. «Никаких испытаний французского ядерного оружия в Океании»	49
8. Красноречивое молчание	58
9. Рождественский подарок де Голля	63
10. Никаких причин для тревоги	66
11. Относительно необходимости реформ	73
12. Легион проблем	75
13. Таитянская гардения	79
14. Китайский театр теней	83
15. Ударные силы в действии	88
16. Женское пополнение	95
17. Слоновая болезнь Полинезии	99
18. За цветочным занавесом	103
19. Три письма	106
20. Генеральская милость	109
21. Господин президент!	115
22. Избирательные коалиции	124
23. Таитянский язык — иностранный	132
24. Указ 1879 года	134
25. Да здравствует автономия!	139
26. Смерть автономистам!	142
27. Деколонизация: теория и практика	149
28. Алло, алло, Туреиа!	157
29. Запрет на изделия, опасные для здоровья	162
30. Гуманный акт	166
31. Пора надежд	170
32. Избранные сочинения о реформе	175
33. Взрывы на высоком уровне	178
34. Заморские вояжи министров	184
35. Роковая оплошность	191
36. Последний бой комиссара Арригьи	194
37. Либеральная реформа	197
38. «Радиотерапия» и телеуправление	202
39. Китайские церемонии	207
40. Совершенно безвредные осадки?	213

41. Никчемный контроль	219
42. Неотложная помощь	225
43. По доброй воле	232
44. Освобождение поневоле	236
45. Вялая попытка прекратить раздоры	246
46. Новый курс Жискара д'Эстэна	251
47. Маневры Стирна	257
48. Операция «Открытый атолл»	261
49. Не прибегнуть ли нам к африканским методам?	268
50. Другого выбора нет	273
Постскриптум	278
Примечания	280
<i>Г. И. Анохин. О Бенкте и Мари-Терезе Даниельссон и их книге</i>	288

Даниельссон Б. и М.-Т.

Д18 Моруроа, любовь моя. Пер. со шведск. Л. Жданова. Предисл. и примеч. Ю. В. Борисова, послесл. Г. И. Анохина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

300 с. («Рассказы о странах Востока»).

Эта книга, написанная известным шведским этнографом Бенгтом Даниельссоном и его женой, посвящена борьбе полинезийцев за самостоятельность, против губительных испытаний Францией атомной бомбы на островах Океании. Основана как на личных многолетних наблюдениях авторов, так и на тщательном изучении документов. Перевод дается с некоторыми сокращениями.

Д 0506000000-071
013(02)-83 КБ-7-58-83

32И

**Бенгт и Мари-Тереза
Даниельссон**

МОРУРОА, ЛЮБОВЬ МОЯ

*Утверждено к печати
Редколлегией серии «Рассказы
о странах Востока»*

Редактор Р. Г. Стороженко
Младший редактор М. В. Малькова
Художник Н. П. Ларский
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Г. А. Никитина
**Корректоры К. Н. Драгунова и Л. М. Коль-
цина**

ИБ № 14509

Сдано в набор 27.04.82. Подписано к печати 15.03.83. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Усл. п. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,21. Уч.-изд. л. 16,88. Тираж 39 000 экз. Изд. № 4994. Зак. 2347. Цена 1 р. 70 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

готовится к изданию книга

Пучков П. И. Этническая ситуация в Океании. 18 л.

В монографии рассматривается применительно к странам Океании каждый из элементов понятия «Этническая ситуация»: этнический состав населения, типы этнических общностей, степень развития этнического самосознания, этнические, демографические и миграционные процессы, национально-языковые проблемы, политика в национальном вопросе, межэтнические отношения. В книге приводятся новейшие сведения об этногенезе и этнической истории океанийских народов, дается прогноз основных направлений этнического развития Океании.

**ЗАКАЗЫ НА КНИГУ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ
КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ:
117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН
№ 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».**

1 р. 70 к.